

АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРЦИ.

Повесть о Вардапета Аристокэса Ластиверци

(пер. К. Н. Юзбашяна)

Текст воспроизведен по изданию: Повесть о Вардапета Аристокэса Ластиверци. М. 1968

<http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/L.phtml?id=2052>

[Предисловие](#)

[Главы 1-10](#)

[Главы 11-20](#)

[Главы 21-25](#)

[Литература](#)

[Сокращения](#)

Аристокэс Ластивертци, до 1022 — между 1072—1087 гг.) — один из крупнейших армянских историков XI века. О нём известно только, что он родом из местечка Ластиверт (к северу от современного Эрзурума)^[2].

АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРЦИ

ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРЦИ, О БЕДСТВИЯХ, ПРИНЕСЕННЫХ НАМ ИНОРОДНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ

АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРТЦИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

XI в. в истории Армении — время, насыщенное бурными событиями. Расцвет и последовавший за ним упадок политического могущества Анийского царства, захват армянских территорий Византией, нашествие сельджуков, разорение городов, массовые избиения и пленения, наконец, напряженная классовая и политическая борьба, усугубленная неизбежной феодальной междоусобицей, — все это оставило в сознании современников глубокий, неизгладимый след. Не удивительно, что эта эпоха дала писателя, сумевшего если не раскрыть, то хотя бы показать наиболее значительные явления своего времени.

Содержательность, достоверность изложения в сочетании с непосредственностью восприятия и, наконец, образность, порой подлинная художественность обеспечили «Повесть о Вардапете Аристокэса Ластивертци» почетное место в ряду лучших памятников армянской средневековой историографии. Аристокэс не сторонний наблюдатель. Он глубоко переживает события своей эпохи и всеми доступными ему литературными средствами стремится довести свои мысли и чувства до читателей. А в их памяти еще были живы описываемые автором события, близки и понятны его политические идеи.

Сведения, которыми мы располагаем об авторе «Повествования», весьма скупы. Как явствует из заглавия его труда, он был *вардапетом* — так в средние века называли ученого, который принадлежал к духовенству, но мог не исправлять богослужебных треб и быть непричастным к обрядам церкви. Это звание (и его атрибут — вардапетский посох) получали после специального экзамена. *Вардапеты* могли жить как в монастырях, так и при дворцах царя или католикоса. [14]

Вторая часть имени автора «Ластивертци» показывает, что он происходит из местечка Ластиверт. В главе X «Повествования», говоря об Арцне (городе, расположенном в то время к северу от нынешнего Эрзерума), Аристахэс называет его «нашим городом». На этом основании полагают, что Ластиверт находился близ Арцна. Широкая осведомленность в истории преимущественно византийской Армении (как и самой Византии) в какой-то степени может быть обусловлена западноармянским происхождением нашего автора.

«Повествование» было создано после 1072 г. В главе XXV Аристахэс упоминает о смерти сельджукского султана Алп-Арслана (1063—1072)—очевидно, он писал свой труд вскоре после этой даты, под впечатлением недавно пережитых событий. Аристахэс был очевидцем восстания Никифора Фоки против византийского императора Василия II в 1022 г., стало быть, он закончил свой труд в старости. Матфей Эдесский, завершивший свою летопись в 1136 г., упоминает Аристахэса среди церковных писателей X—XI вв. и говорит о нем как об уже умершем ¹. На основании текста «Повествования» *terminus ante quem* определяется точнее. В главе VII Аристахэс рассказывает о взятии Эдессы в 1031 г. византийцами и добавляет: «С тех пор и поныне город подвластен ромеям». Сельджуки заняли город в 1087 г. ², следовательно, сочинение было написано до этой даты.

Таким образом, хронологическими пределами создания нашего памятника следует считать 1072 и 1087 гг. Если к сказанному прибавить, что авторству Аристахэса Ластивертци приписывают богословские сочинения о рождестве Иисуса и о разговений, то этим наличествующие биографические сведения будут исчерпаны ³. [15]

Сочинение Аристахэса Ластивертци состоит из ритмического пролога, 25 глав и послесловия — духовной, по выражению Н. Эмина, средневековых летописцев. События излагаются в определенной хронологической последовательности ⁴, автор избегает экскурсов, и каждая глава представляет собой законченный очерк, посвященный определенному историческому событию. В «Повествовании» нетрудно выделить три темы, вокруг которых ведется изложение. Это Византия и армяно-византийские отношения, нашествия сельджуков и наконец деяния «нечестивых» еретиков-тондракитов.

Обратимся к разбору соответствующих глав сочинения, помня о том, что труд создан страстным публицистом и освещение, которое дает Аристахэс тому или иному факту, позволяет судить о его общественных и политических взглядах, ярко характеризует его мировоззрение. Это особенно важно, поскольку основные идеи памятника в известной мере отражают общественные настроения 70-х годов XI в. Хронологическими гранями «Повествования» являются 1000 и 1071 гг., но для уяснения описываемых событий следует сделать небольшой экскурс в историю багратидской Армении, коснувшись при этом и некоторых специфических моментов армяно-византийских отношений.

* * *

В 886 г. армянская феодальная знать возвела на престол князя князей Армении Ашота Багратуни. Халифат признал его верховные права, и арабский правитель (остикан) Ахмад ибн 'Иса от имени Му'тамида ибн ал-Мутаваккиля вручил Ашоту царскую корону, пожаловал ему царские одеяния, ценные дары, благородных коней, дорогое оружие и украшения.

Этот акт не был признанием царской династии: сыну Ашота, Смбату I, дважды пришлось испрашивать корону.**[16]** Более того, принимая от халифа царский венец, Ашот как бы признавал свою вассальную зависимость. Халифат не скоро примирился с утратой Армении, и страна не раз еще подвергалась арабским нашествиям. Тем не менее это был очень важный шаг по пути завоевания собственной государственности, навсегда, казалось, утраченной в V в. Более 400 лет Армения была данницей сасанидского Ирана, Византийской империи и арабского халифата, предпринимала героические попытки к освобождению, но соотношение сил было слишком неравным и восстания в большинстве случаев жестоко подавлялись. Но когда в IX в. обнаружилось явственные признаки разложения халифата, Армения начала борьбу за утверждение собственной государственности. Вслед за арабами и Византия признала Ашота царем. Византийское правительство надеялось, что Армения останется одной из имперских провинций, и признанием царской власти стремилось, с одной стороны, утвердить (подобно халифату) свои верховные права, с другой — не допустить безраздельности арабского влияния. В дальнейшем, на протяжении десятилетий, армянским династам приходилось лавировать между мусульманским халифатом и христианской империей.

Первоначально власть Багратидов распространялась на сравнительно ограниченную территорию северной Армении. Ашот I и его преемники стремятся расширить пределы своего государства, но повсеместно наталкиваются на упорное сопротивление феодальных владетелей. Осуществлению великой задачи Багратидов — созданию единого армянского государства — мешала и сложная внешняя обстановка: арабы время от времени предпринимали грабительские набеги и направляли друг на друга отдельные феодальные фамилии.

И все же к концу X в. значительная часть Армении сбросила арабское иго. Мелкие эмираты были упразднены и в большинстве случаев заняты византийскими войсками.

К X в. значительная территория северной Армении находилась под властью Багратидов. При Анюте III (952—977) малоприметная в прошлом крепость Ани стала столицей **[17]** Ширакского царства и в известном смысле общеармянской столицей.

Южнее Ширака, вокруг оз. Ван и на восток от него, располагалось Васпураканское царство. Там правили наиболее могущественные после Багратидов Арцруниды. Соперничество между ними и Багратидами принимало самые острые формы. В 908 г. эмир Йусуф вручил Гагику Арцруни (908—943) присланную халифом царскую корону, стараясь пресечь растущее влияние ширакских царей.

Западнее Ширакского царства было расположено Ванандское со столицей в Карее. Здесь правили представители боковой ветви Багратидов, которые находились в вассальной зависимости от ширакских царей.

В 970 г. в юго-восточной Армении образовалось новое княжество — Сюнийское, которое, как и Ванандское, зависело от Багратидов Ширака. Центром Сюника поначалу был Сисиан, а затем Капан.

Во второй половине X в. в северной Армении возникло Ташир-Дзорагетское, или Лорийское, царство с центром в Лорэ, где также правили представители рода Багратидов.

Помимо этих чисто армянских государственных объединений крупную политическую роль играет Тайское княжество со смешанным армяно-грузинским населением. С 60-х годов X в. здесь правит Давит Куропалат, один из могущественнейших феодальных династов Закавказья.

В это время Армения переживает период экономического подъема, который захватил и сельское хозяйство и ремесло. «Хутора превратились в села, а села—в города»,— рассказывает современник. Крепнет и ширится вотчинное хозяйство. В городах развивается ремесленное производство. Особой известностью пользуются армянская керамика и ткани, металлические изделия и ковры. Идет интенсивное городское строительство, возводятся неприступные замки. Как старые города (Двин, Ван), так и новые (Ани, Арцн, Каре, Хлат, Лорэ) вовлекаются в международную торговлю. По Армении проходят крупнейшие караванные пути. **[18]**

В период правления Гагика I Багратуни (990—1020) Армения достигает высшего расцвета. В 990-х годах Гагику удается овладеть Двином, древней столицей Армении, который на протяжении трех столетий был оплотом арабского владычества в Закавказье. Лорийское, Ванандское и в известной степени Васпураканское царства признают власть Гагика. С его правления и начинается Аристахэс Ластивертци свое «Повествование»⁵.

Расцвет Анийского царства совпал с периодом, когда Византийская империя повела решительную борьбу против крупных и мелких арабских правителей, стремясь вернуть свои малоазиатские провинции. При Никифоре Фоке (963— 969) и его преемнике Иоанне Цимисхии (969—976) в руках Византии оказались Крит и Кипр, северная Сирия с Антиохией и Алеппо, значительная часть Палестины и Киликии. Объектами византийских завоеваний становятся также Армения и Грузия. На протяжении X—XI вв. Византия неуклонно стремится утвердить свои верховные права над армянскими областями и одновременно способствует дальнейшей иммиграции в империю многочисленных представителей армянских феодальных фамилий. Первым значительным шагом на этом пути явился захват Тарона.

Плодородная Тарбнская область, расположенная в долине р. Арай;ани, западнее оз. Ван, вотчина крупнейшей феодальной фамилии Мамиконянов, в середине IX в. отошла к представителям боковой ветви Багратидов. На протяжении нескольких десятков лет византийское правительство, с одной стороны, покровительствовало местным феодалам, жаловало им титулы и имения, а с другой — разжигало междоусобицу. Византийское влияние в Тарбне было очень велико, и в 966 г., после смерти Ашота Багратуни, эта область была аннексирована. Византийское владычество, однако, вызывало **[19]** острое недовольство, и, когда в 976 г. крупный малоазийский магнат Варда Склир поднял восстание против императора Василия II, к нему немедленно примкнули сыновья Ашота Багратуни — Григор и Багарат, хотя еще совсем недавно Никифор Фока пожаловал им сан патрикия и одарил доходными имениями. Надо отметить, что роль армян в этом восстании очень велика: армянские отряды византийского войска первыми признали Склира императором⁶.

В главе III «Повествования» Аристахэс упоминает об этом восстании в связи с отложением Никифора Фоки.

Подчинив Тарон, Византийская империя начала решительное наступление на армяно-грузинскую область Тайк (Тао). Предыстория захвата Тайка теснейшим образом связана с восстанием Варды Склира.

Известно, что восстание приобрело громадный размах, византийские властители в Малой Азии один за другим примыкали к Склиру, правительственные войска терпели поражение. «Мятежник» дошел до Никеи и собирался двигаться на Константинополь. Положение стало угрожающим. И тогда паракимомен Василий, который три дворе Василия II и Константина фактически был регентом, предложил призвать на помощь другого малоазийского магната, Варду Фоку, томившегося в монастыре на о-ве Хиосе. В битве при Панкалии (близ города Амория) 19 июня 978 г. и в сражении при местечке Basilika Qerma (в византийской феме Харсиане) Варда Фока потерпел поражение. Тогда обратились за помощью к Давиту Куропалату. С Афона прибыл принявший схиму военачальник Торник, и под его командованием 12 тыс. солдат Давита помогли Варде Фоке нанести Склиру поражение во втором сражении при Панкалии 24 марта 979 г.⁷ В благодарность Давит получил в пожизненное [20] владение обещанные ему земли южнее Тайка⁸. Часть пожалованных земель фактически уже принадлежала Давиту, часть пришлось отвоевывать у мусульманских династов.

В 987 г. началось новое восстание, и давние противники Варда Фока и Варда Склир были объявлены императорами (в главе III Аристокэс вспоминает и об этом восстании). Фока вскоре предал Склира и двинулся к византийской столице. На этот раз Давит Куропалат ориентировался на Фоку-повстанца. Но прибывшая из Киева варяго-русская дружина помогла Василию II одержать победу, и в апреле 989 г. Варда Фока пал на поле битвы. Покончив с узурпатором, византийский император направил войска против Давита Куропалата. «И просил Давид, царь грузин, у царя Василия прощения и пощады и обещал ему повиновение и покорность и что его владения после его смерти будут присоединены к его (Василия) государству ...» — рассказывает об этих событиях хорошо осведомленный автор Яхья Антиохийский⁹. Следует думать, что мир был куплен признанием пожизненных прав не только на приобретенные территории, но и на вотчинные владения Давита¹⁰. После смерти тайского династа Василий II не преминул воспользоваться своими правами. [21]

31 марта 1000 г. Давит Куропалат был отравлен своими вассалами, подкупленными, очевидно, Василием II. Когда весть об этом дошла до императора, он поспешил в Тайк. С этих событий и начинается «Повествование». Согласно вашему автору и Асолику, император щедро одарил тайских феодалов, и они, «получив утверждение в своих владельческих правах и высокие титулы, радовались и ликовали». Навстречу Василию вышли также абхазский царь Баграт и его отец, царь Восточной Грузии Гургэн. Первый был возведен в достоинство [куропалата, второй— магистра. Однако эта идиллия не могла скрыть истинных намерений императора: Василий II стремился приобщить Тайк к своим владениям. Отношения между императором и местными феодалами были весьма напряженными, и достаточно было небольшого повода, чтобы началось настоящее сражение. Сопротивление тайских феодалов было сломлено, на поле боя осталось до 30 знатнейших местных династов. В изложении Яхьи Антиохийского нет красочных подробностей, свойственных рассказам Аристокэса и Асолика, но он точнее передает сложившуюся в Тайке обстановку: «И принял царь все страны грузин и назначил над ними от себя правителей из греков»¹¹.

Борьба за Тайк продолжалась. Уже в 1001 г. грузинский царь Гургэн попытался овладеть Таиской областью. Василий двинул против него войска под командованием Каникла (Никифора Урана), но лишь к зиме стороны пришли к полюбовному соглашению и Гургэн уступил.¹² Часть исконных владений Давита Василий пожаловал

(очевидно, пожизненно) царю Баграту III. В 1014 г. Баграт скончался, и ему наследовал сын его Георгий. Василий немедленно потребовал возвратить эти земли империи. Георгий решительно отказался сделать это, и Василий вынужден был временно забыть о своих притязаниях. Но «это было началом гибели Тайской страны», горестно замечает Аристакэс (стр. 58). [22]

Действительно, в 1021 и 1022 г. Василий II предпринимает походы на восток, чтобы окончательно вступить во владение завещанными ему Давитом Куропалатом территориями, на которые продолжал претендовать Георгий. В главах II, III и IV Аристакэс подробно описывает кровавые события этих лет, в результате которых Василий овладел значительной частью принадлежавших Давиту земель¹³.

В те же годы к Византии отошло и Васпураканское царство. Уже в 1000 г., Когда Василий II прибыл в Тайк, к нему явились васпураканские правители — братья Гургэн и Сенекерим Арцруни. Император, рассказывает Асолик, щедро одарил их и стремился оградить Васпуракан от нашествий соседних мусульманских правителей¹⁴. В 1016 г. Васпуракан подвергся набегу тюркской орды. Напуганные этим нашествием и тюркским же нападением на Нахчаван и Двин в 1021 г. царь Сенекерим и его брат и соправитель Дереник уступили свои владения Византии. Империя, рассказывает историк, получила 72 крепости и 4400 деревень (цифра, разумеется) преувеличенная). Васпуракан был превращен в катепанат, во главе которого поставили Василия Аргира, а затем Никифора Комнина. Сенекерим вместе со всей семьей, в том числе сыновьями Давитом, Атомом, Абусахлом, переселился в Каппадокию, ему был пожалован титул патрикия. Он стал стратигом Каппадокии и получил города Севастию, Лариссу и Авару. Армянские и византийские авторы (равно как и Яхъя Антиохийский) описывают это событие как мирное переселение. Между тем следует думать, что обмен владениями произошел не только под впечатлением тюркского набега, но и вследствие византийского нажима. Во всяком случае уже в 1021 г. сын Сенекерима Давит оказался в числе участников антиправительственного заговора Никифора Фоки (которому, впрочем, он вскоре изменил). [23]

О переселении Сенекерима в Византию Аристакэс вспоминает в главе III, причем ошибочно полагает, что сам Сенекерим (а не его сын Давит) принял участие в заговоре против Василия.

Наиболее значительным, хотя и кратковременным достижением византийской политики на Востоке явился захват Анийского царства. Утверждение империи в Васпуракане, Тайке и соседних областях не оставляло никаких сомнений в характере и целях византийской политики на Востоке. Опасаясь за судьбы Анийского царства, сын и преемник Гагика I Йовханнэс-Смбат (1020—1041) заключил союз с грузинским царем Георгием I, который продолжал сопротивляться византийской экспансии. Когда в 1000 г. Василий II впервые прибыл в Тайк, царь Гагик гордо отказался выйти ему навстречу¹⁵. Ныне же времена были не те; анийский царь, не чувствуя за собой реальной силы, явился вскоре с повинной. Немалую роль сыграла при этом, очевидно, и провизантийская группировка при армянском дворе, влияние которой быстро возрастало. Согласно «Повествованию», важнейшему литературному источнику по истории захвата Анийского царства Византийской империей, и другим памятникам, Василий вынудил армянского царя признать свои владения пожизненными и завещать их Византии. В 1041 г. скончались Йовханнэс-Смбат и его брат Ашот IV. Глава провизантийской группировки, регент Саргис (носивший византийский титул веста), предпринял попытку захватить власть, но другая партия, возглавляемая прославленным полководцем Вахрамом Пахлавуни, встала на защиту прав сына Ашота — юного Гагика II. Началась борьба между регентом и малолетним царем, и последнему с немалым трудом удалось вступить в Ани. В то же самое время

византийские отряды пытались занять Армению. «Когда весть о смерти [армянского] царя достигла ушей ромейского самодержца, — рассказывает Аристакэс в главе X, — он счел, что грамота об Армении [24] [утверждает его право] на наследственную собственность, и приступил к захвату города Ани и [всей] страны (стр. 81).

Население страны мужественно сопротивлялось, и император Константин Мономах, чтобы добиться успеха, решил заманить Гагика в Константинополь. Под нажимом провизантийски настроенных царедворцев Гагик покинул свою столицу и более туда не вернулся. Армянские писатели, в особенности Матфей Эдесский, неизменно обращают внимание на тот почет, которым окружили в Византии армянского царя, но они не в силах скрыть трагической действительности. Гагик оказался в почетной ссылке: ему был пожалован титул магистра, он получил прибыльные земли в Каппадокии, Харсиане и Ликанде, и после этого византийцы смогли занять все Анийское царство. Как и Вазпуракан, оно было обращено в катепанат. В то же время, когда византийские войска осаждали Ани, один из крупнейших армянских феодалов Григор Пахлавуни отказался от прав на свою вотчину и переселился в Византию, получив титул магистра и земли в Месопотамии.

В 1064 г. сходным же образом империя овладела Ванандским (Карсским) царством.

Византийской империи, армяно-византийским отношениям в «Повествовании» уделено значительное место. Аристакэс отлично знаком с внутренним устройством Византийской империи, хорошо знает административную терминологию. Он широко пользуется такими специфическими терминами, как *паракимомен*, *анфипат*, *орфанотроф*, *руга*, *доместик*, употребляя их в арменизированной форме, бытовавшей в армяноязычной среде: *парекиманос*, *антипатос*, *ортанорос*, *хрос*, *демесликос*. В его лексике встречаются кальки таких терминов, как *прония* — *хог*, *динат* — *хзор*. Осведомленность Аристакэса в вопросах, связанных с византийской действительностью, носила не только книжный характер, так как он происходил из той части Армении, которая с конца IV в. была включена в состав империи.

Отношение Аристакэса к Византийской империи весьма различно. В тех случаях, когда автор повествует о стране [25] греков и ее правителях вне зависимости от Армении, он выступает лишь в качестве моралиста. Описывая, например, царствование Михаила V Калафата, усыновленного и возведенного на престол Зоей, Аристакэс пишет: «Но кесарь вместо благодарности императрице за добро замыслил сослать ее с родными на отдаленные острова, дабы власть принадлежала только ему и его близким» (стр. 77). Михаил V царствовал очень недолго и по приказу сестры Зои, Феодоры, был ослеплен. «А император, который еще вчера пребывал на золотом престоле и повелевал вселенной, сегодня ослеплен и восседает на седалище тщеты и поношения. И те, кому казалось, что они будут вечно владеть морем и сушей, в единое мгновение лишились возможности спасти самих себя... Такова история переменчивой судьбы кесаря...» (стр. 78). Такой сентенцией заканчивает Аристакэс главу IX. В другом месте Аристакэс рассказывает об императоре Романе Аргире, который приказал схватить сирийского епископа, остричь ему бороду, посадить на осла, провести по площадям и улицам Константинополя, а затем заковать в железо; несчастный умер в оковах. Аристакэс порицает Романа за его приверженность к халкидонитству и объявляет, что за подобные прегрешения ромеев вскоре постигло наказание божье: арабы напали на византийские отряды и учинили страшное избиение (глава VI).

Гораздо интереснее проследить за мыслями историка когда он повествует об армяно-византийских отношениях. Современник и очевидец того, как Византийская империя дипломатическими средствами и силой оружия смогла наконец захватить

значительную часть армянских территорий, Аристокэс, казалось бы, должен был выступить ярким противником византийского владычества. Однако его отношение к Василию II, который на протяжении двух десятилетий вел борьбу за овладение Тайком и создал предпосылки для дальнейшего захвата Анийского царства, не оправдывает это предположение.

Выше говорилось, что в главе I «Повествования» речь идет о том, как был убит Давит Куропалат, причем грузинские [26] феодалы, отравившие Давида под пасху 1000 г., были спровоцированы не кем иным, как Василием II.

Симпатии Аристокэса целиком на стороне Давита: «был он могучий и щедрый созидатель, пекся о бедных и воистину [воплощал] мирное начало, ибо в его время каждый отдыхал под своим виноградным кустом и смоковницей» (стр. 56). Автор с удовлетворением отмечает, что убийцы «блаженного мужа» понесли заслуженное наказание; он явно догадывается, кто стоял за спиной отравителей: тайские *азаты* «задушили блаженного мужа, ибо были недовольны его действиями и уповали на обещания, данные до этого императором» (стр. 56). И тем не менее историк не порицает Василия II, бесстрастно повествует об административных мерах, проведенных в отошедших к Византии провинциях, и завершает рассказ сообщением, что после этого Василий мирно пустился в путь и прибыл в свой царственный город Константинополь. «Это было в 450 году (армянской эры, т. е. 1001-1002 г. нашего летосчисления.— К.Ю.), и в стране на 14 лет воцарился мир».

В 1021 г. Василий совершил новый поход на Восток, чтобы утвердиться в завещанных ему Давитом Куропалатом областях. Грузинский царь Георгий I оказал византийским отрядам сопротивление. Началось ужасное побоище, жертвой которого явилось мирное население захваченных городов и сел. Со свойственным ему жаром Аристокэс рисует страшную картину резни, учиненной византийскими отрядами. Но эти бедствия вызваны, по его мнению, богохульством грузин либо обусловлены жестокостью «западного войска, набранного из диких племен». Сам же император выступает в роли грозного мстителя, защитника своих законных интересов: «Боже, где твое милосердие! Сколь безжалостен приказ императора! Но и свершенное не смягчает его гнева, он вновь и вновь поднимает десницу, чтобы умножить эти бедствия новыми!» (стр. 62). Вообще же Василий для нашего автора — «могущественный император, постоянный победитель в войнах, подчинивший множество стран, увлеченный подвигами мужества» (стр. 71). [27]

Аристокэс превосходно осведомлен о том, что в 1021 г. армянский царь Йовханнэс-Смбат завещал Анийское государство византийскому василевсу. Более того, он с безнадежностью заключает, что то была «грамота о гибели Армении!». И при всем этом — откровенный пиетет к памяти автократора. Все это заставляет думать, что во времена Василия II и Константина VIII византийская дипломатия предпринимала настойчивые и небезуспешные попытки уверить армянскую знать в дружественных намерениях империи. И если, основываясь только на интересующем нас памятнике, о подобных шагах можно лишь догадываться, то у Матфея Эдесского (завершившего свой труд, собственно основную его часть, в 1136 г.) сохранилась выразительная реплика. Матфей рассказывает, что накануне смерти Василий призвал к себе будущего Константина VIII и обратил его внимание на Армению, дабы тот «отечески покровительствовал этому народу»¹⁶. Матфей сохранил отголосок тех настроений, которые у Аристокэса нашли лишь опосредствованное отражение. Впрочем, и в «Повествовании» мы находим отрывок, который призван иллюстрировать дружелюбное отношение последних императоров Македонской династии к Анийскому царству. По словам автора, накануне смерти император Константин VIII вызвал к себе армянского иерея Кюракоса, вручил ему грамоту по поводу Армении и сказал:

«Доставь это письмо, передай царю Армении. И скажи ему, что нас, как и всех смертных, достиг зов смерти, поэтому, мол, возьми свою грамоту и передай царство сыну своему, а сын твой — своим отпрыскам навечно!» (стр. 80). Кюракос же, заключает автор, припрятал грамоту, затем продал ее Михаилу IV, став виновником величайших бедствий армянского народа.

Апокрифичность этого известия доказательств не требует, но характерно, что Аристокэс включил его в главу X, посвященную захвату Ани, стремясь тем самым противопоставить [28] политику Василия и Константина захватническим действиям Мономаха.

Действительно, те страницы «Повествования», которые посвящены захвату Анийского царства, проникнуты иным настроением. В речи Аристокэса явственно заметны нотки осуждения византийской политики. В 1041 г. умер царь Йовханнэс-Смбат. Анийское царство перешло во власть империи. Наш автор порицает Константина Мономаха за вероломство: Ани был захвачен «не по закону войны, но лукавой речью». Он вспоминает о завещании Йовханнэса-Смбата:

«Все это постигло Армению из-за сделки, о которой мы недавно упомянули. Этот торг кажется мне более бесчеловечным, чем Иудин, ибо в том случае продавший достоин осуждения, но сама сделка явилась уплатой за спасение всего человечества ... Этот же торгош (имеется в виду иерей Кюракос.— К,Ю.) нагл и бесчеловечен, ибо явился причиной стольких зол» (стр. 83—84). Привлекая многочисленные цитаты из священного писания, автор клеймит Мономаха за многие злодеяния по отношению к Армении и армянской церкви. Чтобы усилить впечатление, Аристокэс тщательно собирает и преподносит множество сведений о беспутстве и чревоугодии императора. Но даже в главе, посвященной падению Анийского царства, Аристокэс Ластивертци не столько осуждает империю и ее захватническую политику, сколько оплакивает бедственный «конец страны нашей Армянской»: «В эти дни ромейские войска в своем натиске четырежды вторгались в Армению, пока мечом, огнем и взятием в полон не обратили всю страну в безлюдье. Когда я вспоминаю об этих бедствиях, дух мой смущается, мысли останавливаются, ужас вызывает дрожь в руках, и я не в силах продолжать повествование, ибо горек рассказ мой, он достоин великих слез» (стр. 81—82).

Сводя воедино главы и страницы «Повествования», посвященные Византийской империи, мы особенно отчетливо видим двойственное отношение Аристокэса к византийской политике в Армении. В отдельных случаях он страстно обличает вероломство василевсов, но признать империю врагом [29] не решается. Оплакивая утраченное благоденствие армянского народа и вспоминая славное прошлое, наш автор горестно замечает: «Помимо княжества Куропалата и территорий, подвластных ромеям, в Армении были четыре царских престола. Была великая патриаршая власть, вызывающая зависть среди всех народов...» (стр. 106). Таким образом, византийское владычество как таковое представляется ему столь же естественной формой правления, что и царская власть в Армении.

Еще за несколько лет до создания интересующего нас памятника отношение к Византийской империи было одним из критериев политической ориентации. Чьи воззрения могло отражать «Повествование»? Разумеется, не той части армянского феодального общества, которая стала на откровенно провизантийскую точку зрения и в 40-х годах XI в. группировалась вокруг веста Саргиса и католикоса Петроса. Но Аристокэс, видимо, был далек от группировки, возглавляемой Вахрамом Пахлавуни, оказавшей решительное сопротивление византийской экспансии. Аристокэс Ластивертци — выразитель настроений той группы, которая признала византийское

владычество со всеми его последствиями естественным *modus vivendi* и вольно или невольно примирилась с имперским правопорядком. И тогда становится понятным, почему он столь бесстрастно повествует о переселении в Византию васпураканского царя Сенекерима или будущего дука Месопотамии Григория Магистра. Если учесть, что автор жил в давно «византинизированных» областях Армении, подобное мировосприятие станет еще более оправданным.

* * *

Главная тема «Повествования» — нашествие тюрков-сельджуков. Это событие и послужило толчком к созданию интересующего нас памятника: ведь Аристакэс повествует «о бедствиях, принесенных окружающими нас инородными племенами». Согласно армянским источникам, впервые тюрки проникают в Армению в 1016 г. Против появившегося [30] в Васпуракане тюркского отряда, рассказывает Матвей Эдесский, выступил царевич Давит, но вынужден был отступить. «До этого [армяне] никогда не видели тюркской конницы. Когда же встретились, поразились их облику. То были лучники с распущенными, как у женщин, волосами, армянское же войско не умело защищаться от стрел», — повествует хронист¹⁷. Об устрашающем впечатлении, произведенном тюрками, рассказывает также продолжатель Фомы Арцруни. Если верить источнику, именно этот набег заставил царя Сенекерима Арцруни покинуть Васпуракан и переселиться в Византию¹⁸.

В 1021 г. тюрки снова напали на Армению. Их отряд дошел до Двина, но навстречу вышел князь Васак Пахлавун и одержал над ними победу¹⁹. С начала же 30-х годов XI в. на Армению совершают нападения отряды собственно сельджуков²⁰.

Но настоящее нашествие на Армению началось в 1047/48 г. К этому времени огузские племена, во главе которых стояли Тогрул-бек Мухаммад, Чагры-бек Давуд — внуки Сельджука, дядя Тогрул-бека Ибрахим Янал и Кутулмыш, представляли собой значительную силу. Они нанесли поражение династии Газневидов. В августе 1038 г. тюрки заняли Нишапур, и с тех пор имя Тогрул-бека произносилось во время пятничной молитвы. 22 мая 1040 г. последний Газневид Масуд в битве при Данданакане был обращен в бегство. Значительные массы огузов двинулись к Азербайджану, вторглись в Армению и Верхнюю Месопотамию. Это нашествие, завершившееся в 1071 г. поражением византийского войска в битве [31] при Маназкерте (греч. Манцикерт) и пленением императора Романа IV Диогена, и составляет основное содержание нашего памятника. К описанию тюркского нашествия автор приступает в главе XI.

Первый набег был совершен в 1047 г., когда тюркские отряды через Васпуракан проникли в долину Басеана, плодородную местность южнее Эрзерума. «Они дошли до *гавара* Басеан, до *дастакерта*, который зовется Валаршаван, мечом, огнем и взятием в полон разорили 24 *гавара*» (стр. 87). Этот поход преследовал, вероятно, разведывательные цели. В следующем, 1048 году тюрки опять дошли до Басеана и Карина. Близ Смбаатовой крепости, в области Мананали, скопилось множество беженцев, и Аристакэс рисует потрясающую картину их поголовного избиения.

В последующих главах, довольно однообразных по манере изложения, подробно рассказывается о разорении Арцна, о поражении, которое понесли византийские войска в 1049 г. близ Басеана. В 1053 г. тюрки осадили столицу Ванандского царства Каре, захватили и подожгли ее; смерти избежали лишь те, кто скрылся в городской цитадели.

Подробно описывается поход 1054 г. (глава XVI), который возглавлял сам султан Тогрул-бек. Тюрки дошли до Маназкерта, но взять его не смогли и повернули обратно. Здесь же, между прочим, Аристокэс рассказывает о стычке у Баберда между тюркским отрядом и воинами известной варяго-русской дружины, состоявшей на византийской службе. «Повествование» остается пока единственным в армянской литературе памятником, сохранившим армянскую форму термина «варяги» — *вранги*.

Аристокэс продолжает свой рассказ о набегах на области Хаштеанк, Хандзэт, Хордзеан, Мананали — армянские территории, номинально относящиеся к Византийской империи, подробно описывает нападение на Мелитину. Выходец из округа Арцна, Аристокэс отлично разбирается в географии соседних областей, сообщает множество подробностей, почерпнутых, вероятно, из устного источника. Он прерывает свой рассказ, чтобы обличить нечестивых еретиков-тондракитов, и вновь [32] возвращается к сельджукам, описывая захват Ани султаном Алп-Арсланом в 1064 г. Заключительная глава XXV посвящена битве при Манцикерте, в которой византийский император Роман Диоген был разгромлен тюрками и попал в плен (1071 г.).

Главы, посвященные сельджукским нашествиям, имеют большую познавательную ценность. Автор сообщает подробные сведения о маршрутах походов, тактике, военной технике тюрков. Из его изложения явствует, что поначалу тюрки стремились лишь овладеть городами, чтобы захватить добычу, и не делали попыток создать свое политическое управление. Попутно Аристокэс приводит немногочисленные, но очень интересные сведения о торгово-ремесленных центрах Армении — Ани, Арцне, Карине и др. И хотя рассказ изобилует цитатами из Библии и риторическими экскурсами, изложение действительных событий можно выделить без труда.

Нашествие тюрков Аристокэс Ластивертци воспринимает как величайшее бедствие. В беспредельной ненависти к врагам-поработителям тонет обязательная для христианского писателя враждебность к инаковерующим. Сельджуки — убийцы, разрушители, насильники и уж в самую последнюю очередь святотатцы. И если Аристокэс решается порой заговорить о каких-либо добрых чертах того или иного сельджукского вождя, то лишь для того, чтобы исключением подчеркнуть правило. Картины избиений следуют одна за другой, ужасы нагромождаются, и в главе XXV кульминация: поражение византийских войск в битве при Манцикерте (под началом у Романа Диогена имелись также армянские и грузинские отряды) знаменует крах надежд на избавление. Современник и очевидец, Аристокэс неизбежно должен был сосредоточить внимание на разрушительных последствиях тюркских набегов, отвлекаясь от прочих сторон такого сложного исторического явления, как сельджукское движение.

Риторический рассказ ведется по канве действительных событий, но автор претендует не только на достоверность и документальность, но и на эмоциональное воздействие. Например, описания побоищ призваны в первую очередь воздействовать [33] на чувства читателя. Приближение врага описывается в эпических тонах: «В тот год над нашей страной разверзлись врата небесного гнева. Из Туркастана двинулось огромное войско, и кони их стремительны, как орлы, с копытами, подобными твердым камням. Их луки натянуты, стрелы заострены, они туго опоясаны, и не разорвать ремней на их сапогах. Они проникли в *завар* Васпуракан и напали на христиан, подобно изголодавшимся волкам» (стр. 86—87). Но вот неприятель проник за городские стены, и «города разрушены, дома сожжены, дворцы в пламени, царские палаты обращены в пепел. Мужчины перебиты на площадях, женщины покинули дома рабынями, грудные младенцы побиты о камни, и увяли прекрасные лики отроков. Девы

обещены на площадях, а юноши зарублены на виду у стариков. Треплются покрытые кровью благородные седины старцев, а тела их валяются на земле. Сверкают мечи врагов, они обессилели [от убийств]; лопнула тетива у луков, и в колчанах кончились стрелы, сами они изнемогают, но сердца их не стали милостивее. ..» Наконец кончилось побоище: «А после их ухода там можно было видеть страшное зрелище, достойное оплакивания, страшнее, чем прежде. Различны были предсмертные страдания. Некоторые из валявшихся еще дышали, у них от жажды пересохли языки, и они тихими, слабыми голосами просили утолить жажду, но некому было поднести [воды]. А тяжелораненые не могли произнести звука и задохались. У тех было перерезано горло, и полумертвые, они еле хрипели. У этих же ныли страшные раны, и они били ногами и рыли ногтями землю. Но там было еще более страшное зрелище, которое могло бы вызвать слезы и рыдания у камней и прочих бездыханных предметов. После того как неверные отвели пленных в горы, они стали вырывать младенцев из материнских объятий и швырять наземь, так что весь их стан кипел от обильной крови!» (стр. 88—90).

Аристахэс Ластивертци выступает как в качестве историка, так и публициста. Привлекаемый им исторический материал призван иллюстрировать его основную сентенцию. В целом отношение Аристахэса к тюркам настолько прямолинейно [34] и последовательно, что дальнейшие комментарии были бы излишни. Отметим лишь, что ужасы сельджукского нашествия (наряду с приведенными выше причинами) в какой-то степени могли заставить автора терпимее относиться к другому врагу — Византии.

Третья тема «Повествования», весьма важная для понимания идейной направленности памятника, связана с историей тондракитской ереси в Армении ²¹. Основную силу этого движения, охватившего многие области как восточной, так и в особенности западной части страны, составляли крестьяне, но ересь была распространена также среди неимущих слоев городского населения, в частности столицы ширакских Багратидов — Ани. И хотя к этому движению примыкали также представители аристократии и духовенства, характер его определяли угнетенные классы города и деревни. Это было широкое антифеодальное движение, которое на протяжении двух столетий приводило господствующие классы в трепет.

Вероучение тондракитов особой оригинальностью не отличалось: здесь мы наблюдаем обычное для народной ереси отрицание церкви с ее обрядностью, отрицание чудодейственной силы креста, отказ от признания святости девы Марии и т. п. Но в эти банальные идеи тондракиты (равно как и их собратья на западе и востоке) вкладывали революционное [35] содержание и под этими лозунгами вели борьбу против социального неравенства.

Тондракитское движение зародилось в первой половине IX в. и было возглавлено Смбатом, выходцем из деревни Зарехаван. В 70—80 годах того же столетия в него вливаются остатки разгромленных в Византии павликиан, и это придает движению широкий размах. Хотя наши источники крайне скудны, можно все же считать, что в X в. движение продолжало шириться и развиваться. Если верна догадка Р. М. Бартикяна ²², то в 970 г. Иоанн Цимисхий переселил во Фракию именно тондракитов. В XI в. Тондракитское движение было представлено рядом течений, одно из которых между прочим генетически восходило к византийским павликианам-койнохоритам, о которых говорит ряд византийских авторов. В 50-х годах XI в. тондракитские общины были разгромлены Григором Магистром, одним из крупнейших армянских феодалов, который к этому времени стал дуком византийской фемы Месопотамии.

Тондракитам Аристахэс посвящает главы XXII и XXIII своего труда и повествует о событиях, происходивших в Харке и Мананали, то есть тех областях Юго-Западной

Армении, о которых наш автор имеет наиболее полное представление. Хронологически же эти события восходят ко времени католикоса Саргиса Севанского (992—1019). Аристокэс рассказывает, как Харский епископ Иакоб выдавал себя за праведника и как повсюду распространилась его слава. На самом же деле, поясняет автор, он был заражен нечестивой ересью и старался обратить в нее послушных его воле иереев. Церковный собор дважды пытался пресечь его деятельность, но «лицемерный образ Иакоба опутал всех *ишханов гавара* словно цепями, и они поклялись скорее умереть в бою, чем выдать его собору». В своей решительности, желчно отмечает Аристокэс, он уповал на помощь не бога, а *ишханов*. Дальше рассказывается, что Иакоба удалось схватить лишь с помощью предателя, после чего отступник бежал в Константинополь. [36] Он пытался принять греческую веру, был отвергнут, после чего явился в деревню Тондрак (где когда-то зародилась эта ересь) и там на некоторое время обрел пристанище. Вскоре, однако, он был изгнан своими соумышленниками и умер в г. Майяфарикине.

В главе XXIII рассказывается об иноке Кунцике, который сам впал в нечестивую ересь и вовлек в нее женщину по имени Хранойш, «а происходила она из первенствующего и знатного рода». Хранойш в свою очередь приобщила к ереси двух сестер, которые владели перешедшими к ним по наследству деревнями. Следующей жертвой оказался их брат *ишхан* Врвэр, в прошлом отличавшийся крайней благочестивостью. Врвэр проповедовал нечестивое учение среди жителей принадлежавших сестрам деревень. Крестьяне разгромили свою церковь близ города Базмалбюр и разбили крест. Дали знать патриарху, и лишь после этого удалось схватить шесть (еретиков-проповедников и заклеить их «лисыим знаком». По приказу царя (очевидно, Гагика I) туда был послан судья, но Врвэр сумел настроить его против своих врагов-епископов, и те были взяты под стражу. Только чудесное знамение, утверждает автор, помогло судье понять, кто такой в действительности Врвэр. Тем не менее судья обошелся с Врвэром милостиво, «ибо брат нечестивца своим княжеским достоинством и мужественной отвагой принадлежал к числу избранных и был лично известен царю». Затем Врвэра постигла небесная кара: он оказался жертвой проказы и умер, так и не отказавшись от ереси.

Как верный служитель церкви и как выразитель интересов господствующего класса Аристокэс питает к тондракитам острую ненависть. Аристокэс Ластивертци создавал свой труд в период, когда в памяти его современников еще не сгладились впечатления от грозной вспышки классовой борьбы и от страшной резни, учиненной еретикам Григором Магистром. Однако наш автор совершенно умалчивает об этих событиях и, резко нарушая хронологическую последовательность своего изложения, обращается к отдельным эпизодам конца X или начала XI столетия. «Мы сочли неуместным [37] описать отвратительную деятельность еретиков. . . Слух не у каждого стоек, упоминание о многих прегрешениях увлекает внимающего и даже подталкивает его к подобным действиям», — весьма определенно излагает автор свою позицию. И одной лишь фразой он характеризует сущность секты: «Они не приемлют церковь и церковный чин, [не признают] ни крещения, ни великого и страшного таинства литургии, ни креста, ни поста» (стр. 127).

Таким образом, автор отвлекает внимание читателя от сравнительно недавних событий, связанных с движением, всячески стремится уберечь его от соблазна и включает в свое повествование местные предания чуть ли не столетней давности, которые преподносятся в соответствующем оформлении. Две главы, посвященные тондракитам, являются по существу не чем иным, как воинственной проповедью против «отвратительных», с точки зрения правоверного церковника, нравов еретиков.

Умышленно односторонний подход к оценке движения проявляется и в другом. Нам известно, что тондракитство было преимущественно народным движением. А о ком рассказывает наш автор? О знатной даме Хранойш, о сестрах Ахни и Камарай, владелицах деревень, об *ишхане* Врвэре (при этом становится известным, что брат Врвэра был близок царскому двору). Он говорит о судье, который с подозрительным милосердием отнесся к еретику. О зараженном нечестивым учением епископе Йакобе и «послушных его воле» иереях, причем взгляды их разделяют местные *ишханы*. Рассказывает он, наконец, об упоминаемом выше Кунцике, также принадлежавшем к духовному званию. Таким образом, обращаясь даже к ставшему уже далеким прошлому, автор всячески стремится внушить читателю, что тондракитство не могучее движение угнетенных низов, а всего лишь аристократическая ересь, которая находила немногочисленных приверженцев среди знати и духовенства. Но умалчивая о событиях, которые могли бы дать представление о действительном размахе движения, он как верный служитель церкви не считает себя вправе совершенно абстрагироваться от грозной [38] опасности, исходящей от тондракитства. И, повествуя об этих Кунциках и Врвэрах, автор обретает возможность высказать свое отношение к секте вообще и настроить читателя в желанном для него направлении. Одновременно он как будто стремится показать, что если бы знать уберегла себя от скверны, то современникам Аристахэса не пришлось бы стать свидетелями вспышки классовой борьбы, потрясшей основы общества.

В период, когда тондракитство наносило церкви удар за ударом, Аристахэс выступает страстным проповедником религиозных идеалов и, стремясь в полной мере приобщить к ним читателя, часто вкрапливает в повествование красочные описания церковной обрядности. Вот как пишет он об анийских церквях: «Они своими стройными зданиями, пышными украшениями, неугасимым огнем лампад и светильников (их живой свет разливается в воздухе и дрожит, словно морские волны, когда те в спокойное время колеблет и сталкивает легкий ветерок) являли небесное зрелище. Сладкий дымок ладана, зажженного щедрыми дароносцами, был подобен цвету вишневым деревьям, которые растут на вершинах гор и вбирают [в себя] солнечные лучи. И какой язык в состоянии поведать об обитателях монастырей, о сладости песнопений и непрерывных псалмопениях, о чтении божественных книг, о господних праздниках и почитании мучеников...» (стр. 79—80). Изложение его порой выливается в страстную молитву, что вполне согласуется с сугубо религиозным мышлением Аристахэса. Последнее обстоятельство и обусловило концепцию, положенную в основу сочинения, ибо к какой бы теме ни обращался Аристахэс Ластивертци, он в первую очередь — верный сын церкви.

* * *

Наш автор — историк общеармянский, в поле его зрения — судьба народа в целом, и это во многом определяет направленность философских экскурсов «Повествования». Идея единства армянского народа, которая в значительной степени [39] была обусловлена жестокой необходимостью постоянной борьбы против иноземных поработителей, отражена уже в ранних памятниках армянской историографической литературы. В сочинении Аристахэса Ластивертци эта идея получила дальнейшее развитие. Этим помимо прочих обстоятельств определяется место «Повествования» среди многочисленных исторических трудов средневековой Армении.

Аристахэс Ластивертци жил в эпоху острой политической борьбы. Атмосфера этой борьбы — классовой и политической, усугубленная внешними факторами, и породила то тревожное настроение, которое свойственно сочинению Аристахэса.

По своим воззрениям Аристокэс — явный горожанин. Описанию жизни в деревнях он уделяет очень мало места, зато с удовольствием описывает богатства и кипучую жизнь Ани, Арцна, Карса, Мелитины и других городов. Каре, пишет он, с давних времен «был избавлен от бедствий, посему жители пребывали в безмятежности и богатели, накапливая щедроты моря и суши» (стр. 96). Арцн своим великолепием славился во всем мире. *Ишханы* Арцна, говорит автор, были человеколюбивы, судьи справедливы и неподкупны. Купцы строили церкви. Торговали честно. Прибыль, получаемая от ростовщичества, порицалась. Посему они и благоденствовали.

Но в той же главе XII, посвященной разграблению Арцна, он пишет, как *ишханы* уподобились разбойникам и обратились в рабов серебра. Судьи выносили решения за взятки и ради них попирали законы. Чрезмерные проценты стали обычным явлением. «Тот, кто обманывал другого, гордился своей сообразительностью, а кто грабил, заявлял: я могуч! Знатные обирали дома соседей-бедняков, вторгались в пределы их полей...» (стр. 91). Говоря о захвате Ани отрядами Алп-Арслана в 1064 г., Аристокэс восклицает: «Таков удел неправедных городов, которые обстраиваются ценой крови чужестранцев, процветают за счет пота бедняков, ростовщичеством и несправедливыми сделками укрепляют свои дома. Безжалостные к неимущим, они стремятся лишь к веселью и неге, не чуждаются грязных дел...» (стр. 129). Стяжательство [40] стало характерной чертой эпохи, ему поддался даже католикос Петрос.

Как уже говорилось, исторический труд Аристокэса посвящен описанию постигших Армению ударов. В ритмическом прологе автор характеризует свою эпоху как время великих страданий:

Наступили для нас дни мучений,
и постигли нас великие бедствия

.....

Иссякло дыхание, мы гибнем в отчаянии,
нас поглотила всемогущая смерть,
а преисподняя смолчала при этом!

.....

С четырех сторон ныне войны проснулись:
с востока — меч, с западе — гибель,
с севера — пламя, с юга — смерть!

С точки зрения Аристокэса все эти беды—неотвратимое возмездие за греховность человеческой природы:

Ибо переполнилась мера грехов, и суетный глас наш вознесся к богу!

Но Аристокэс не ограничивается этим толкованием возмездия за грехи, в той или иной мере свойственным всей христианской литературе. Как правильно подметил еще

Манук Абемян ²³, постигшие Армению бедствия Аристакэс объясняет не греховностью человека вообще, но грехом, совершенным народом в целом:

Каждый смертный свой путь осквернил, страна исполнилась нечестивости, убавилась справедливость, возросло беспутство, мирянин и иерей изолгались перед богом.

Потому-то, заключает Аристакэс, нас смогли изгнать из нашего обиталища, надругавшись над нашей честью и потопив славу. Нашествие сельджуков явилось страшным, [41] но справедливым ударом: «Мы не служили господу, так послужим чужестранцам, презрели страх божий — день за днем нас будет преследовать страх перед ними ... И [бог] не только вразумил нас за грехи наши, но с милосердием и состраданием вверг нас в горнило, дабы наставить на путь истинный и добрый» (стр. 135). И в последних строчках своего сочинения в полном соответствии с этими мыслями он объясняет назначение своего труда: «.. мы все это изложили с целью, - чтобы, прочтя, вы узнали — грех был причиной всего постигшего нас. Чтобы взирая на нас, вы трепетали перед богом, дрожали от страха перед его могуществом. И своевременной исповедью и покаянием предупреждали [наказание], а не вызвали [возмездие], став его жертвой» (стр. 137).

Не видя исхода, он весь во власти глубокого пессимизма по поводу будущих судеб родного народа. Но, оставаясь в пределах теологического мышления, происходящие вокруг него явления Аристакэс рассматривал как творимые народом греховные деяния, а бедствия, постигшие Армению, воспринимал как возмездие за них.

В самом конце своего послесловия Аристакэс заявляет, что он обратился «к древним летописям, чтобы должным образом, приличествующими словами они наложили отпечаток на эту книгу, где достоверно собраны воедино события прошлого и настоящего». Речь идет не о литературных источниках «Повествования» (как могло бы показаться), а о сочинениях использованных в качестве образца. Письменные источники к которым прибегал Аристакэс, при разборе его сочинения установить довольно трудно. С уверенностью можно указать лишь на одного писателя, труд которого использовал Аристакэс. Это Стебанное Тарбнаци, по прозванию Асолик, автор скромной, по литературным достоинствам, но весьма насыщенной ценным фактическим материалом «Всеобщей истории», которая завершается смертью царя Гагика I ²⁴. Оттуда Аристакэс использовал [42] факты, касающиеся смерти Давида Куропалата и прибытия императора Василия II в Тайк.

Обращаясь к политической истории Византии, Аристакэс, конечно, мог познакомиться с сочинениями греческих писателей, но о событиях в Армении он пишет на основании личных наблюдений, расспросов и т. д., во всяком случае как современник. Собственно говоря, его труд — это исторические мемуары о важнейших событиях истории Армении XI в. В них мы не найдем последовательного изложения, что характерно, например, для хронографии Матфея Эдесского или творения того же Асолика. При этом «Повествование» — не столько ученый труд, сколько назидательное сочинение, правда на обширной исторической основе. И хотя изложение его пестрит цитатами из священного писания, Аристакэс проводит четкую грань между изложением реальных событий и экскурсами назидательного характера и не раз прерывает себя фразами вроде: «Но обратимся к нашей истории». Сочинению Аристакэса присущи и художественные достоинства. Наш автор следует определенной традиции, сложившейся в армянской исторической литературе. Художественность изложения свойственна ряду памятников армянской историографии, в наибольшей степени—труду Елишэ, посвященному перипетиям борьбы армян против иранского

владычества в 450—451 гг. Художественные достоинства «Повествования» должны были усиливать его дидактическое воздействие.

Произведению Аристокэса Ластивертци свойственны большая эмоциональная насыщенность и взволнованность. В нем, разумеется, много риторики; при описании избиений он пользуется одинаковыми литературными приемами, грешит трафаретными метафорами. Но многие страницы «Повествования» отличает образность речи, способная увлечь и современного [43] читателя. Используя библейский образ, он, например, следующими словами рисует положение Армении после набега сельджуков: «... испила страна наша Армянская этого несмешанного вина и горько опьянела. Погрузилась в дремоту, утратила разум, испив все до конца. И лежит она на перекрестке всех дорог, обнаженная и обесчещенная, и попирают ее прохожие. Она покинула дом свой, удалилась от знакомых, отрешилась от семьи и родных, стала пленницей всех народов!» (стр. 87—88). Некоторые сравнения как будто выхвачены из реальной жизни: «И страна наша стала походить на поле, когда наступает время жатвы: вслед за косцами двигаются вязальщики, и они оставляют за собой лишь колоски и жнивье для пастьбы скота» (стр. 95). Нередко Аристокэс реалистически воспроизводит живую речь того или иного исторического лица. Аристокэса Ластивертци можно сравнить с талантливым средневековым миниатюристом: оба творят в рамках устойчивого канона, но природный дар позволяет им предельно использовать предоставленные возможности, чтобы создать волнующее художественное произведение.

Как и следовало ожидать, язык нашего памятника — грабар, древнеармянский литературный язык, наиболее ранний образец которого (Библия) восходит к началу V в. При всех своих богатейших возможностях в XI в. грабар переставал быть живым языком. Аристокэс в совершенстве владеет грабаром, но он не пурист, и в сочинении его бросается в глаза явное стремление примирить школьную каноничность литературного языка с эмоциями разговорной речи. Образный стиль «Повествования» обеспечивает ему достойное место среди лучших памятников армянской историографической прозы.

* * *

Труд Аристокэса Ластивертци впервые был издан мхитаристами в Венеции в 1844 г. ²⁵. В основу сводного текста были [44] положены четыре рукописи XVIII или начала XIX в. Во время печатания издателем стала доступна еще одна рукопись, переписанная в 1824 г. и хранящаяся в Парижской национальной библиотеке ²⁶. Текст «Повествования» опубликован в обычной для мхитаристов того времени манере: описания рукописей отсутствуют, разночтения приводятся выборочно и сопровождаются неопределенными пометками вроде: «в двух рукописях», «так во всех рукописях» и т. п. Последующие издания — венецианское 1901 г. и тифлисское 1912 г. — воспроизводят первое. Таким образом, до недавнего времени в научном обиходе имелся единственный вариант сводного текста, подготовленный в середине прошлого века. С этого текста выполнен французский перевод Эвариста Прюдома ²⁷ и новоармянский — Минаса Тэр-Петросянца ²⁸.

В настоящее время методика публикаций, принятая мхитаристами в XIX в., устарела. Она вынуждала исследователя слепо верить изданному тексту и ограничивала возможности критики памятника, поскольку реконструкции и конъектуры уместны лишь после того, как исчерпаны данные рукописей. Что же касается нашего автора, то в литературе высказывались сомнения, насколько изданный текст верно воспроизводит сочинение Аристокэса в его первоначальном виде ²⁹. Подобные соображения побудили автора этих строк в 1956—1958 гг. подготовить новый вариант

компаративного текста «Повествования» Аристокэса Ластивертци с использованием девяти [45] рукописей ереванского Матенадарана ³⁰ и одной — Института народов Азии Академии наук СССР ³¹; при этом, разумеется, был учтен и изданный текст с приведенными разночтениями. Изданию памятника предшествует текстологическое предисловие, в котором дается подробное описание использованных рукописей и их оценка. Основной текст реконструирован, т. е. он не совпадает с каким-либо рукописным вариантом, но воссоздан в пределах сохраненных рукописями чтений. В подстрочном аппарате даются все те разночтения, которые, по мнению издателя, внесены переписчиками. Этот метод в данном случае был оправдан тем, что рукописные редакции очень близки между собой и разнятся лишь в отдельных чтениях ³².

Сравнительно большое число использованных рукописей позволило внести в текст некоторые существенные коррективы. Ряд исправлений устраняет стилистические шероховатости первого издания. В целом же текстологический анализ показывает, что сочинение Аристокэса Ластивертци дошло до нас в достаточно близком подлиннику виде, и это позволяет с большей уверенностью делать выводы по поводу содержания этого памятника.

Труд Аристокэса Ластивертци был по достоинству оценен уже в конце XVIII в. ³³ (хотя уже и средневековые авторы оценивали его весьма лестно) и с тех пор продолжает привлекать пристальное внимание арменистов. С появлением же [46] французского перевода он широко вошел в международный научный оборот ³⁴. К «Повествованию» как историческому источнику обращаются и византиноведы и историки-востоковеды. Между тем французский перевод памятника (в котором опущены как пролог, так и послесловие автора) уже устарел, а в ряде случаев основан на неправильных чтениях. Кроме того, он был издан около столетия назад и давно стал библиографической редкостью. Поэтому издание нового русского перевода, выполненного с критического текста, представляется вполне оправданным.

Стремясь передать содержание подлинника с возможной точностью, переводчик тем не менее старался избегать рабского повторения периодов и конструкций, характерных для текста памятника, памятуя, что «Повествование» не только ученый труд, но и художественное произведение. Это же стремление обусловило и несколько архаичный язык перевода. Перевод «Повествования» выполнен по тексту нового издания, сочинение переведено полностью, за исключением религиозно-богословских экскурсов, которые лишены реального содержания и, являясь выражением литературной манеры средневековья, сами по себе для понимания авторского замысла нич.его не дают. Эти купюры обозначены в тексте многоточием, заключенным в квадратные скобки ³⁵.

Переводы выдержек из Ветхого и Нового заветов в большинстве случаев заимствованы из русского издания Библии (М., 1956) и не претендуют на полное соответствие тем чтениям, которые использованы Аристокэсом. Последние могут представить интерес для критики армянской Библии, но лишь в том случае, если будут изучаться в подлиннике, почему мы и допустили известную вольность при их переводе.

Историко-филологический комментарий призван помочь читателю правильно понять текст памятника, и это обуславливает пределы использования литературы. Естественно, для [47] анализа отраженных в «Повествовании» событий этот комментарий явно недостаточен ³⁶. Работа завершается указателями: имен, этно-географических названий и предметно-терминологическим.

(Заключительная часть предисловия посвященная транслитерации имен и терминов опущена из-за невозможности воспроизвести армянскую графику. **Thietmar. 2002**)

(пер. К. Н. Юзбашяна)
Текст воспроизведен по изданию: Повествование вардапета Аристокеса Ластиверци. М. 1968

© текст - Юзбашян К. Н. 1968
© сетевая версия - Thietmar. 2002
© дизайн - Войтехович А. 2001

Комментарии

1 Маттэос Урхайеци, стр. 179; франц. пер., стр. 151 (все библиографические ссылки даются в сокращенном виде, за исключением изданий, упоминаемых только один раз; см. «Список литературы, использованной при переводе»).

2 Там же, стр. 236; франц. пер., стр. 198; С. Cahen, *Premiere penetration*, p. 49.

3 Гарегин [Зарбаналян], *История древней армянской литературы*, Венеция, 1894, стр. 592—595 (на арм. яз.); Г. Алишан, *Хайапатум*, Венеция, вып. I, 1901, стр. 91 (на арм. яз.); Абегян, *История древне-армянской литературы*, стр. 32—43.

4 Исключение составляют лишь главы XXII и XXIII.

5 Общих работ, посвященных Армении эпохи Багратидов, имеется очень мало. См.: А. Грен, *Династия Багратидов в Армении*; Марр, *Ани*; R. Grousset, *Histoire d'Arménie*, Paris, 1947; «История армянского народа».

6 О Тароне в багратидское время см.: N. Adontz, *Les Taronttes en Arménie et a Byzance*, — «Byzantion», IX, 1934, 2; X, 1935, 2; XI, 1936, 1.

7 В своей интереснейшей статье, посвященной Торнику, Н. Г. Адонц (N. Adontz, *Tornik le Maine*, — «Byzantion», XIII, 1938, 1) высказывает соображения по поводу того, что Варда Фока лишь дважды встречался со Склиром — в битве при Панкалии и в сражении при Basilika Qerma. Вопреки изложению византийского писателя Скилицы второго сражения при Панкалии не было. Вопрос нуждается в дальнейшей разработке, поэтому я не решился безоговорочно принять точку зрения Н. Г. Адонца.

8 См. карту «Армения на рубеже X—XI вв.» в изд.: С. Т. Еремян, *Атлас к книге «История армянского народа»*, ч. I (изд. 1951 г.), Ереван, 1952.

9 Цит. по: В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 27, 7-10

10 По мнению Н. Г. Адонца, высказанному в цитированной выше статье, византийские территории были уступлены Давиду после восстания Варды Фоки — это интересная, но спорная точка зрения. Об участии грузин в этих движениях см. Н. Ломоури, *К истории восстания Варды Склира*, — «Труды Тбилисского государственного университета», 1957, № 67.

11 Цит. по: В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 41. 31-32.

12 Асолик, стр. 278—279; русск. пер., стр. 201—202.

13 Z. Avalichvili, *La succession da curopalate David d'Iberie, dynaste de Tao*, — «Byzantion», VIII, 1933, 1, p. 199.

14 Асолик, стр. 280—281; русск. пер., стр. 203—204.

15 Асолик, стр. 277—278; русск. пер., стр. 201.

16 Маттэос Урхайеци, стр. 55; франц. пер., р. 43.

17 Там же, стр. 46—49; франц. пер., стр. 40—43.

18 Товма Арцруни, стр. 306 (древнеарм. текст).

19 Вардан, стр. 131 (древнеарм. текст). В тексте Вардана упоминается Тугрилбек, однако, видимо, здесь речь идет не о сельджукиде Тогрул-беке, а либо об одноименном лице, либо произошла контаминация событий. К этим же событиям относится и рассказ Матфея Эдесского о нападении «царя дейлемитов» — под 971 (!) г., Маттэос Урхайеци, стр. 11; франц. пер., стр. 9.

20 См. Агаджанов-Юзбашян, *К истории тюркских набегов*.

21 См. последние работы в этой области: Ас. Мнацаканян, *О некоторых важных вопросах движения тондракитов*, — ИАН АрмССР, 1954, № 3 (на арм. яз.); А. Г. Иоаннисян, *Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.)*, — «Вопросы истории», 1954, № 10; его же, *Смбат Зарехаванци, его время и современники*, — ВМ, вып. 3, 1956 (на арм. яз.). В расширенном виде статья включена в монографию: А. Иоаннисян, *Очерки истории армянской освободительной мысли*, кн. I, Ереван, 1957, стр. 330—400 (на арм. яз.); С. П. Погосян, *Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв.*, Ереван, 1956 (на арм. яз.); К. Юзбашян, *Тондракитское движение в Армении и павликиане*, — ИАН АрмССР, 1956, № 9; Бартикян, *Легендарное происхождение павликиан*; В. Григорян, *Новые сведения об авторе сочинения «Ключ истины» Иоаннэсе Иерее*, — ВМ, вып. 5, 1960 (на арм. яз.).

22 Бартикян, *Легендарное происхождение павликиан*, стр. 86—89. 35

23 Абемян, *История древнеармянской литературы*, кн. II, стр. 36. 40

24 Так утверждает Аристокэс в главе II. Дошедший же до нас в нескольких рукописях текст Асолика оканчивается событиями XI в. после чего следует колофон автора. Приходится допустить, что заключительные (равно как и начальные) главы «Всеобщей истории» по тем длинным соображениям были изъяты анонимным редактором. Ср. Асолик, русск. пер., стр. VII—IX

25 «Повествование вардапета Аристокэса Ластивертци», Венеция, о-в св. Лазаря, 1844 (***)

26 См. F. Macler, *Catalogue des manuscrits armeniens et georgiens*, Paris, 1898, № 224, р. 120. Издатели сочинения Аристокэса ошибочно указывают, что рукопись переписана в 1825 г.

27 *Histoire d'Armenie comprenant la fin du royaume d'Ani et le commencement de l'invasion des seldjoukides par Arisdagaes de Lasdiverd*, traduite par M. E. Prud'homme, Paris, 1864.

28 «История Армении вардапета Аристакэса Ластивертци», Александрополь, 1893 (***)).

29 См.: Грея, *Династия Багратидов в Армении*, стр. 54; Марр» *Ани*, стр. 126, прим. 81.

30 Матенадаран, собр. арм. рук., № 2865, лл. 222а—276а; № 3160, лл. 355а—442б; X» 3070, лл. 159а—225б; №. 1482, лл. 90а— 111а; № 4584, лл. 59б—74а; № 2796, № 1875 и № 6457. Первая из перечисленных рукописей — древнейшая, относится к XIII—XIV вв.

31 Рукописный отдел Института народов Азии АН СССР, собр. арм. рук., № В-66. Эта рукопись является копией № 3070.

32 «Повествование Аристакэса Ластивертци». Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян, Ереван, 1963. [Рецензии]: ВВ, XXV, 1964, стр. 274; «Базмавэп», Венеция, 1963, январь—март, стр. 59—60 (на арм. яз.).

33 Еще не опубликованный, он в рукописи был широко использован М. Чамчяном в его «Истории Армении» [т. II, Венеция, 1785 (на арм. яз.)].

34 Библиографию работ, посвященных Аристакэсу Ластивертци (составлена А. С. Анасяном), см. Новое издание, стр. 149—153.

35 Подобные купюры сделаны и во французском переводе.

36 Эти вопросы будут освещены в специальной работе, раскрывающей армяно-византийские отношения и родственные проблемы.

АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРЦИ

ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРЦИ, О БЕДСТВИЯХ, ПРИНЕСЕННЫХ НАМ ИНОРОДНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ

I

СОБЫТИЯ В АРМЕНИИ ¹

Наступили	для	нас	дни	мучений,
и постигли	нас	великие	бедствия,	
ибо переполнилась	наш	мера	грехов,	
и суетный глас	свой	вознесся	к богу!	
Каждый смертный	исполнилась	путь	осквернил,	
страна	справедливость,	возросло	нечестивости,	
убавилась	и иерей	изолгались	беспутство,	
мирянин	почему	племена	перед богом.	
Вот	изгнать	нас	инородные	
смогли	нас	из	нашего,	
/22/ и поругана	наша	обиталища	нашего,	
		честь	и слава.	

Иссякло дыхание, мы гибнем в отчаянии,
 нас поглотила всемогущая смерть,
 а преисподняя смолчала при этом!
 Со всех сторон потянулись к нам руки,
 и в дни нашей гибели не пощадила судьба и тех,
 кто избежал кары [в прошлом].
 Сменились поколения,
 иссякло плодотворное дыхание жизни..
 Утвердившиеся на чужбине
 ушли во второе изгнание,—
 их изгнали мятежные бродяги!²
 И, отторгнутые от любимых, мечом пощаженных,
 они рассеялись как звезды-планеты.
 С четырех сторон ныне войны проснулись:
 с востока — меч, с запада — гибель,
 с севера — пламя, с юга — смерть! [56]
 Радостям пришел конец,
 умолкли звуки лиры,
 рокот кимвалов умолк,
 и вознеслись рыдания³...

Но довольно! Нам пора обратиться к повествованию, отсюда и начать, дабы сделать рассказ наш понятным.

После смерти Давита Куропалата⁴,— а был он могучий и щедрый созидатель, пекся о бедных и воистину [воплощал] мирное начало, ибо в его время каждый отдыхал под своим виноградным кустом и смоковницей⁵, — после его смерти самодержавный император ромеев⁶ Василий⁷ в двадцать пятый /23/ год своего царствования двинулся с огромными силами и прибыл в *гавар* Екелеац⁸, не раз отказываясь от роздыха. Навстречу Василию вышел полк *азатов*⁹ Тайка¹⁰, он их щедро и по заслугам одарил, а они, получив утверждение в своих владельческих правах и высокие титулы, радовались и ликовали. Но исполнилось на них пророчество вдохновенного певца Давида: «они как трава — утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает» (Псал., 89, 6.). Император перешел в область Албри и остановился на ночлег близ крепости Хавачич¹¹. И там по какой-то причине произошла стычка между западным войском, так называемыми эрузами¹², и азатским полком, причем погибло 30 знатнейших *азатов*. И это постигло их не без причины, ибо в великий четверг во время таинства литургии они подмешали смертельного яду и напоили [Давита]. Задушили блаженного мужа, ибо были недовольны его действиями и уповали на обещания, данные до этого императором¹³. Посему бог воздал им по справедливости — соответственно их деяниям. В этот день никто из тайских *азатов* не избежал [возмездия], никто не спасся, но всех их немедленно казнили. Это их порицает Исаия, говоря: «За то, что этот народ пренебрегает водами Силоама, текущими тихо, и восхищается Рецином и сыном [57] Ремаилиным, наведет на него Господь воды реки бурные и большие — царя Ассирийского со всею славой его...» (Исаия., 8, 6—7.). Но довольно об этом.

/24/ Туда же явился апхазский царь Багарат¹⁴ и его отец Гургэн¹⁵. Самодержавный император воздал им великие почести, Багарату пожаловал титул куропалата, а отцу его — магистра¹⁶ и отпустил их с миром. Сам же пересек Харк¹⁷ и Маназкерт¹⁸ и, используя их в качестве опоры, повернул на Багреванд¹⁹, прибыл в город Ухтеац²⁰, овладел множеством крепостей и городов. Он назначил там чиновников, судей и надсмотрщиков, а сам с миром пустился в путь и прибыл в свой царский город Константинополь. Это было в 450 году (21 марта 1001—20 марта 1002 г.), и в стране на 14 лет воцарился мир²¹.

Сам же царь отдался заботам о западной стороне. Он овладел страной болгар, их областями и городами — с начала своего царствования в течение долгих лет он вел непрерывные войны, но не мог покорить болгар, ныне же обстоятельства ему благоприятствовали. Правитель страны, выходявший победителем в войнах, умер своей смертью, сыновья же его, не желая подчиняться друг другу, сдались на милость императора, поскольку, «если царство разделится само в себе, не может устоять царство то» (Марк, 3, 24.). Таким путем была захвачена Болгария. Сыновей болгарского правителя вместе со всеми представителями их рода император лишил прав наследства, и места [для пребывания] пожаловал им в ромейской стране. Болгарские же войска он обманым путем собрал в одном месте, словно желая одарить их, а затем приказал переписать всех и отправить на восток путями, по которым не будет возврата. /25/ Они прибыли туда и вконец разорили всю ту сторону. О, каким бедствием был их приход на восток, сколь несчастны места, где они проходили. Что за злобный и безжалостный народ, жестокосердый и склонный к насилию! Уместно повторить скорбные слова пророка: «Перед ним [58] земля как сад Едемский, а позади него будет опустошенная степь» (Иоиль, 2, 3.). Но достаточно об этом!

В 464 году нашего летосчисления умер апхазский царь Багарат ²² и воцарился после него его сын Гэорги ²³. Император Василий отправил Гэорги такое послание: «Оставь все, что я пожаловал твоему отцу из владений Куропалата, и владей лишь собственными вотчинами!» Он же отказался повиноваться и, преисполненный юношеской гордости, возразил:

«Дома единого не отдам из того, что было подвластно моему отцу!» Услышав это, самодержец отправил войско, дабы захватить страну силой. Навстречу ромеям вышли тайские удальцы и близ большого города Ухтеац обратили их войска в бегство, причем городу и прочим населенным местам вреда не нанесли. Это было начало гибели Тайской страны.. .

II

ОБ АРМЯНСКОМ ЦАРСТВЕ

В то время в Армении царствовал Гагик из рода Багратуни ²⁴, сын Ашота ²⁵, брат Смбата ²⁶ и Гургэна, муж могучий, победитель в войнах. Он принес Армении мир, церковные дела при нем процветали, /26/ а чада святого обета просвещались, ибо, согласно предсказанному пророком, «земля была наполнена ведением Господа, как воды великие наполняют море» (Исаия, 41,9.). Патриарший престол занимал владыка Саргис ²⁷, вскормленный святостью в лоне церкви и привыкший к подвижничеству в обители, которая зовется остров Севан. Это его по достоинству назвали благодатью божьей и воссадили на престол нашего Просветителя ²⁸. В мирской жизни Саргис руководствовался установлениями последнего и в торжественной благодати кончил жизнь.

В те времена еще здравствовали при патриаршем престоле три *вардалета* — Саргис, Тиранун и Еновк ²⁹. [Жив был] также Самуэл ³⁰, настоятель монастыря в Камрджац Дзоре, Йовсэп, [59] настоятель монастыря Хндзуц ³¹. И Степаннос Тарбнский, который написал изумительную книгу по всемирной истории, начав с первого человека и до смерти Гагика, о котором идет речь ³². Также и ЙовХаннэс из того же *гавара*, по прозвищу Козерн ³³, автор книги о вере; Григор — красноречивый мудрец ³⁴ и многие другие. В те дни церковь была сильна приверженностью к истинной вере, а те, что относились к нам враждебно, под влиянием их проповеднического рвения с мышиним смирением уползли в стенные дыры. Но довольно об этом.

Царь Гагик длительное время управлял царством и в глубокой старости завершил свою жизнь, удостоившись доброй памяти. Ему наследовали его сыновья: Смбат, которого [также] звали Йовханнэс ³⁵, и родной его [брат] Ашот ³⁶. Смбат имел тело грузное и плотное, мудростью он превосходил /27/ многих. Ашот же обладал стройной фигурой, был храбр и воинствен. Они не поладили по поводу раздела страны и потребовали правосудия. К ним прибыл апхазский царь Гэорги и помирил их. Двумиенному Смбату по праву старшинства назначил крепость Ани и окружающие ее *гавары*, Ашоту же [определил] внутреннюю часть страны, обращенную к Персии и Грузии. Удовлетворенный Смбат вернулся в свой город. Грузный телом, он по дороге сделал привал и безмятежно заснул. А один из *ишханов* — приверженцев Ашота — явился к Гэорги с тяжбой и заявил: «Шатик — мое родовое достояние, которое Смбат несправедливо отнял у меня». Услышав это, Гэорги пришел в ярость и выслал вслед за Смбатом отряд. Он неожиданно напал на Смбата, а тот из-за своего грузного тела не смог вскочить на коня. Следовавшие за ним *ишханов* ³⁷ обратились в поспешное бегство, а преследователи добрались до Ани, оставляя по пути груды мертвых тел. Там они разграбили украшения кафедрального собора, вышибли гвозди из крестов и злословили, мол, унесем и прибьем ими конские подковы. И справедливый господь в положенное время воздал им за это через посредство ромеев, о чем скажем в своем месте. Смбата же схватили, отвезли к Гэорги, и тот приказал заточить его в [60] темницу. Отнял у него три замка и [лишь тогда] отпустил ³⁸.

Ашота окружали могущественные соседи, которые отняли у него многие земли, так что наконец он не стерпел /28/ и, покинув свою страну, явился ко двору ромейского императора. Он был милостиво принят, попросил в помощь войска и с ними вернулся в свою страну. Господь даровал ему удачу, и он [вновь] овладел многими *гаварами* и крепостями и стал могущественнее всех своих предшественников, так что немало знатных передали ему свои владения ³⁹ и добровольно подчинились ему. До этого места мы повествуем о приятных [событиях] ...

А в 467 году нашего летосчисления (17 марта 1018—16 марта 1019 г.) самодержавный император прислал некоего никомидийского сановника, который произвел принудительный набор ⁴⁰, затем собрал множество людей и приступил к восстановлению Феодосиополя ⁴¹.

А в 468 году (17 марта 1019—16 марта 1020 г) владыка Петрос ⁴² еще при жизни владыки Саргиса был рукоположен католикосом.

В 470 году (16 марта 1021—15 марта 1022 г.) самодержавный император во главе большой рати вновь прибыл на восток ⁴³. Он остановился в широкой долине близ Карина, отправил к грузинскому правителю Гэорги послов [с требованием], чтобы тот прибыл и изъявил покорность. Ибо некий епископ, родом грузин, который имел свой престол в Валаршакерте ⁴⁴, предстал перед императором и убеждал его — когда, мол, ты вступишь в [*гавар*] Екелеац или в Карин, Гэорги выйдет тебе навстречу. Император поверил его словам и в той же защищенной местности ожидал Гэорги, меняя лишь стоянки. Но Гэорги не откликнулся на зов императора, ибо многие из его приспешников страшали его, говоря: «Как увидит он тебя, ты либо погибнешь, либо схватит он тебя, и ты не вернешь своего [царского] достоинства!». Император же перешел в Басеан ⁴⁵, отправил двух, затем трех послов, ибо очень желал завершить свой [61] поход миром, /29/ так чтобы страна избежала разорения. Но переговоры ни к чему не привели, и тогда император пришел в ярость, от отдал приказ огнем, мечом и пленением покончить с большим городом Окбми ⁴⁶ и с относящимися к нему деревнями и хуторами ⁴⁷. Взятых здесь пленных он приказал отвести в *гавар* Халтеац ⁴⁸, а сам через Басеан дошел до *гавара* Вананд ⁴⁹, до [горы] Кармир Порак ⁵⁰. Гэорги же, сочтя

момент благоприятным, напал на город Ухтеац и приказал войскам предать огню его прекрасные здания, взять добычу, но людям вреда не причинять.

Когда император узнал об этом, его охватил еще больший гнев, и он двинулся на Гэорги. Войска встретились близ озера Палакацис⁵¹ и с грохотом обрушились друг на друга. Там сверкали мечи, сияли шлемы, отблески пламени отражались на горах и при ударах оружия искры сыпались на землю. Сам император наблюдал за воинами и поражался их отваге: как речные потоки разбиваются о скалы, так и ромейские отряды сшибались с вражескими, [хотя не раз] поворачивали обратно. На этом месте пал храбрый *ишхан* Эрат⁵². Его конь попал в болото и не сумел выбраться, и славного мужа сразили мечом. Это ввергло Тайскую страну в великую скорбь... Гэорги со своими войсками засел в укрепленных местах Абхазии, /30/ император же распространил свои набеги во все четыре стороны света, грозно приказав не щадить ни старца, ни юноши, ни младенца, ни совершеннолетнего, ни мужчину, ни женщину — независимо от возраста не щадить никого. Таким образом он разорил 12 *гаваров*.

Страшные, исторгающие слезы картины представлялись там взору. Дорогие царственные палаты с высокими крышами, возведенные умелыми искусниками, предназначались для того, чтобы восхищать зрителей, услаждать [взоры] горожан. Ныне же они преданы огню и лежат в развалинах, а рядом [валяются] сраженные мечом их владельцы. Горько мое повествование, велико содеянное зло! В силах ли я, убогий мыслями, последний невежда, изложить письмом свершенное в те дни или оплакать как должно бедствия наши! Все это требует духа Иеремии, только он один способен оплакать [62] соответственно мере постигших злоключений. Мы же краткими словами запечатлеем эти долгие события, дабы донеслись они до слуха грядущих поколений. Пусть сыновья, что родятся, расскажут о них своим детям, дабы никто не забыл дел господа, справедливой мерой воздающего каждому, кто отступает от его установления, согласно словам Иова:

«И воздаст ненавидящим его в лице их, и не замедлит» (Второзак., 7,10.).

Вообрази же свершенное в этот час — благородные волосы старцев увлажняются потоками крови, юноши перебиты мечами, бесконечно число ослепленных... И мне кажется, что все это постигло их за то, что в святом кафедральном соборе они вырвали гвозди из креста, отмеченного царем [небесным], и, исторгая хулу, грозились подковать ими коней. /31/ Тяжкое зрелище, но они его заслужили! Жены *азатов* выволочены на площадь, с головы их сорвано покрывало, средь бела дня они предстают в позоре. Те, что пешком шли наведать больных или еще тащились, идя на поклонение в святые места, ныне с непокрытой головой и необутые бредут впереди поработителей, они лишены нарядов, обесчещены, стали жертвами надругательств. А грудные младенцы! Одних, вырвав из материнских объятий, избивают о камни, других поддевают пиками, и кровь младенцев смешивается с материнским молоком. Тех же бросили на обочине дороги и топчут конскими копытами. Боже, где твое милосердие! Сколь безжалостен приказ императора! Но и свершенное не смягчает его гнева, он вновь и вновь поднимает десницу, чтобы умножить эти бедствия новыми. Подобными деяниями он обезлюдил цветущий край и еще до наступления зимы разорил и опустошил его.

Не знаю я, где причина постигшего их. Было ли то предостережением свыше, или явилось результатом крайнего богохульства жителей этого края, или произошло оно из-за жестокости западного войска, набранного из диких племен... Император же вернулся на зимовку в долину Понда⁵³. Он спустился в *гавар* Халтеац и остановился на роздых. [63] Вслед за ним прибыл патриарх Петрос и встретился с императором в великий праздник богоявления и был принят с честью.

В день освящения у благочестивых христианских царей и правителей принято наравне с церковными главами пешком спускаться к воде и там совершать таинство крещения господа. Когда наступил этот день, император велел патриарху Петросу освятить воду, согласно нашему обряду, а присутствующим там же епископам — согласно /32/ их обряду. И когда патриарх вылил господний елей в воду, то неожиданно показался светлый луч, который видели все без исключения и воздали славу господу. И прославилось наше благочестие! ⁵⁴ Патриарх Петрос был возвеличен императором и военачальниками и вернулся в свою обитель. Но там же была [подписана] грамота о гибели Армении! Ибо Йовпаннэс поручил патриарху, мол, составь завещание и передай его императору, что после смерти город мой и страну я оставляю ему в наследство. Не было у Йовханнэса отпрыска, чтобы принять корону, сын его Еркат ⁵⁵ скончался рано и не достиг отцовского сана.

Царь прибыл в указанное выше место на зимовку, воины его распродали пленных отдаленным племенам.

В это время скончался светлый и достойный патриарх наш владыка Саргис, могила его в монастыре Хоромос ⁵⁶.

III

О ВТОРОМ НАШЕСТВИИ ИМПЕРАТОРА НА ТАЙК, ГДЕ ИВЕРСКИЕ ВОЙСКА ПОТЕРПЕЛИ ПОРАЖЕНИЕ

Зиму автократор провел в долине Понда, а когда наступила весна, немедленно двинулся на Тайк. После многих переходов он стал лагерем в *gavare* Басеан, где собралось множество ромейской знати, которых император [прежде] по разным причинам лишил сана, /33/ и они рычали подобно львам, попавшим в клетку. Нынешний момент они сочли для себя благоприятным и сосредоточились в одном месте. И появилась [64] у них недобрая мысль, намерение, которое они [так и] не осуществили: они единодушно решили отложиться и поставить императором, кого сами пожелают. Утвердившись в этом намерении, они огласили свой замысел и расположились в широком поле. Собралось там бесчисленное множество людей, и начали они предлагать друг другу императорское достоинство. Затем все пришли к единому мнению и убедили Фоку по прозвищу Цравиз ⁵⁷ который за отцовские прегрешения с давнего времени лишен был сана. Поначалу он противился, но те настаивали и вынудили его согласиться.

Когда император узнал об этом, им овладела нерешительность, [тем не менее] он обосновался в крепости, которая зовется Маздат ⁵⁸ — это издавна принято в стране греков. Я не знаю, сказалось ли тут божественное правосудие, согласно которому рабы да не восстанут против господ своих, или императору была особая благодать, знаю лишь достоверно, — и тому был очевидцем, — что восставшие против него кончили позорнейшим образом. Точно так же и в прошлом, в начале царствования от Василия отложился Вард по прозвищу Сикларос и всю ромейскую державу — чуть ли не каждого — увлек за собой, так что император вынужден был просить помощи у грузинского Куропалата. [Его отряды] напали на тирана, изгнали его из страны, и он оказался в сирийском городе Вавилоне ⁵⁹. После него та же хворь поразила его однофамильца Фоку, и тот в течение /34/ семи лет владел всем Востоком ⁶⁰. Тогда император с четырьмя только тысячами ночью переправился через море и напал на несметные силы мятежника, среди этого множества никто не погиб, за исключением самого бунтовщика. Император приказал отсечь ему голову и протрубить в рог мира. Когда война кончилась, каждый воин вернулся к себе домой, сам же император с великим триумфом вошел в свою столицу Константинополь.

Так и ныне — их предприятие оказалось недолговечным, как детская игра, и уподобилось зданию на песке, которое рухнуло под напором потока. Давит, второе имя которого Сенекерим, был притесняем персами и свою наследственную [65] вотчину, страну Васпуракан, отдал самодержцу Василию, получив взамен город Себастию и окружающие ее области, причем случилось это не в отдаленные времена, а два или три года назад ⁶¹. С тех пор и поныне ромеи владеют Востоком. [Этот] Сенекерим в то время был заодно с восставшими, пользовался их доверием, но неожиданно, словно проснувшийся ото сна или как могучий муж, который отгоняет хмель, понял преступность задуманного. И, поскольку не было средств пресечь коварный заговор, в один из дней Цравиза, провозглашенного императором, неожиданно пригласили выйти из лагеря якобы для тайной беседы. И тогда Сенекерим внезапно сразил его мечом ⁶². Отсек голову, вручил ее своим слугам и приказал незамедлительно доставить императору Василию.

И когда дело так обернулось, причастные к заговору поспешно один за другим ушли оттуда, стремясь незаметно пробраться в свои дома. Таким образом их тайные замыслы были тотчас же пресечены. /35/ Император же, увидев голову тирана, приказал поднять ее на шесте для обозрения всего стана. Ибо многие из бывших в лагере стопы устремляли за императором, а словом и мыслью следовали за мятежником. А так поступил он благодаря глубокой мудрости, дабы, видя это, [недовольные] отступились от коварных замыслов и сердца свои подчинили императору.

После этого император с войсками спустился в широкую долину Басеана и отправил всадников из языческих отрядов схватить повстанца Перса ⁶³. Сам же направился к границе Басеана, в местность, именуемую Салкорай ⁶⁴, и, окружив лагерь рвом и валом, остался там на месяц или более. Посланные же императором схватили Перса и его зятя и единомышленника Андроника и доставили в крепость, которая зовется Халтой Арич ⁶⁵, на границе Карина. Прибыли в *агарак*, расположенный против крепости, остановились на роздых, вывели Перса и Андроника и отсеки им головы. Так приказал им император, ибо Перс и Андроник, поднимая восстание, вошли в союз с Апхазом и посулили выделить ему [территорию] до этого места. В прошлом владел ею [66] Давит Куропалат, но не как наследственной вотчиной: эти места были пожалованы ему императором за верность и покорность. Давит обещал передать страну после смерти императору, а они забыли об этом и щедро пожаловали им не принадлежавшее. Посему император и приказал отсечь им головы [именно] там.

IV

/36/ О ПОСЛЕДНЕЙ БИТВЕ В ШЛПАЙ ⁶⁶

Император требовал у Гэорги три крепости с их *дастакертами* ⁶⁷, [которые Гэорги незаконно отторг от удела Куропалата], и, находясь в Салкорай, [не раз] отправлял к нему послов. В любезных выражениях писал ему, мол, откажись от того, что не является твоим наследственным владением, пребывай в своем уделе с миром и не препятствуй мне следовать в Персию. Но Гэорги не соглашался, и тогда император отправил к нему Закарию, епископа Валаршакерта, о котором выше было вкратце упомянуто ⁶⁸. Закариа направился к Гэорги, убеждал его лъстивыми речами, так что тот согласился и написал императору, что готов отдать ему требуемое. Закариа взял грамоту и радостно пустился в обратный путь. Но не успел он пройти расстояние, равное одному древнему переходу, и достичь пристанища, где намерен был остановиться, как его настигли гонцы с требованием вернуть грамоту, ибо тот безрассудный [Гэорги] пожалел о содеянном. Взяли письмо и вернулись обратно. Закариа же предстал перед императором и поведал о случившемся. Василий стал

расспрашивать его о войсках Гэорги, об их военной выучке. Закариа ответил: «Ни у кого нет столь многочисленной рати, как у него, могущественной и готовой к бою!». Услышав это, император разгневался и вскричал: «Ты пришел от мятежников и запугиваешь меня!» И приказал препроводить его в Константинополь, добавив: «Оставайся там, пока я не приду к тебе как беглец!» А стражам приказал вырвать у него язык. Епископ был отправлен [в столицу] и более не вернулся на родину, оставался там до смертного дня./37/ [67]

После этого император покинул лагерь в Салкорай и направился к расположенной впереди местности под названием Шлпай. Об этом узнал Абхаз ⁶⁹ и, пока ромеи только располагались лагерем и не успели еще укрепить его стенами, прибег вот к какой хитрости. Виднейшего из своих епископов отправил к императору посланцем, а сам с войсками последовал за ним, чтобы неожиданно напасть на противника и, устранив его, обратиться в бегство. Они неслись, обгоняя друг друга, и [двигались] не по правилам военного искусства, а как бы стремясь к добыче. И случилось с ними то же, что и некогда с моавитянами, когда во дни Иорама они напали на Израиль и были жестоко перебиты мечом.

Они дерзостно напали на врага на конях, обессиленных тяжелыми [всадниками], железным вооружением и долгими переходами. А бодрые ромейские отряды тотчас же окружили их и перебили бесчисленное множество, остальные вместе со своим царем обратились в бегство и добрались до абхазских укреплений. [Ромейские] войска преследовали и избивали их до самого захода солнца. А император отдал приказ собрать в одно место головы убитых и за каждую выдать принесшему по *дахекану* ⁷⁰. Ромеи кинулись повсюду искать убитых и складывать головы перед императором. Василий же приказал уложить их в кучи по дорогам — на страх и удивление зрителям.

После всего этого Гэорги впал в отчаяние и умолял императора о мире. Узнав об этом, Василий смилостивился и отправил такую грамоту: «Не думай, что, победив тебя, я потребую большего, чем прежде. Верни вотчину, отказанную мне Куропалатом, и выдай своего сына /38/ в качестве заложника, и тогда между нами воцарится мир!» Гэорги вынужден был согласиться, после чего император назначил в *гаваре ишханов*, которые поделили между собой дом за домом, деревню за деревней и *агарак* за *агарак*ом, как было прежде. Император Василий взял заложников и обещал вернуть их через три года. Затем он выступил с войсками, обогнул Армению, спустился в просторную долину Хера ⁷¹ и, став там лагерем, приказал солдатам вырубить окружавшие [69] город деревья. Тогда *ишхан* города стал умолять, чтобы ему [разрешили] почтить императора данью и признать его власть.

Пока Василий пребывал в раздумье, а вся Персия была охвачена страхом и трепетом и умоляла о пощаде, на небесах неожиданно сгустились тучи и на землю хлынули потоки дождя. Затем подул северный колючий ветер, который обратил дождь в град, снег и лед, и осадки густо покрыли землю. Ведь время года было такое — зима приближалась. Снегопад продолжался, мороз усиливался, табуны коней и мулов цепенели от стужи и не могли двигаться. От лютого холода у пеших воинов отваливались, словно пораженные огнем, пальцы на ногах и руках. Канаты и шести шатров от страшного мороза примерзали к земле, да там и оставались. Мне представляется, что это было возмездие за беспощадный меч, поднятый на христиан. Хотя они терпели за грехи, но ромеям следовало умиلسердиться, как сказал господь вавилонянам: «Я предал /39/ народ мой в руки твои, а ты не оказала им милосердия» (Исаия, 47, 6.). Посему их наказала злая стужа — не на высоких горах, но на низкой равнине, среди теплых [обычно] мест, на виду своих врагов. Так и при Моисее Египет побил град и иней, что несвойственно природе этой страны, почему и варварам стало очевидно, что с ними сражается десница всемогущего. При этих обстоятельствах

ромей, которые не утратили сил, вместе со своим царем верхом на конях, позабыв об имуществе, преследуемые стужей, как противником, потянулись в *гавар* Арцрунидов⁷². Когда горожане заметили это, они предприняли неожиданную атаку и с восторгом накинулись на [оставленное добро]. Взяли добычу — коней и мулов, шатры и прочее снаряжение, о котором не смогли позаботиться угнетенные стужей [ромей]. Оскорбление, нанесенное грабителями, воочию убедило императора, что только рука господня могла вручить ему Грузию, как говорится в Книге царств: «Не силой своей крепок человек, господь ослабляет противника» (1 Царств, 2, 9.). [69]

После многих переходов император с войском прибыл в свою столицу Константинополь, а через три месяца отпустил сына Апхаза⁷³ с богатыми дарами, сам же впал в смертельную горячку.

Константин, его родной брат и соправитель, был [в это время] в Никейской области; император приказал отправить гонцов, дабы он поспешил к нему. А те, что должны были доставить приказ императора, на словах согласились, [на самом же деле] спрятали его у себя, /40/ ибо не желали, чтобы царствовал Константин. Лишь после долгих и настойчивых расспросов император распознал их коварство и приказал служителям: «Подайте мне коня!» Встал с ложа, сел верхом, выехал из дворца и показался горожанам. При виде его многие в ужасе скрылись в темноте своих жилищ. Тем временем гонцы отправились за Константином и спешно доставили его [во дворец]. Увидев брата, император возложил на голову его царский венец и завещал, как Давид Соломону:

смутьянов в империи и тех, кто не желал, чтобы Константин царствовал над ними, лишать жизни. Но не [прибавил], как Давид, мол, преследуй их, лишь [имея на то] причину. Сам же вернулся на свое ложе, ослабел и через два дня скончался. Правил же он 50 лет.

В день его смерти было чудесное небесное знамение. В тот вечер, когда он испустил дух, разверзлось небо и неожиданно выбилось сверкающее пламя. И все видевшие говорили: это предсказывает смерть императору.

V

ЦАРСТВОВАНИЕ КОНСТАНТИНА⁷⁴

После Василия четыре года царствовал его брат Константин. Был он муж миролюбивый и щедрый, посему первый год царствования пребывал в безмятежности, а страна отдохнула от бедствий. Он утвердил в должности правителей областей, назначенных еще Василием. Правителем же *гавара* Веспуракан был некто Комиан⁷⁵, муж храбрый [70] и воинственный, поставленный еще братом Константина. Комиан /41/ прославился своими смелыми и мужественными делами против персидского двора и стал знаменит на весь Восток. Когда же император скончался, он задумал недоброе и, помышляя о том, чтобы царствовать на Востоке, вошел в союз с Гэорги. Об этом узнали каппадокийские воины, сговорились и, неожиданно напав, обрубили канаты его шатра и набросились на него. Схватили Комиана и его соумышленников, бросили в темницу в крепости и оповестили императора. Это случилось в первый год правления Константина — по нашему счислению то был 475 год (15 марта 1026 — 14 марта 1027 г.).

Узнав об этом, император не сразу наказал его, но выжидал целый год, пока не постиг [суть] дела. Но на следующий год послал палача, который ослепил Комиана и восемь его сообщников. Приходится горько сожалеть, каким образом столь

благородный и достойный доброй памяти муж в заблуждении лишился разума: ведь Комиан отвоевал и подчинил ромеям Арчэш!⁷⁶

На второй год император в качестве правителя отправил на восток некоего евнуха Никиту⁷⁷. Тот прибыл в Грузию, многих из *азатов* увлек лукавыми речами, так что они покинули свои родовые владения, и отправил их к императорскому двору. Увидев их, император возрадовался, почтил богатыми дарами и высоким саном и в качестве вечного владения пожаловал согласно их достоинствам деревни и *аваны*⁷⁸, [подтвердив это] грамотой, [скрепленной] печатью. А на третий год на восток выступил с многочисленным войском евнух Симон⁷⁹. Он правил половиной империи и по-гречески звали его *парекиманос*⁸⁰. Симон прибыл в /42/ Грузию, но не успел ничего сделать, ибо его настигла весть о смерти императора. Узнав об этом, он без промедления вернулся с войсками в Константинополь. [71]

VI

КАК ЦАРСТВОВАЛ РОМАН⁸¹

Могущественный император, постоянный победитель в войнах, подчинивший множество стран, увлеченный подвигами мужества, Василий не позаботился взять жену и вырастить сыновей—наследников, как то положено царям. Василия сменил упомянутый выше Константин, его брат. У него также не было сына, но были две дочери⁸². И младшую, Зою, выдал он за Романа, ромейского военачальника, воцарил его вместо себя и, скончавшись, поспешил за прочими смертными.

В первый год своего правления Роман собрал войско и направился в сторону Антиохии. Он намеревался напасть на город Халп⁸³, захватить и ограбить его. Он подошел к горе с названием Сеав⁸⁴ и увидел там множество монастырей и обители пустынников, обладавших плотью, но походивших на бестелесные существа. Они довольствовались козьей шкурой или вретисцем и ходили на Иоанна [Крестителя], но только он питался акридами и диким медом, эти же, вооружившись мотыгами, трудились до изнеможения, дабы обеспечить себе ячмень как пищу насущную. Всякую /43/ же снедь, вкусную пищу и вселяющее веселье вино, которое доставляет виноградная лоза,—все это они оставляют мирянам. Поднявшись на вершину горы, они, подобно первому пророку, пребывают в постоянной беседе с богом.

При виде их император спросил своих сановников: «Что это за скопление еретиков?» А они ответили: «Это собрание молящихся, они постоянно умоляют о мире на земле и о здравии вашем». А император в ответ сказал: «Ни к чему мне их молитвы! Отсчитайте из каждого монастыря лучников, чтобы служили они моему царству!» Он был весьма привержен к халкидонскому уложению и ненавидел все, связанное с истинной верой. Так некоего сирийского епископа он взял в Константинополь и, обратив в посмешище, приказал состричь ему бороду, посадить на осла и провести по площадям и улицам, [72] чтобы плевали в него. А после этого велел заковать его в железо, и тот в оковах и скончался. Император был ума незрелого, он не вспомнил древних царей и покровительство их подвластным племенам⁸⁵. Своенравным повелением он намерен был внести новшества в божью церковь и не вспомнил истинный завет господний: /44/ «И тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит!» (Матф., 21, 44.).

Поэтому в скором времени его постигло справедливое наказание божье. В то время как следовал он тем же самым путем, на бесчисленные [силы ромеев] напал арабский отряд, насчитывавший 800 или тысячу воинов, и произвел страшное

избиение. Захватили царские сокровища и имущество воинов как добычу и вернулись в свой город.

Император бежал с великим позором, стремительно несся верхом и ворвался в свой имперский город. И лишь униженный страшным оскорблением, он вспомнил слова песни Давидовой: «Лучше уповать на Господа и святые молитвы, чем надеяться на князей и изобилие сокровищ» (Псал., 117, 9.). С тех пор он до самой своей смерти не решался выйти из престольного царского города ⁸⁶.

VII

ВЗЯТИЕ ГОРОДА УРХИ ⁸⁷

Ишхан этого города, которого жители именовали эмиром и который унаследовал это место от предков, умер бездетным. А его жена страстно влюбилась в одного из своих рабов по имени Саламай ⁸⁸ и назначила его на место своего мужа. Он же опасался, что городская знать не подчинится ему, и поэтому послал одного из своих доверенных рабов к Маниаку ⁸⁹, отправлявшему свою должность на границах страны ромеев, с резиденцией в городе Самусате ⁹⁰, выстроенном, говорят, в древности Самсоном, — пусть, мол, Маниак надоумит императора [73] пожаловать ему должность и права вечного владения в стране ромеев, [подтвердив это] грамотой и царской печатью ⁹¹. «И, — прибавлял, — я вручу ему город без боя». /45/ Узнав об этом, император Роман написал ему о своем согласии, сделал его анфипатом-патриkiem ⁹², а жену его почтил высоким саном.

Когда горожане услышали крики и трубные звуки, их охватила трусливая дрожь, они в ужасе и смятении выскочили наружу, подобно морским волнам, обрушивающимся одна на другую. Не в силах понять ход событий, возвращенные в магометанских законах, они ночью поспешили в близлежащие города, рассказывая тамошним жителям о постигшем их неожиданном бедствии. Когда же услышали об этом, подали сигнал [опасности], и собралось множество воинов. Тем временем [ромей] подошли к городу, проломив стену и, проникнув внутрь, произвели великое избиение. Многие жители засели в кафедральном соборе, другие же в прочих укрепленных местах и башнях. Осаждающие сожгли многие кварталы города, подпалили даже святой кафедральный собор. Отворили сокровищницы святого дома, где древние армянские цари [некогда] хранили предметы, необходимые при службе в храме господнем. Все это поспешно собрали и вернулись к себе ⁹³. С тех пор и поныне город подвластен ромеям ⁹⁴

VIII

КОНЧИНА РОМАНА

В великий четверг император, отнюдь не достойный доброй памяти, вышел из дворца, публично держал перед войсками речь и до полудня был занят царскими выдачами согласно своему сану ⁹⁵. Покончив с этим, он отдал повеление приготовить себе золотую ванну /46/ для купанья. Но когда он вошел в золотую лохань, полную горячей воды, служители схватили его за волосы и погрузили в воду [и держали там до тех пор], пока тот не кончился. И сделали это согласно воле императрицы ⁹⁶. А правил Роман семь лет ⁹⁷. [73]

IX

ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ⁹⁸

Перестали существовать [царства] с золотой гривой, с серебряными плечами и руками, медной спиной и боками, которые представились Даниилу в его пророческом видении. А [царство] с ногами из железа, смешанного с глиной, — это ромейская империя! И управляют ею не так, как у других народов правит либо царь, либо царский сын. Железо олицетворяет того, кто наследовал царство от отцов и дедов, глина — пришельца, не принадлежащего царскому роду. У ромеев это бывает нередко, таков и этот император. Не царского он рода и не царский сын, и, судя по его должности, он не принадлежал к именитым сановникам ⁹⁹. Был он незначительным дворцовым служащим, императрицей же овладела похотливая к нему страсть, и ради него она приказала утопить своего супруга, причем говорили, что Михаил был в числе его убийц. Едва удалось это сатанинское предприятие, императрица приказала позвать городскую знать, показала скончавшегося императора, объявив, что он умер внезапно. И в скором времени она возвысила и воцарила Михаила, объявила его своим супругом, хотя его преступление стало всем известно. /47/ У Михаила было множество родственников и братьев ¹⁰⁰, которым он передал важнейшие должности. Одного из братьев [он] сделал магистром, дал ему Фессалонику и вверил *прению* Болгарии и западной стороны ¹⁰¹. Другого брата назначил *демесликосом* ¹⁰², отправил в Антиохию Великую и поручил *прению* Тачкастана ¹⁰³ и южной стороны ¹⁰⁴. Третьего брата, евнуха и монаха, которого звали Ортанорос, [он] оставил в царственном граде Константинополе, сделав его *синклитосом* и поручив ему *прению* и правовые документы дворца ¹⁰⁵. Но сам был одержим злым духом, так что вынужден был удаляться в церкви и посещать усыпальницы святых. Я не знаю, было ли это возмездие за преступное убийство Романа, или он был одержим от рождения. Приводят, правда, и другие причины: царство якобы не ему предназначалось, и поэтому он отправился в город Фессалонику к некоей колдунье, [75] подобно тому как рассказывается о деяниях некоего юноши, жившего в древности при Василии ¹⁰⁶, и отдался служению отцу всяческого зла. Распаленная бесом сладострастия императрица взяла его [мужем] и поставила царем над страной. Но, свершив это злодеяние, он по царскому обычаю в господние праздники должен был посещать церкви и не был в состоянии переносить [мучения, доставляемые] злым духом, — считали, что именно это заставляет Михаила бесноваться. Подтверждают это тем, что император часто бывал в Фессалонике, как полагали, — у колдуньи. Так ли, иначе ли, но терзавший его бес не оставлял его до самой смерти. /48/

В его правление произошло великое избиение ромейских отрядов в *бердакалаке* ¹⁰⁷ Беркри ¹⁰⁸, принадлежавшем стране Арцрунидов, вместе с окружающими его *дастакертами*. Беркри издавна был захвачен персами, которые продолжали владеть городом. Сюда с большими силами явился правитель ¹⁰⁹ Васпуракана Кавасила ¹¹⁰, занял город и в качестве гарнизона оставил конные отряды. Но в это время его место занял другой и с остальными войсками удалился от Беркри; он расположился в местности Арцак ¹¹¹, соблазнившись обилием корма и прочими нужными всадникам предметами. А [бывший] владетель Беркри по имени Хтрик, который находился в крепости под стражей, оповестил об этом военачальников страны персов. Бросив клич друг другу, персы неожиданно сосредоточились в одном месте, напали на город и окружили его плотной стеной. Между тем после непотребных дел и пьянства ромейское войско было охвачено дремотой и не позаботилось обезопасить себя мерами предосторожности. Да и защитник Израиля отказал им в помощи. [Противник] перебил мечами 24 тысячи человек. И произошло это не из-за праведности персов, но из-за нечестивости наших воинов, которые были побиты беспощадным мечом, согласно сказанному господом: «Злодея предаст злой смерти» (Матф., 21, 24.). А войска, расположенные в Арцаке, не успели им на помощь. Персидские отряды захватили добычу, обобрали убитых и отправились в свою [76] страну. Они взяли множество пленников, и, когда по пути стали на роздых, Хтрик приказал каждому рыть

землю и зарубить там связанных, пока яма не наполнилась, после-чего он влез туда и умылся кровью убитых, чтобы успокоить гнев сердца ¹¹².

/49/ На следующий год ¹¹³ император вновь отправил войска, которые по прибытии установили машины и камнеметницы и начали крушить крепостные стены. Находившиеся внутри крепости видели, что им не спастись, многие из них уже пали, и поэтому обратились с мольбой к [ромейским] военачальникам — пусть их отпустят невредимыми в их страну, сами же займут крепость и *дастакерты*. Вняв им, так и поступили. С тех пор и поныне упразднена власть персов над этим местом.

В начале царствования Михаила, в месяц Арац, в пятницу, к исходу дня, произошло затмение солнца ¹¹⁴. По нашему счислению то был 482 год (13 марта 1033—12 марта 1034 г.). При виде этого многие сведущие люди решили, что наступил день рождения антихриста, или же усмотрели в этом предзнаменование великих бедствий» И произошло это в наше время, в те дни, с которыми знакомит наше повествование. И мы своими глазами узрели удары гнева божьего и новые бедствия, которые постигли наш народ армянский за прегрешения наши. А еще ранее было другое великое знамение, которое повергло очевидцев в страшное изумление. Оно было схоже со знаменами последнего разрушения Иерусалима, о котором грозно предупреждал спаситель: «Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения и не будет» (Марк, 13, 19.). Они же в ответ рассвирепели, сочтя госиода и творца своего простым смертным. [Некогда] муж некий Анания, будучи в Иерусалиме, громко восклицал, стаяя: «Горе Иерусалиму, горе окровавленному граду! Наступили для тебя дни расплаты и так далее», что описывает великий Евсевий в церковной истории ¹¹⁵. То же случилось и в наше время. Подобный Анании некий муж, никому не известный, [77] несчастный, без роду и племени, прибыв с востока, /50/ пересек *гавары* Апахуник и Харк, спустился в Мананали и в Екелеац (путем, по которому не вернулся!) и, набрав в рот одни и те же слова, повторял их непрерывно, днем и ночью: «Горе мне, горе мне!»—и больше ничего. И если кто спрашивал:

«Откуда ты, из какого *гавара*?» или «К чему ты говоришь это?», то он не отвечал, а продолжал беспрерывно то же самое. Простодушным он казался сумасшедшим, мудрецы же говорили: «Это самое горе постигнет всю страну ...» Но все это задерживает наш рассказ. Обратимся к повествованию и вернемся к упомянутому выше императору.

Своего племянника по сестре он нарек кесарем ¹¹⁶ и, процарствовав семь лет и восемь месяцев ¹¹⁷, заболел и заснул горячечным смертным сном. Императрица же усыновила кесаря и воцарила вместо своего супруга ¹¹⁸. Но кесарь вместо благодарности императрице за добро замыслил сослать ее с родными на отдаленные острова, дабы власть принадлежала только ему и его близким. Так и поступили. А сестра императрицы, которую звали Феодора ¹¹⁹, призвала городскую знать и посвятила их в происшедшее. Узнав об этом, они подали сигнал войскам, что на западе, и сосредоточили их вокруг себя. Затем решительно насели на императора и потребовали, мол, покажи нам нашу порфиноносную императрицу, которая унаследовала твое царство от отцов и дедов. Видя их решительность и единодушие, кесарь испугался и приказал поспешно вернуть императрицу из ссылки. Узрев свою сестру, Феодора немедленно приказала схватить императора с родными его и их приближенными. Тогда император /51/ обратился в бегство, намереваясь проникнуть в великую церковь, спрятаться под алтарем и тем спасти свою жизнь. Но он не успел: преследующие его быстро настигли, схватили и вернули обратно. И в каком-то грязном месте швырнули наземь и ослепили, [так же поступили] с именуемым *демесликосом* ¹²⁰ и многими другими. [Феодора] приказала отдать их дома на разграбление и разрушение. Весь город кинулся к их жилищам, многое разграбили, а высокие

прекрасные дворцы срыли до основания и уничтожили. И от возможности пограбить [78] буйная толпа пришла в такое возбуждение, что пробилла стену [императорского] дворца, и из царской сокровищницы были унесены многие драгоценности. Городское начальство с трудом смогло пресечь [действия] толпы, им на помощь пришло солнце, которое вобрало в себя свои лучи, [и воцарилась тьма].

А император, который еще вчера пребывал на золотом престоле и повелевал вселенной, сегодня ослеплен и восседает на седалище тщеты и поношения. И те, кому казалось, что они будут вечно владеть морем и сушей, в единое мгновение лишились возможности спасти самих себя. И они воистину уподобились, согласно пророку, «траве на кровлях, которая прежде, нежели будет исторгнута, засыхает, которою жнец не наполнит руки своей и вяжущий снопы — горсти своей» (Псал., 128, 6—7.). Такова история переменчивой судьбы кесаря, который правил шесть месяцев ¹²¹.

Х

ЦАРСТВОВАНИЕ КОНСТАНТИНА, МОНОМАХА ПО ПРОЗВИЩУ ¹²², СЫНА ФЕОДОСИЯ

Согласно видению пророка, Константин был сотворен из глины. Отец его занимал во дворце должность верховного судьи ¹²³, так что назначал /52/ судей по всей стране. После незадачливого правления кесаря львица зарычала в берлоге на своего друга, ибо ее одолевали немалые сомнения» а среди своих не было никого, достойного царства. Тот же, кого усыновила, сделала повелителем и царем государства, отплатил ей так, как только что рассказали. Что же делает Зоя? Она преступает канонические правила, способствует карьере этого мужа и берет его в супруги ¹²⁴, возводит на царский престол. Тогда многие решили, что Константин был ее любовником, но я не знаю, так ли это. Он же в своей грамоте по поводу благоденствия страны писал, что «ради мира в империи я не пощадил себя и лишь поэтому согласился на недостойное меня предприятие». [79] В первый же год его правления восстал [Манеак] сын Манеака ¹²⁵, который управлял западом ¹²⁶, муж храбрый и именитый, и многих привлек на свою сторону. С великой ратью он дошел до ворот царственного города и благодаря отваге обрел столь великое могущество, что многие подчинились ему даже против своего желания: Манеаку сопутствовала великая удача, и полагали, что он станет императором. Дважды и трижды выступали против него императорские войска, но разбитые возвращались к императору с позором. Перед последним сражением все полагали, что после одержанных побед все ему подчинятся и сделают императором, но Манеак помышлял воцариться не с помощью бога, а уповая лишь на свое могущество. Издавна страдая болезнью Авессалома, /53/ обуянный нечестивостью, он за нее и понес наказание. Его нашли упавшим среди бойцов первого ряда, но он не был кем-либо сражен, а отдал душу могучему ангелу ¹²⁷ [...]/55/ Это случилось в начале царствования Константина, когда по нашему счислению был 490 год ¹²⁸.

А через три года пришел конец стране нашей Армянской, ибо в один год распрощались с этим миром оба родные брата, Ашот и Йовханнэс, которые были царями в нашей стране ¹²⁹. Тогда заколебался их престол и более не обрел покоя. *Ишханы* покинули свои наследственные вотчины и отправились на чужбину. *Гавары* были разорены и стали добычей греческой державы. Населенные *аваны* стали обиталищем скота, а поля превратились в пастбища. В прекрасных домах с высокими крышами поселились лешие. [И нашу страну можно оплакать], подобно тому как святые пророки оплакивают Израиль, превратившийся в пустыню: «Там вывел детенышей еж и вскормил детей своих без страха» (Исаия, 34, 15) .

Великолепные монастыри обратились в пещеры для разбойников. .. А церкви при них! Они своими стройными зданиями, пышными украшениями, неугасимым огнем лампад и светильников (их живой свет разливается в воздухе и дрожит, словно морские волны, когда те в спокойное время колеблет [80] и сталкивает легкий ветерок) являли небесное зрелище. /56/ Сладкий дымок ладана, зажженного щедрыми дароносцами, был подобен цвету вишневых деревьев, которые растут на вершинах гор и вбирают [в себя] солнечные лучи. И какой язык в состоянии поведать об обитателях монастырей, о сладости песнопений и непрерывных псалмопениях, о чтении божественных книг, о господних праздниках и почитании мучеников, о воле единомышленников и их устремлениях к божественному и прочее!

И то, что прежде так вот выглядело, ныне лишено всего, утратило великолепие и разграблено. Вместо сладостных песнопений совы и лукохвостики ¹³⁰ возглавляют хоры, вместо звуков псалмов [слышно], как поют горлицы и воркуют голуби и ласковыми кликами, согласно пророку, призывают птенцов.

Лампады погасли, иссяк аромат благовонного ладана. А алтарь святого таинства, который некогда был подобен молодой невесте и украшен роскошной завесой, с венком славы на челе, ныне являет жалостное зрелище, достойное великих слез, [ибо] лишен украшений, запылен, и там гнездятся вороны... Но все это требует [слишком] долгого и обстоятельного изложения и споспешествования вышней благодати, и только при этом мы смогли бы достичь пели нашего повествования. Но пора нам вести изложение дальше.

/57/ Когда великим Константином ¹³¹ овладел недуг, от которого он и умер, он приказал своим ближним, мол, разыщите кого-нибудь в Армении и приведите его сюда. И отправленные на розыски нашли некоего иерея Кюракоса, ведающего странноприимным домом при патриарших палатах, и доставили его к императору. Император увидел его, вручил грамоту по поводу Армении и сказал: «Доставь это письмо, передай царю Армении. И скажи ему, что нас, как и всех смертных, достиг зов смерти, поэтому, мол, возьми свою грамоту и передай царство сыну своему, а сын твой—своим отпрыскам навечно». И он улегся на своем ложе и умер.

А Кюракос припрятал у себя грамоту до воцарения Михаила ¹³² и тогда продал ему, взяв великие ценности. О, горькая [81] сделка! Сколь великой крови стал он виновником! Сколько церковей разорила эта продажа! Сколько *гаваров* обезлюдело, обратившись в пустыню. Сколько больших *аванов* потеряло своих жителей!.. Но обо всем мы скажем в своем месте, а пока поведем изложение дальше, так же как и начали.

Когда весть о смерти [армянского] царя достигла ушей ромейского самодержца, он счел, что грамота об Армении [утверждает его право] на наследственную собственность, и приступил к захвату города Ани и [всей] страны ¹³³. Но в то время некий Саргис ¹³⁴ из числа главных *азатов* Армении торжественно назначил себя царем над Ширакской страной ¹³⁵ и окружающими *гаварами*: ведь он сумел прибрать к рукам все сокровища из дворца Йовханнэса, ибо после его смерти был назначен регентом. А могучий и именитый муж Вапрам, великий и несравненный в своем благочестии, /58/ из рода Пахлавуни ¹³⁶ и его домочадцы, сыновья и племянники — их было около 30 *азатов* — не примкнули к Саргису, но призвали Гагика, сына Ашота ¹³⁷, признали его своим царем и благодаря мудрой уловке доставили в город.

Увидев это, Саргис собрал царские сокровища и пробрался в цитадель неприступного Ани. Гагик же, набравшись мужества, подступил к нему и уговорил его с мольбой. Тогда Саргис покинул цитадель и отправился в *бердакалак* Сурмари ¹³⁸, но

крепость [Ани], равно как и другие замки, на которые простиралась его власть, Гагику не выдал. Прибыв в Сурмари, он коварно замыслил передать все, чем владел, под владычество ромеев и самому перейти к ним. Гагик же с немногими людьми вошел в лагерь, [приблизился] к шатру Саргиса, приказал взять его под стражу и вступил в свой царственный город. Мятежника следовало умертвить, но Гагик мыслил подобно Саулу и пощадил второго Агага, посадил его рядом с собой в колесницу. Посему и воздалось ему как Саулу — жизнью горше смерти.

В эти дни ромейские войска в своем натиске четырежды ¹³⁹ вторгались в Армению, пока мечом, огнем и взятием в полон не обратили всю страну в безлюдье. Когда я вспоминаю [82] об этих бедствиях, дух мой смущается, мысли останавливаются, ужас вызывает дрожь в руках, и я не в силах продолжать повествование, ибо горек рассказ мой, он достоин великих слез!

Страна некогда была густым и плодоносным садом с прекрасной зеленой листвою, который представлялся прохожим во всей своей красе и благоденствии. Ясноликие *ишханы* восседали на княжеских престолах, /59/ а их дружины походили на вешние цветники, они выступали в яркоцветных [одеяниях] и своими радостными песнями и кликами являли торжественное зрелище. Звуки труб, кимвалов и иных музыкальных инструментов наполняли души слушателей радостью и ликованием. Старцы, украшенные благородными сединами, восседали на площадях, матери обнимали младенцев, ласкали их с материнской заботой, ради бьющей через край радости забывали печальное время родовых мук и были подобны голубкам, постоянно порхающим вокруг своих новооперившихся птенцов. Нужно ли говорить о любовном томлении невесты в [брачном] покое, о неодолимом влечении жениха к брачному ложу? Но пора возвести рассказ к патриаршему престолу и царскому достоинству. Ибо первый был подобен облаку и, насыщенный дарами святого духа, через посредство благодати, исходящей от вардапетов, кропил животворной росой, а удобренный вертоград церкви плодоносил, и на защитных стенах находились рукоположенные ею стражи. А царь по утрам выступал из города и был подобен жениху, покидающему брачное ложе, или утренней звезде Арусак ¹⁴⁰, которая поднимается над головами земных тварей и притягивает к себе всеобщие взоры. Он сиял великолепными одеяниями, усыпанной жемчугами диадемой и каждого повергал в изумление. А белый конь в золотых украшениях, шествуя впереди, слепил взоры зрителей падающими на него солнечными лучами. Впереди же двигалось огромное скопище войск, /60/ подобное набегающим одна на другую волнам. Пустыни изобиловали сонмами иереев, а деревни и агарак в добром соперничестве сооружали обители для монахов. Этим и подобным была богата наша страна. Я потому пишу об этом, [83] чтобы у каждого вызвать слезы, когда начну повествовать о противоположном.

Ныне же царь лишен своего сана, и в дальней стороне он восседает, как пленник, взятый под стражу. Так же и патриарший престол лишен восседающего на нем, он предстает в печальном обличье, как молодая жена, оставшаяся вдовой. Конница осталась без главаря и рассеялась — кто оказался в Персии, кто в Греции, кто в Грузии... Сепухский полк *азатов* ¹⁴¹ покинул вотчины, они утратили [былую] пышность и повсюду скулят, подобно львьятам, в своем логове. Царские дворцы обратились в развалины и обезлюдели. Многолюдная некогда страна покинута жителями. Не слышно радостных кликов при подрезке виноградников и приветственных возгласов, обращенных к давилщикам [винограда]. Младенцы не играют у ног родителей, старцы со своими седалищами не восседают на площадях. Не слышно свадебных кликов, перестали украшаться завесы брачного чертога. Иссякло все это и погибло, и не спасет [десница], согласно псалмопевцу. Ныне все обратилось в скорбь, и праздничное одеяние уступило место темной власянице... Чей слух выдержит повествование о наших бедствиях! Чье каменное сердце не смягчится от стенаний и не будет разбито печалью! И пора мне к собственным рыданиям прибавить слова из плача Иереми:

«Пути Сиона сетуют, /61/ ибо никто туда не входит» (Плач Иерем., 1, 4.). Это было сказано во время разрушения Иерусалима, но осуществилось ныне.

Да, все это постигло Армению из-за сделки, о которой мы недавно упомянули ¹⁴². Этот торг кажется мне более бесчеловечным, чем Иудин, ибо в том случае продавший достоин осуждения, но сама сделка явилась уплатой за спасение всего человечества, как и пишет великий Петр в окружном послании: «Не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, но кровью сына божьего» (1 Петр, 1, 18-19.). Этот же торгош [Кюракос] нагл и бесчеловечен, ибо явился причиной [84] стольких зол. Он сломал ограду виноградника, насаженного господом и возвращенного 15-летними тяжкими трудами Просветителя, — он разрушил башни и дал попать этот виноградник прохожим, пока не осквернили его лесные кабаны и дикие вепри, согласно песне Давида. Но пусть молва об этом достигнет господина, и он воспримет ее, как сочтет правым. Мы же обратимся к нашему рассказу.

Итак, в 494 году был захвачен Ани ¹⁴³ не по закону войны, но лукавой речью. [Ромеи], поклявшись на кресте, заставили Гагика согласиться с волей императора, [который будто бы сказал], мол, как увижу тебя, верну тебе твое царство и признаю тебя непременно наследником твоей страны и твоего города. Если мудрый клянется, то неразумный верит, что подтверждают также высказывания мудрецов, и далее: лживые слова подобны жирным перепелкам, и поглощают их неразумные.

И поверил Гагик клятве на кресте вследствие ли незрелого ¹⁴⁴ ума или боязливости, /62/ не знаю. Гагик вручил ключи от города Петросу, который занимал тогда патриарший престол нашего Просветителя, и великой клятвой вверил ему все попечение страны ¹⁴⁵. И не последовал он заветам Вахрама и других *азатов*, которые воцарили его, но прислушался к уговорам коварного Саргиса, покинул город и отправился в Грецию путем, по которому нет возврата, уподобившись рыбе, пойманной на удочку, или птице, [попавшей] в силки. Увидев его, император забыл о клятве, о том, что она была дана на кресте, и не отпускал его и настаивал, мол, выдай мне Ани, а взамен дам тебе Мелитину ¹⁴⁶ и окружающие ее *завары*. Но Гагик отказался, и, пока продолжалось это испытание, Григор ¹⁴⁷, сын храброго Васака, направился к императору. Был он муж мудрый, а в божественном писании сведущий как никто, поэтому видя, что Гагика не отпускают в собственную страну, он предстал перед императором и вручил ему ключи от Бджни ¹⁴⁸, [передав ему] всю свою наследственную вотчину. Император воздал ему почести, Григор получил чин магистра, [принял] назначенные в качестве местопребывания деревни и города в пределах Месопотамии, [85] а вечное право передавать их из поколения в поколение было подтверждено золотопечатной грамотой ¹⁴⁹.

А городская знать Ани ¹⁵⁰, видя, что Гагик задержан в Греции, решила вверить город либо Давиту Дунаци (ибо на его сестре был женат Гагик), либо абхазскому царю Багарату ¹⁵¹. Когда патриарху Петросу стало известно, что город кому-нибудь да перейдет, он написал /63/ правителю восточной стороны, пребывающему в Самусате ¹⁵², выстроенном, говорят, в древности Самсоном, мол, выясни у императора, чем он отблагодарит меня, если я выдам ему этот город и прочие крепости нашей страны. Узнав об этом, тот поспешно оповестил императора. Прослышав об этом, император удовлетворил желание Петроса, пожаловал ему драгоценности и сановное достоинство. И таким вот образом [ромей] овладели Ани и всей страной.

А ущемленный в правах Гагик пребывал при императоре, в том месте, которое было дано ему из милости, согласно воле императора, причем оно было значительно беднее Ани и остальной части страны ¹⁵³. Благодарность же и награду пожаловали *католикосу*, у которого приняли город. А Гагик по приказанию императора взял в жены

дочь Давита, сына Сенекерима, и стал властвовать над его уделом, ибо Давит скончался, не оставив сына-наследника ¹⁵⁴.

А некоего *ишхана* по имени Асит, который ранее правил Востоком, император отправил в качестве наместника в Ани ¹⁵⁵. По прибытии он весьма возвеличил почестями Епатриарха Петроса и подчинил себе всю страну. И с великим войском направился на город Двин. А владетель города Апусуар ¹⁵⁶ дал ему бой, устроил под городом великое побоище. И там погиб великий *ишхан* Армении Вахрам с сыном, что ввергло Армению в великую печаль. Асит же некоторое время пребывал в Армянском государстве, а затем, в 493 году нашего счисления (10 марта 1044—9 марта 1045 г), его сменил в должности некий Каменас ¹⁵⁷. Он прибыл в [Ани] и не воздал патриарху прежних почестей, затем принялся поносить его в грамотах перед императором [86] и обманным путем изгнал из города, говоря, что император, мол, назначил тебе местопребывание в *гаваре* Карине, в городе Арцне. И патриарх прибыл в наш большой и цветущий город и души ожидавших его зрителей наполнил радостью. Близок был праздник /64/ святого богоявления. Когда же великий праздник наступил, несметная толпа спустилась к потоку, который стекал с гор, возвышавшихся с северной стороны долины. И там, как и положено, он со всей пышностью совершил таинство этого дня. Когда же наступило время слить господнее миро в воду, какой-то араб выступил из толпы и попросил окрестить его в воде. Патриарх спросил его о причине просьбы и выяснил, что тот желает стать христианином, и предложил ему войти в воду. И к нему подошел мирносец, взял сосуд и [нечаянно], ударив его рукой, расколол, обильно окропив елеем и новообращенного и воду. А осколком стекла поранило руку патриарха, и на землю полилась струя крови. Толпа по-разному истолковала это явление, но все говорили, что это недоброе знамение. И исполнилось оно в тот же день. Ибо во время трапезы, когда восседали за столом, прибыла стража, схватила патриарха и доставила его в крепость Халтой Арич. Из Армении доставили также его племянника по сестре по имени Хачик ¹⁵⁸ и заточили в крепости, которая зовется Сеав Кар ¹⁵⁹. И там они оставались до пасхи. А затем их вывели оттуда и доставили в Константинополь к императору. А еще ранее некий евнух, титул которого [давал ему власть] над половиной государства ¹⁶⁰, привел туда с собой старшего брата Хачика Ананию ¹⁶¹.

(пер. К. Н. Юзбашьян)
Текст воспроизведен по изданию: Повествование вардапета Аристакэса Ластиверци. М. 1968

© текст - Юзбашьян К. Н. 1968
© сетевая версия - Thietmar. 2002
© дизайн - Войтехович А. 2001

Комментарии

1. В первом издании пролог вынесен за пределы главы, заголовок же отнесен ко второй ее части, начинающейся: «После смерти Давита Куропалата... и т. д.» Содержание рукописей показывает, что заголовок «События в Армении» относится преимущественно к прологу, а не к тому разделу, где говорится о смерти Куропалата и прибытии императора Василия II в Тайк. См. предисловие к новому изданию, стр. 14—15.

2. Трудно сказать, что имеет в виду автор, говоря о втором изгнании. По-видимому, речь идет о тех, кто был вынужден отступать при неоднократных сельджукских вторжениях.

3. Метрическая основа пролога выявлена в основном Мануком Абегианом (Абегиан, *История древнеармянской литературы*, стр. 41—42).

4. Византийская табель о рангах («Клеторологий» Филофея) насчитывала 18 почетных титулов, обладатели которых имели соответствующие знаки отличия. Наиболее почетным был восемнадцатый титул — кесаря, куропалат занимал шестнадцатое место. С 588 г. этот титул жаловался грузинским правителям, с 635 г. — армянским. См. Скабланович, *Византийское государство и церковь*, стр. 151—152; Bury, *Administrative system*, pp. 33—35; Cyril Toumanoff, *Iberia between Chosroid and Bagratid Rule*, — в кн.: «Studies in Christian Caucasian history», Georgetown University Press, 1963, pp. 388—389.

5. Прославляя Давита, Аристокэс вторит своему литературному предшественнику Асолику; ср. Асолик, стр. 275, русск. пер., стр. 198—199. Ср.: *Картлис Цховреба*, стр. 274; Brosset, *Histoire de la Georgie*, p. 294.

6. Имеются в виду византийцы; до своего падения Византийская империя официально именовалась ромейской, т. е. римской. Арм. *Норам* подлинника — искаженное *Хромайеци*, которое в свою очередь является транскрипцией греч. *romaioi* 'римлянин'. Термин применялся для обозначения собственно римлян, латинян в широком смысле слова и византийцев, а также для обозначения принадлежности к грекоправославной церкви. Наряду с этим Византия и византийцы уже в памятниках V в. зовутся *йойн-к* 'греки' (НСАЯ, II, стр. 120). Аристокэс широко пользуется термином *йунац тун* 'страна греков'.

7. Имеется в виду византийский император Василий II Болгаробойца (976—1025).

8. В аршакидское время Армения делилась на 15 *ашхархов* или *нахангов* — административных округов, состоявших в свою очередь и в более мелких единиц — *гаваров*. Политическое деление Армении применительно к аршакидскому периоду зафиксировано в «Ашхархацойце» — армянской географии, которую приписывали Мовсэсу Хоренаци, позже Анании Ширакаци, а в настоящее время С. Т. Еремян считает ее сочинением неизвестного автора начала VII в. С упразднением династии армянских Аршакидов политико-административная система «Ашхархацойца» перестает соответствовать действительности: часть территорий, входивших в состав Великой Армении, оказывается вне пределов армянских государственных образований. Но эта система сохраняется в историческом аспекте. Этому аспекту следует в своем изложении и Аристокэс Ластивертци, поэтому при объяснении географических названий мы сочли возможным определять *гавары* по их принадлежности *нахангам-ашхархам* — так, как это отражено в «Ашхархацойце».

Позднее слово *гавар* наряду со своим основным значением передает такие понятия, как 'страна', 'область', 'провинция', 'фема' и др.

Екелеац — область в верховьях Евфрата, в прошлом — четвертый *гавар* Высокой Армении. См.: Адонц, *Армения*, стр. 46—49; Еремян, *Армения*, стр. 50.

9. *Азаты* (парф. *azat*, новоперс. *azad*) 'свободные'. Этим термином в широком смысле определялись представители всех привилегированных слоев феодальной Армении, свободных от налогового обложения, в том числе и высшая знать; ниже Аристокэс говорит о гибели 30 «знатнейших» *ааатов*. В то же время *аааты*, как и грузинские *азнаури*, — сословие средних феодалов, обязанных нести военную службу в коннице. Ср. Я. А. Манандян, *Феодализм в древней Армении*, Ереван, 1934, стр. 90—94 (на арм. яз.).

10. Тайк, груз. Тао — в древности четырнадцатый наханг Великой Армении. В IX—X вв. — самостоятельное княжество тайской ветви Багратидов. После смерти Давита Куропалата Василий II предпринял решительные попытки присоединить эту область к империи, но вскоре Тао — Тайк вошел в состав земель грузинских Багратидов. См. также главы II, III и IV «Повествования».

11. Область Алори определяется расположением крепости Хавачич, которая находилась близ нынешнего хребта Бингель, южнее Эрзерума. Согласно Аристакэсу, Василий II прибыл в Алори из области Екелеац. У Асолика же говорится, что император из Мелитины прошел через Хандзэт и Балу, достиг горы Копер и оттуда прибыл в Аршамуний, в город Еризай (Асолик, стр. 276, русск. пер., стр. 199—200). Упомянутый у Асолика город Еризай (Ерэз) в Аршамунике Аристакэс, по-видимому, принял за Еризай (Ерезаван, нынешний Эрзинджан) в Екелеаце (см.: Markwart, *Suedarmenien*, S. 472; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 194—196). Следует думать, что Василий вообще не был в Екелеаце, который лежал значительно севернее его маршрута.

12. Говоря о эрузах (русах), Аристакэс имеет в виду варяго-русскую дружину на византийской службе. См.: В. Г. Васильевский, *Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков*, — «Труды В. Г. Васильевского», т. I, СПб., 1908, стр. 200—203; Юзбашян, «*Варяги*» и «*прения*», стр. 18—19.

13. Согласно Асолику (Асолик, стр. 275, русск. пер., стр. 199), Давит Куропалат скончался в 449 г. армянского летосчисления (21 марта 1000 г.—20 марта 1001 г.), в день пасхи, которая приходилась на 31 марта. 1000 г. называет также Самуэл Анеци (Самуэл Анеци, стр. 104). Однако в «Матиане Картлисай», представляющей собой одну из составных частей грузинского летописного свода *Картлис Цховреба*, годом смерти Давита назван 1001 г. (*Картлис Цховреба*, стр. 271, 382; Brosset, *Histoire de la Georgie*). В научной литературе за год смерти Давита принимается соответственно как 1000, так и 1001 г. Между тем 1000 г. хорошо согласуется с описанием сопутствующих событий. Как сообщает весьма осведомленный Яхъя Антиохийский, в сентябре—декабре 999 г. Василий II с войсками осаждал сирийские города и крепости (Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 40—41 и прим. 277 на стр. 333—335). Сведения Асолика почти совпадают с изложением Яхьи: Василий пробыл в Сирии «от праздника Воздвижения Креста по день Богоявления Господня» (Асолик, стр. 274, русск. пер., стр. 197), то есть с 14 сентября по 6 января. В имеющемся у нас тексте Асолика против ожидаемого 448 *** г. армянского летосчисления значится, правда, 447 г. *** (22 марта 998—21 марта 999 г.). Но это, по-видимому, даже не ошибка автора, как полагал В. Р. Розен (Ровен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 334), а всего лишь описка переписчика: в армянской графике смешение *** и *** вполне вероятно. Василий II зимовал в Тарсе и, по подсчетам Яхьи, оставался там шесть месяцев. 31 марта 1000 г. умер Давит Куропалат. Получив это известие, Василий II поспешил в Тао (Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 41; Асолик, стр. 275, русск. пер., стр. 199), прибыв туда, как утверждает Аристакэс, в 25-й год своего царствования, т. е. в 1000 г.

14. Баграт III Багратид (980—1014).

15. Гургэн II Багратид (980—1008).

16. Магистр — высокий военный титул в Византии (по «Клеторологии» Филофея — четырнадцатый). См. Скабаланович, *Византийское государство и церковь*, стр. 153; Bury, *Administrative system*, pp. 29—33.

17. Харк — девятый *гавар* области Таврубера, северо-западнее оз. Ван. См. Еремян, *Армения*, стр. 62.

18. Маназкерт, греч. Манцикерт (ныне Мелазгирт), расположен севернее оз. Ван.

19. Багреванд — шестой *гавар* области Айрат, севернее оз. Ван, находился в нынешней долине Алашкерта.

20. Ухтеац (правильнее Ултеац, груз. Олти) — город в Тайке.

21. Как явствует из самого изложения, Аристахэс ошибается: Василий II вернулся в Константинополь в том же 1000 г. Правильно события описаны у Асолика.

22. Багат III умер в 1014 г., 464 же год армянской эры приходится на 18 марта 1015—17 марта 1016 г. Возможно, это описка: *** 464 вместо *** 463, которая укоренилась во всех известных рукописях «Повествования».

23. Георгий I Багатид (1014—1027).

ГЛАВА II

24. Гагик I Багратуни (990—1020).

25. Ашот III Багратуни (953—977).

26. Смбат II Багратуни (977—990).

27. Католикос Саргис Севанский (992—1019). По его повелению Асолик написал свою «Всемирную историю».

28. Григорий Просветитель, при котором христианство в Армении было признано государственной религией.

29. Эти лица упомянуты только в данном сочинении. В первом издании, стр. 6, не «Тиранун», а «Тиран анун».

30. О Самуэле Камрджадзорском см. Ачарян, *Словарь личных имен*, IV, стр. 383, § 22. Камрджадзорский монастырь находился в области Аршаруник, на левом берегу Аракса, севернее Кагзвана.

31. Монастырь Хндзуц называется также Кармир Ванк ('Красный монастырь'), находился в области Карин.

32. Степаннос Таронаци, по прозванию Асолик или Асолник; Аристахэс пользовался не дошедшей до нас полной редакцией его сочинения. См. вступительную статью, стр. 41—42.

33. Йовханнэс Козерн ('Верблюжонок') — известный *вардапет*. С его именем связаны апокрифические предсказания, включенные впоследствии в Хронографию Матфея Эдесского. Как и Асолик, он происходил из Тарона. См.: Н. Я. Марр, *Сказание о католикосе Петре и ученом Иоанне Козерне*, СПб., 1895; Ачарян, *Словарь личных имен*, III, стр. 566—567, § 136,

34. Соотнести эту фразу с известным историческим лицом не удалось; ср. Ачарян, *Словарь личных имен*, I, стр. 453, § 118.

35. Йовханнэс-Смбат правил в 1020—1041 гг. Prud'homme (р. 17, п. 2) утверждает, что именем Йовханнэса-Смбата назван судебник, вывезенный армянами из Ани в Польшу и переведенный на латинский язык по повелению короля Сигизмунда I. Имеется в виду судебник Мхитара Гоша (1184 г.), латинский перевод которого был признан действующим правом в армянских колониях Польши. В предисловии действительно упоминается армянский царь Йовханнэс Багратуни, но вне связи с судебником. См. «Армянский судебник Мхитара Гоша», юридическое исследование с прим. В. Бастамянца, Вагаршапат, 1880, стр. 18 и сл. (на арм. яз.).

36. Ашот IV правил в 1020—1041 гг.

37. В багратидское время *ишхан* служил общим термином для обозначения представителя феодальной знати.

38. Согласно Асолику, Шатик находился в Чакатке — одиннадцатом *гаваре* области Айратат. Эта крепость входила в состав владений карсской ветви Багратидов. Смбат II отнял ее у своего двоюродного брата Мушела, тот обратился за помощью к Давиту Куропалату. Войска Давита прибыли в Ширак, Смбат вынужден был вернуть крепость, после чего мир был восстановлен (Асолик, стр. 187—188, русск. пер., стр. 130—131). При Йовханнэсе-Смбате история повторилась: анийский царь занял крепость, принадлежавшую, по-видимому, вассалу карсского царя, и Георгий I, последовательно выступающий в качестве наследника Давита Куропалата, не преминул вмешаться в конфликт.

39. В подлиннике (стр. 28.5-6): *** 'вотчина', которая могла свободно отчуждаться.

40. В подлиннике (стр. 28.9-10) *мардахарк*.

41. Феодосиополь — арм. Карин, или Карной калак, араб. Кали-кала, ныне Эрзерум. Древний армянский город Карин был отстроен и укреплен императором Феодосием II (408—450), соответственно и переименован. Представлял собой военный и административный центр Византийской Армении, оплот византийского владычества в Закавказье.

42. Известный Петрос Гетадардз 'обративший реку'. Принимал живое участие в политической жизни страны; одно из главных действующих лиц в передаче Анийского царства Византии. Умер в 1058 г. См.: К. Костанянц, *Владыка Петрос I Гетадардз*, Вагаршапат, 1897 (на арм. яз.); Ачарян, *Словарь личных имен*, IV, стр. 244—245, § 18.

43. Об этом походе см. также *Кармлис Цховреба*, стр. 284—285 Brosset, *Histoire de la Georgie*, pp. 306—307.

44. Валаршакерт (назывался также Валаршаван и Басеан) — город на берегу Аракса, западнее Карина (на мевте нынешнего Асанкала).

45. Басеан — четвертый *гавар* области Айратат, в верховьях реки Араке.

46. Ныне Угуми, к северо-востоку от Асан-кала. У Скилицы (Cedr., II, pp. 580.3-4, 590.10): to legomenon Kastrokwmion и tou legomenou Kwmiu. Brosset, *Additions et eclaircissements*, p. 255, n. 2; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 161—182.

47. В подлиннике (стр. 29.4): ***. *Гюл*, древняя форма *гевл* — наиболее общий термин для обозначения деревни, села, *агорак* же (применительно к периоду развитого феодализма) передает такие понятия, как пашня, сельскохозяйственное имение, деревня, хутор (см. НСАЯ, I, стр. 3). В данном контексте имеются в виду, вероятно, деревни и хутора.

48. Византийская фема Халдия, с центром в Трапезунте. См. Honigmann, *Ostgrenze*, S. 53—54.

49. Вананд — девятый *гавар* области Айрарат, с центром в Карсе.

50. В первом издании (стр. 9): ***. Правильное чтение установил уже М. Броссе, но он полагал, что Порак и Вананд обозначают одну и ту же местность (Brosset, *Additions et éclaircissements*, p. 212, n. 1). В действительности Кармир Порак 'Красное ущелье' — гора Кызыл-гадук, западнее Карса. См. Еремян, *Армения*, стр. 58.

51. Это озеро расположено в Вананде; в грузинских источниках озеро зовется Цели, ныне Чалдыр. Название «Палакапис» С. Т. Еремян связывает с «Пайлакацик» — одним из армянских наименований павликиан. См. Еремян, *Армения*, стр. 87.

52. Эрат — сын Липарита из крупного грузинского феодального рода Орбелианов, OratioV о LiparithV Скилицы (Cedr., II, p. 572.10); у него же (p. 478.7) также следует читать [OratiV о] LiparithV. Скилица датирует его смерть 11 сентября VI индикта 6531 г., что соответствует 11 сентября 1022 г. после восстания Никифора Фоки (см. главу III «Повествования»). Между тем Эрат погиб во время первого похода Василия II против Георгия I, т. е. в 1021 г., до расположения на зимовку в долине Понта.

53. *Понтос цов* 'Черное море'. Звонкое «д» в названии «Пондос» отражает особенности западноармянского произношения. Трудно сказать, принадлежит ли подобное оформление названия Аристакэсу или позднему переписчику; см. разночтения на стр. 31.19 и 32.18-19 нового издания (во втором случае в разночтения вкралась опечатка, следует читать: DGIL ***).

54. Легенда, связанная с этим эпизодом, обрастала новыми подробностями: во время молитвы Петроса вода якобы повернула вспять, за что Петрос и стал называться впоследствии Гетадардз. См. цитированную выше работу: Н. Я. Марр, *Сказание о католикосе Петре*.

55. В первом издании (стр. 12) имя Еркат опущено. Согласно Скилице (Cedr., II, p. 498.9-11), Йовханнэс-Смбат был женат на племяннице императора Романа Аргира (1028—1034); события же, описанные в этой главе, имели место в 1021—1022 гг. Речь идет, по-видимому, о сыне от более раннего брака (ср. Prud'homme, p. 28, n. 1).

56. Монастырь был основан в X в. в Шираке армянскими монахами, покинувшими пределы Византии из-за вероисповедных разногласий.

ГЛАВА III

57. Имеется в виду Никифор — сын известного Варды Фоки, участвовавшего в его мятеже. Последние месяцы провел в Тайке, куда был послан для набора войск. После битвы при Абидосе (13 апреля 989 г.), где пал его отец, Никифор примкнул к Варде Склиру, который в то время был союзником Варды Фоки. Склир вскоре помирился с Василием II, получил сан куропалата, прочие участники восстания, в том числе и Никифор, сохранили свои привилегии. Поэтому фраза Аристакэса: «за отцовские

прегрешении с давнего времени лишен был сана», не соответствует действительности. См. N. Adontz et H. Gregoire, *Nicephore au col roide*, — «Byzantion», VIII, 1933, 1. В этой статье приводятся образцы фольклора, сохранившего отголоски восстания Никифора. Так, в одной песне говорится: Oude ton Barnan joboumai, oude ton Nkejoron oude ton barutrachlon . . .

На этом основании Н. Адонц высказал предположение, что исходной для прозвища Никифора формой была не *цравиз* 'имеющий кривую шею', а *цанрвиз* 'имеющий тяжелую шею' (аналогично *barutrachloV*).

По его мнению, чтение Картлис Цховреба (см. стр. 285, Brosset, *Histoire de la Georgie*, p. 307) — Царвиз правильное (***), в то время как *** является результатом народной этимологии.

Г. Берберян, однако, обратил внимание на то, что прозвище Никифора (в форме Црвиз) встречается у Матфея Эдесского и Смбата. Незачем искать полный эквивалент греч. *barutrachloV*, телесный недостаток Никифора армяне и греки могли выражать различным способом (Н. Berberian, *Nicephore au cou tors*, — «Byzantion», VIII, 1933, 2). По-видимому, среди армян Никифор был известен под тем прозвищем, которое сохранили Аристокэс и другие авторы, грузинское же чтение явилось результатом метатезы при передаче армянской формы. У Яхьи Антиохийского — *** (Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 40; русск. пер., стр. 63). Поэтому Н. Адонц и отказался впоследствии от своего толкования; см. N. Adontz, *Tornik le Moine*, — «Byzantion», XШ, 1938, 1, p. 151, n. 1.

58. Маздат — крепость между Карином и Басеаном, где-то южнее Аракса, Mastaton Константина Порфирородного. .См. Honigmann, *Ostgrenze*, S. 164.

59. Восстание Варды Склира (Сикларос Аристокэса) началось в 976 г., когда солдаты провозгласили его императором. 24 марта 979 г. в битве при Панкалии Варда Фока победил Склира в поединке, и тот бежал в Багдад. См. Schlumberger, *L'epoque byzantine*, I, p. 355 sq.

60. Варда Фока был провозглашен императором в Харсиане 15 августа 987 г., а 13 апреля 989 г. убит в битве при Абидосе. Восстание длилось 20 месяцев, а не семь лет, как утверждает Аристокэс. См. Schlumberger, *L'epoque byzantine*, I, p. 744.

61. Сенекерим Арцруни переселился в Византию в 1021 г. См. Агаджанов — Юзбашян, *К истории тюркских набегов*. Ср. В. К. Исканян, *О переселении Арцрунидов*,—ИФЖ, 1965, 3 (на арм. яз.).

62. В действительности Никифора убил не Сенекерим Арцруни (который в заговоре не участвовал), а его сын Давит. Осведомленный об участии в движении Давита, Аристокэс принял его за бывшего васпураканского царя, а чтобы устранить противоречие, наделил Сенекерима вторым именем. Согласно сведениям Матфея Эдесского, Никифор старался привлечь на свою сторону как Георгия I, так и сыновей Гагика — Иовханнэса-Смбата и Ашота IV. См. Маттэос Урхайеци, стр. 51.

63. Перс, сын Джоджика принадлежал к одному из наиболее знатных феодальных родов Тайка. В 998 г. участвовал в войне Давита Куропалата против эмира Мамлана (Асолик, стр. 270, русск. пер., стр. 194). В 1000 г. вместе с братом Февдатом и Бакурианом был уведен в Византию в качестве заложника, получив сан патрикия (Cedr., II, pp. 447—448). В *Картлис Цховреба* (стр. 287; Brosset, *Histoire de la Georgie*, p. 308, n. 1) говорится, что среди казненных сторонников Ксифия был Периз, сын

Джоджика; Скилица утверждает, что к смертной казни был присужден только Ферс, остальных постигла менее тяжелая кара (Cedr., II, p. 478). Подробности смерти Перса сохранились только в сочинении Аристокеса. М. Броссе (*Histoire de la Georgie*, p. 308, n. 1) неправ, утверждая, что стратиг Доростола Джоджик — отец Перса. Скилица говорит о tou strathgountoV en tw Dorostolw TZitZikiou, tou uiou tou patrikiou Qeudath tou IberoV (Cedr., II, p. 465.16-17). Февдат же — брат Перса, уведенный вместе с ним в Константинополь в 1000 г. в качестве заложника (Cedr., II, p. 447). Сын Февдата и племянник Перса назван по имени деда — этот обычай был распространен в среде армянской и грузинской знати. В тексте Маттэоса Урхайеци ошибочно *** вместо *** (стр. 35).

64. Согласно Алишану (Алишан, *Айрапат*, Венеция, 1890, стр. 16, § 36, на арм. яз. и карта), Салкорай находилась на берегу Аракса, ниже Саркюли-Дага, севернее Делибаба. См. Honigmann, *Ostgrenze*, S. 163, B. 2.

65. Халтой Арич — то же, что и Халтой Дзор, — ущелье в среднем течении Чороха (Еремян, *Армения*, стр. 55). Это одна из областей, уступленных Давиту Куропалату во время восстания Варды Склира.

ГЛАВА IV

66 Шлпай — то же, что и Ширимк ('усыпальницы') армянской версии *Картлис Цховреба* (Абуладзе, *Древнеармянский перевод*, стр. 222.11). Ширимк находился в *гаваре* Аршаруник, здесь карсский царь Абас (984—989) основал обитель (Асолик, стр. 197, русск. пер., стр. 139). В грузинском тексте *Картлис Цховреба* — Ширимни (стр. 284;

Brosset, *Histoire de la Georgie*, p. 306).

67 *Дастакерт* — деревня, поле, сельскохозяйственное угодье, усадьба. В данном контексте речь идет, по-видимому, о сельских угодьях. Четкую характеристику этого термина в древности (кроме общего значения слова *дастакерт*—'созданный', 'сотворенный рукой', 'рукотворный') см. Г. Х. Саркисян, *О путях социально-экономического развития древней Армении*, Ереван, 1961, стр. 17—34 (на арм. яз. с русск. резюме).

68. О Закарии говорилось в главе II; к нему, возможно, относится фраза Скилицы о том, что Константин VIII вырвал язык у монаха Захарии, родственника Февдата, который подстрекал к восстанию ряд лиц из знати (Cedr., II, p. 483.15-17).

69. Имеется в виду Георгий I, который был царем Картли и Апхазии.

70. Дахекан — золотая или серебряная монета, в данном случае, по-видимому, номисма.

71. Хер — девятый *гавар* Парскахайка (Персармении) вокруг города Хера (ныне Хой, севернее оз. Урмия). Вместе с *гаваром* Зареванд одно время составлял единую область — Роткац *гавар* (Еремян, *Армения*, стр. 63). Говоря ниже о «Персии», Аристокес имеет в виду Персармению.

72. Имеется в виду Васпуракан, в котором до 1021 г. правила династия Арцруни.

73. Сын Георгия I Баграт, взятый заложником; ему был пожалован титул магистра (Cedr., II, p. 478).

ГЛАВА V

74. Речь идет об императоре Константине VIII (1025—1028).

75. Никифор Комнин, архонт «Мидии и Аспракании», а также прилежащих областей (Cedr., II, pp. 481—482).

76. Город на северном берегу оз. Ван.

77. В первом издании (стр. 22): ***. Удачная конъектура— *** 'некто Никита'— предложена Н. Адонцем в статье «Notes armeno-byzantines» («Byzantion», X, 1935, 1, p. 180, n. 1). Это Никита из Писидии, назначенный дуком Иберии. Скилица убежден, что во времена Константина VIII международный престиж Византии пал, поэтому к действиям Никиты и других чиновников Константина он относится резко отрицательно (Cedr., II, pp. 480—481).

78. В подлиннике: *** (стр. 41.21). *Аван* — 'город', 'городок', 'деревня', 'пригород' (НСАЯ, I, стр. 389). О *гюле* см. прим. 24 к главе II. В данном контексте *гюл* и *аван*, по-видимому, синонимы.

79. О деятельности Симеона при Константине и Романе Аргире см.: Cedr., II, pp. 480.22-23, 495; Prud'homme, p. 41, n. 1.

80. Армянская форма греч. *parakoimomenoV* 'постельничий'. Придворная должность главного постельничего, которую занимали обычно евнухи. См.: Скабаланович, *Византийское государство и церковь*, стр. 173; Вугу, *Administrative system*, pp. 124—125.

ГЛАВА VI

81. Император Роман III Аргир (1028—1034).

82. У Константина VIII были три дочери — Евдокия, постриженная в монахини, Зоя и Феодора (Cedr., II, p. 485).

83. Араб. Халаб, греч. *Caler*, *Verroia*, соврем. Алеппо.

84. Сеав Леарн ('Черная гора') — гора Аман, ныне Нур-Даг, расположенная севернее Антиохии. Здесь было множество сирийских, греческих, армянских, грузинских монастырей.

85. Согласно сведениям Скилицы (Cedr., II, pp. 486—487), Роман Аргир щедро одаривал византийскую церковь, чем и обусловлен раздраженный тон противника халкидонитства Аристакеаса.

86. Роман Аргир выступил против Алеппо летом 1030 г. Подробности похода сохранились у многих авторов — Скилицы (Cedr., II, pp. 490—494), Матфея Эдесского (Маттэос Урхайеци, стр. 57—58; франц. пер., стр. 45—46), Ибн ал-Асира, Кемаладдина (см. Розен, *Император Василий Болгаробойца*, прим. 272, стр. 312—333), Nonigmann, *Ostgrenze*, S. 110—112. У Кемаладдина в числе окружавших Романа отрядов упомянуты армянские и грузинские (Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 317—318), армяне находятся близ императора в день его поражения 10 августа 1030 г. (там же, стр. 319).

ГЛАВА VII

87. Урхай (армянская транскрипция сирийского Урхай) — Эдесса.

88. Скилица (Cedr., II, p. 5002o_2i) считает его турком, следовательно, Саламай — армянская транскрипция имени Сулейман. См.: Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 389, прим. 430; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 134—135.

89. Георгий Маниак, сын Гуделия Маниака, — выдающийся византийский военачальник (см. Успенский, *История византийской империи*, III, стр. 35 и ел.). Маниак был стратигом приевфратских городов, имея резиденцию в Самосате (Cedr., II, p. 500.17-19)"

90. Имеется в виду Самосата, на берегу Евфрата.

91. В подлиннике (стр. 44.24): *** — обычное обозначение императорской золотопечатной грамоты, хрисовула.

92. Титул анфипат часто прилагался к патрикию (тринадцатому титулу по «Клеторологии» Филофея). См.: Скабаланович, *Византийское государство и церковь*, стр. 154—155, Bury, *Administrative system*, pp. 27—29.

93. Эдесса была взята в 1031 г. См.: Cedr., II, pp. 500—501; Маттэос Урхайеци, стр. 58—62; франц. пер., стр. 46—50; Розен, *Император Василий Болгаробойца*, стр. 387, прим. 429, и стр. 389, прим. 430; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 134—135;

94. Эдесса была занята сельджуками в 1087 г.

ГЛАВА VIII

95. Раздавал синклитикам ругу (Cedr., II, p. 505.10-11).

96. Роман Аргир пал жертвой заговора своей супруги Зои. Те же подробности убийства сообщает Скилица (Cedr., II, p. 505).

97. В действительности Роман правил пять лет и шесть месяцев — с ноября 1028 г. по апрель 1034 г. (Cedr., II, pp. 484, 505).

ГЛАВА IX

98. Император Михаил IV Пафлагон (1031—1041).

99. Михаил Пафлагон был менялой и занимался подделкой монет, уверяют византийские авторы (Cedr., II, p. 504, 17-18).

100. Известны братья Михаил, Никита, Константин, Георгий и Иоанн и сестра Мария (мать будущего императора Михаила V Калафата).

101. В тексте: ****, Арм. хог (собств. хог-к) означает 'забота', 'попечение' и уже в древнейших памятниках употребляется при передаче таких понятий, как попечение, забота о стране или области. В данном контексте арм. хог-к соответствует византийскому административному термину проποία. С IX—X вв. прения означает управление фемой, императорским доменом, областью или страной. Прония Болгарии

была вверена, по-видимому, Константину Пафлагону, крупному военачальнику, бывшему весьма влиятельной фигурой. В 1034 г. Константину досталось имущество репрессированных сторонников византийского вельможи Константина Далассина, возглавившего заговор против Пафлагонов. В 1036 г. только помощь Константина Пафлагона спасла Эдессу от арабов. В 1040 г. Константин раскрыл заговор против себя. После воцарения Михаила V он был сослан в свои владения, но вскоре возвращен с пожалованием титула новелиссима. Константину, очевидно, был присвоен титул проноита, *pronoithV* — обычный для правителя Болгарии. См. Юзбашян, «*Варяги*» и «*прония*», стр. 21—24.

102. *Демесликос* — армянская форма греко-византийского титула domestika.

103. Тачкастан — Сирия, захваченная арабами, которые в армянских источниках зовутся *тачиками*.

104. Речь идет о Никите, назначенном дукон Антиохии вскоре после воцарения Михаила Пафлагона (Седг., II, р. 510). В XI в. понятия «дук» и «проноит» часто равнозначны. Никите была вверена *прония* Сирии. См. Юзбашян, «*Варяги*» и «*прения*», стр. 21—24.

105. Третий брат — известный Иоанн Орфанотроф, всесильный временщик, который и до воцарения Михаила IV пользовался большим влиянием при дворе (Седг., р. 504.9-11). Скромный чин *орфанотрофа* ('попечитель сирот', в армянской передаче *ортанорос*) никоим образом не характеризует его роль в политической жизни — он явился главным действующим лицом в убийстве Романа, весьма способствовал приходу к власти Михаила и при своем брате-императоре вел все государственные дела (Седг., II, р. 510.3-5).

Из «Повествования» Аристокэса явствует, что Иоанну был пожалован сан синкяитика (***, в разночтениях ***), т. е. сенатора. Prud'homme (р. 49, п. 2) неверно перевел это место; если верить французскому переводу, Иоанн был назначен синкеллом. В действительности, арм. *синклитос* может означать либо синклит («сенат»), либо синклитик («сенатор»), в последнем случае как стяженная форма *синклити* < *ик* > *ос*.

Говоря о том, что Иоанну Орфанотрофу была поручена «прония дворца», Аристокэс имел в виду его назначение куратором Манган — крупного дворцового хозяйственного комплекса со своим ведомством. Полномочия кураторов Манган выходили далеко за пределы управления этим комплексом. Прония Манган была связана с какими-то документами, *** армянского текста (стр. 47.9). Сопоставление некоторых данных из Скилицы и Зонары с соответствующим текстом Аристокэса позволяет думать, что эти *правун-к* были своего рода иммунитетными грамотами. Более подробно см. Юзбашян, «*Варяги*» и «*прония*», стр. 24—28.

106. Василий Кесарийский?

107. *Бердакалак* — крепость-город, калька с греч. *kastropoliV*.

108. Беркри находился северо-восточное оз. Ван в Васпуракане; Скилица (Седг., II, р. 502.15-16) располагает его близ Вавилона, т. е. Багдада !

109. В подлиннике (стр. 48.5) — *гаварапет*.

110. Prud'homme (p. 50, n. 5) отождествляет этого Константина Кавасилу с Николаем Кавасилой (?) или Николаем Болгаром, по прозвищу Хрисилий. Ниже (прим. 15) показано, что это разные лица. Французский переводчик утверждает далее, что Кавасила сменил Михаила Иасита в управлении Васпураканом. Между тем Иасит был правителем Иверии, затем Ани, но к Васпуракану не имел никакого отношения.

111. Арцак — то же, что и Арцкэ, — город на северном берегу оз. Ван. См.: Prud'homme, p. 50, n. 6; Еремян, *Армения*, стр. 39.

112. Захват Беркри Кавасилой датируется 425 г. хиджры (26 ноября 1033—15 ноября 1034 г.). Город принадлежал Абу'л Хайджа ибн-Рабиб ад-Дауле, племяннику [азербайджанского эмира Вахсудана ибн-Мамлана (см. Honigmann, *Ostgrenze*, S. 171—172, со ссылкой на Ибн ал-Асира). О Кавасиле не упоминают ни Матфей Эдесский, ни Скилица. Первый из них 485 г. армянского летосчисления (12 марта 1036—11 марта 1037 г.) датирует захват Беркри армянским ишханом Гандзи, который командовал армянскими войсками. Далее говорится об умелой уловке эмира Хтрика, о гибели «великого *ишхана* армянского» Гандзи и о смене его Тачатом (Маттэос, Урхайеци, стр. 74—75; франц. пер., стр. 60—61). В изложении же Скилицы владетель крепости Беркри Алим (A^helr.) сдал город ромеям в надежде получить сан патрикия. Сын этого Алима направился к императору. В это время крепость занял патрикий Николай Болгар, по прозвищу Хрисилий Хриа^hХю;. Сын Алима, однако, вернулся ни с чем. После этого благодаря хитрой своей уловке и беспечности Хрисилия Алим сумел перебить шесть тысяч ромеев. Вслед за этим к крепости подошел патрикий Никита Пигонит, который с помощью варяго-русской дружины и других отрядов захватил крепость; Алим и его сын погибли во время осады (Cedr., П, pp. 502—503). Сопоставление этих двух рассказов наводит на мысль о тождественности Гандзи и Хрисилия. Подтверждают это и их имена. Действительно, арм. Гандзи происходит от гандз 'сокровище' (Ачарян, *Словарь личных имен*, I, стр. 446, § 1). Очевидна также связь имени «Хрисилий» с греч. *crisoV* 'золото'. Эти имена отождествляются без натяжки. Что же касается национальной принадлежности Гандзи — Хрисилия, то можно допустить, что это был армянин из Болгарии: факт наличия в Болгарии значительной массы армян общеизвестен.

113. То есть в 1035 г., поскольку описанные выше события имели место в 1034 г., по-видимому, летом, когда обычно происходили военные действия.

114. Шестой месяц *арац* падает на 10 августа — 8 октября 1033 г.; Михаил IV взшел на престол 11 апреля 1034 г. Таким образом, Аристокэс ошибается, приурочивая затмение солнца к его царствованию, но самое явление датирует приблизительно верно. Согласно астрономическим таблицам, 29 июня 1033 г. действительно наблюдалось солнечное затмение. См. Dulaurier, *Recherches*, p. 288; Prud'homme, p. 54, n. 4, у которых сопоставлены также датировки других армянских авторов.

115. Имеется в виду, по-видимому, «Церковная история» Евсевия Кесарийского, которая была переведена на армянский язык уже в V в. и пользовалась большой популярностью и безусловным авторитетом. Против ожидания попытка отождествить данный эпизод с изложением Евсевия оказалась безуспешной.

116. Высший титул в Византии, который жаловался, как правило, лицам, либо принадлежавшим, либо причисленным к императорской фамилии. См.: Скабаланович, *Византийское государство и церковь*, стр. 149—151; Bury, *Administrative system*, p. 36.

117. Точно такая же продолжительность царствования устанавливается и Скилицей (Cedr., II, p. 534.2).

118. Имеется в виду племянник Михаила Пафлагона по сестре — Михаил V Калафат.

119. Феодора — сестра Зои, дочь Константина VIII; в течение всего предшествующего периода она была далека от государственных дел.

120. Дядя Михаила Калафата, Константин, был одним из ярых противников Зои (Cedr., II, p. 535).

121. Правление Михаила V продолжалось, согласно Скилице (Cedr., II, p. 540), четыре месяца и пять дней — до 21 апреля 1042 г., когда он был ослеплен вместе со своим дядей Константином.

ГЛАВА X

122. Император Константин IX Мономах (1042—1055).

123. В подлиннике (стр. 5135): **, в разночтениях: ***. Данный контекст — единственное в армянской литературе место, где упомянуто это слово. Контекст же подсказывает его значение — должность верховного судьи, верховная судебная власть и т. п. Prud'homme (p. 55) переводит "le titre de chef de la justice" и считает, что это армянская транскрипция с аферезисом греч. dikaiosunh 'правосудие'. Если это допущение верно, тогда первоначальная форма термина восстанавливается как *** с закономерным озвончением каппы.

Аристокэс — единственный автор, сохранивший сведения об отце Мономаха, его имя и должность. Впрочем, не распространяет ли он на отца сведения, относящиеся к сыну? Скилица сообщает, что до своего воцарения Константин Мономах был судьей в Элладе: dikasthn ellhnwn proceirisato (Cedr., II, p. 542.8).

124. Канонические правила запрещали третий брак, а Константин Мономах был четвертым мужем Зои. Ср. Prud'homme, p. 56, n. 2.

125. В подлиннике (стр. 52.13): ***. Отцом Георгия Маниака был Гуделий Маниак, и Prud'homme (p. 56, n. 4) предлагает дополнить фразу: *** 'Манеак, сын Манеака'. Эта поправка учтена в настоящем переводе.

126. Маниак был послан в Италию с полномочиями стратига-автократора (Cedr., II, p. 541.16-17).

127. О восстании Маниака см. Успенский, *История византийской империи*, III, стр. 38—40.

128. 11 марта 1041—10 марта 1042 г. Аристокэс ошибается: Константин Мономах начал править в июне 1042 г.

129. Ашот и Йовханнэс-Смбат умерли в 1041 г.

130. В первом издании: ***. Правильное чтение сохранилось в пометках одной лишь рукописи XVIII в., независимо от которой это чтение восстановлено в «Толковом

словаре армянского языка» Ст. Малхасянца, IV, стр. 443. 'Лукохвостка' — буквальный перевод сложного слова, состоящего из *** 'хвост' и *** 'лук'. Отождествить с известным видом птиц не удастся. В переводе Prud'homme (р. 59) 'аист'.

131. Константин VIII.

132. Михаил IV Пафлагон.

133. В литературе встречаются указания на то, что первый поход византийцев был осуществлен в 1039 г. (см.: J. Laurent, *Byzance et les Tares Seldjoucides dans l'Asie Occidentale jusqu'en 1081*, Nancy — Paris — Strassbourg, 1914 (1919), p. 19, п. 6; Cahen, *Premiere penetration*, p. 14). Это неверно: поход был предпринят после смерти Йовханнэса-Смбата, умершего в 1041 г. 10 декабря того же года умер упомянутый здесь Михаил IV. Таким образом, попытки захватить Ани начались уже в 1041 г. См. также Маттэос Урхайеци, стр. 84—86; франц. пер., стр. 69—70.

Пространный рассказ о захвате Ани византийцами имеется у Скилицы (Cedr., II, pp. 556—559). Скилица не всегда точен в деталях: начало византийского нападения он датирует временем Константина Мономаха, Гагика II считает сыном Йовханнэса-Смбата (а не Ашота IV, как это было на самом деле) и др.

134. Саргис Хайказн — глава провизантийской группировки в Армении, имел титул веста, анфипата-патрикия, был дуком Востока.

135. Ширак — восьмой *гавар* области Айрарат; здесь была столица Багратидов — Ани. Политические границы Ширакского царства значительно шире *гавара*.

136. В XI в. Пахлавуни представляли крупнейший феодальный род, к которому принадлежали Вахрам — ярый противник византийской ориентации и Григор Магистр, с последним был связан свойством Саргис Хайказн.

137. Гагик II воцарился в 490 г. армянского летосчисления (11 марта 1041—10 марта 1042 г.), как это явствует из оставленной им надписи в Мрэне. См. К. Констанянц, *Летопись на камнях*, СПб., 1913, стр. 22 (на арм. яз.). Та же дата у Матфея Эдесского (стр. 86, франц. пер., р. 70).

138. Сурмари *** — крепость св. Марии, находилась в *гаваре* Чакатк. См. Prnd'homme, p. 61, п. 4; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 176.

139. Во французском переводе (стр. 62) говорится почему-то о трех вторжениях.

140. Армянское название Венеры.

141. Речь идет о конном войске, состоявшем из азатов-рыцарей. Ср. прим. 9 к главе I. В данном контексте «сепухский» — синоним «благородного».

142. Имеется в виду передача завещания, составленного Йовханнэсом-Смбатом при Василии II, Михаилу Пафлагону через посредство Кюракоса. См. стр. 80 текста.

143. 10 марта 1045—9 марта 1046 г. У Скилицы (Cedr., II, p. 556.16) назван XIII индикт, который падает на 1 сентября 1044 — 31 августа 1045 г. Таким образом, Ани окончательно был занят византийцами летом 1045 г.

144. В первом издании (стр. 41) *** безусловно предпочтительнее.

145. В подлиннике (стр. 62.3-4) ***. см. прим. 101 к главе IX.

146. Мелитина, ныне Малатья, — город в Анатолии. Как в древности, так и в средние века и в новое время обширные территории Малой Азии были густо заселены армянами (см. Адонц, *Армения*, глава IV, *Малая Армения*).

147. Известный магистр Григор Пахлавунни, политический и военный деятель, ученый-энциклопедист. Тесно связал свою судьбу с политикой Византии на Востоке. См. Р. М. Бартикян, *Ответное послание Григория Магистра Пахлавунни сирийскому католикосу*, — ПС, 7 (70), 1962); там же и литература.

148. Замок Бджни — родовое имение Григора Магистра; находится к северу от Еревана.

149. В подлиннике (стр. 62.15-18): *** В, Н. Венешевич и Р. М. Бартикян обращают внимание на то обстоятельство, что Григор Магистр умер в 1058 г., а уже в 1059 г. во главе фемы Месопотамии находился Ахарон; таким образом, они отмечают, что права Григория Магистра на наследственное отправление должности лука были сразу же нарушены. См.: Венешевич, *Три анийские надписи*, стр. 8—9; Бартикян, *Завещание Евстафия Воилы*, стр. 394, прим. 7. Между тем у Аристокэса говорится о наследственных правах не на должность дука, а на владение пожалованными городами и селами в пределах «Месопотамии». Периодическая смена стратиггов, дуков, катепанов и пр. является характерной чертой фемной организации в Византии.

150. В подлиннике (стр. 62.19): ***; Это или сходное выражение не раз встречается в «Повествовании». Вдова эдесского эмира опасалась, что городская знать *** не признает ее фаворита Сулеймана (глава VII, стр. 72). Зоя приглашает к себе константинопольскую знать *** и объявляет о смерти Романа Аргири (глава IX, стр. 74). Феодора посвящает городскую знать в замыслы Михаила Калафата (там же, стр. 77). Городское начальство *** подавляет возмущение городского плебса (там же, стр. 78). Та же Феодора, уже императрица, призывает главарей города и наиболее знатных вельмож — *** — Выступить против сельджуков (глава XVIII, стр. 107—108). Константинопольская знать *** просит императрицу назначить себе преемника (там же, стр. 109). Таким образом, во всех рассмотренных случаях термин *гхаворк калаки* служит для обозначения знати таких городов, как Константинополь, Эдесса, Ани, то есть соотносимых по своей величине и значению. По-видимому, *гхаворк калаки* — термин, которым обозначался анийский патрициат. Перенос его на эдесскую или константинопольскую знать, Аристокэс следует свойственной ему манере, которая наиболее ярко проявилась в «вольном» обращении со специфически армянским термином *ишхан*: *ишханов* он находит повсеместно далеко за пределами Армении.

По мнению Б. Н. Аракеяна, термин *гхаворк калаки* означает «совет старейшин», бывший в XI—XIII вв. органом городского самоуправления. Он считает, что борьба за самоуправление захватила многие крупные города Армении — Арцн, Ани, Карс. См. Б. Н. Аракеян, *Городская администрация и самоуправление в средневековой Армении*, — ИФЖ, 1961, № 3—4, (на арм. яз.).

151. В подлиннике (стр. 62.19-22): ***. Так и в первом издании. В разночтениях: ... ***; то есть анийская городская знать собиралась либо Давиту сдать город, либо Двинскому, поскольку сестра Давида была его женою, либо Багарату царю Апхазскому. Таким образом, первое чтение предполагает двух возможных владельцев Ани — Давита Двинского и Багарата Абхазского, второе чтение — трех: Давита, его зятя

Двинского и Багарата Апхазского. Prud'homme (pp. 68—69) следует второму чтению и полагает, что Аристокэс имеет в виду: а) Ташир-Дзорагетского царя Давида I Безземельного, б) двинского эмира Абу'л-Асвара и в) грузинского царя Баграта IV. Подобное толкование было предложено еще М. Чамчяном [*История Армении*, т. II, Венеция, 1784, стр. 932—933 (на арм. яз.)]; оно широко распространено в литературе; см., например: Grousset, *Histoire d'Arménie*, Paris, 1947, p. 578; Манандян, *Критический обзор*, III, стр. 23; Minorsky, *Studies in Caucasian history*, p. 53.

Давид Безземельный, Давит Анхолин (989—1048) —сын Гургэна, внук царя Ашота III Милостивого. Приобщил к своим владениям значительные территории на севере Армении — юге Грузии, которые впоследствии утратил. В союзе с соседними династиями воевал против Абу'л-Асвара. После смерти Йовханнэса-Смбата безуспешно пытался захватить Ани. См. о нем.: L. Movsesian, *Les rois Kurikian de Lori*, — REA, VII, 1927, 2.

Абу'л-Асвар — эмир из курдской династии Шеддаидов. С 1022 по 1049 г. правил в Двине, затем в Гандже (1049—1067). Воевал против Давида Безземельного, но потерпел поражение. Константин Мономах, подготавливая захват Ани, стремился заручиться поддержкой Абу'л-Асвара, но очень скоро Абу'л-Асвар оказался вынужден обороняться против византийцев. См.: Minorsky, *Studies in Caucasian history*, pp. 50—67 и др.; А. Тер-Гевондян, *Арабские эмираты в Армении*, Ереван, 1965, стр. 208—213 (на арм. яз.).

Баграт IV в этот период вел напряженную борьбу за объединение грузинских земель, стремился пресечь попытки Византии утвердить свое господство в Грузии, оборонялся против сельджуков. См. «История Грузии», стр. 146—152.

Какому бы чтению мы ни следовали, отождествление «апхазского царя Багарата» с Багратам IV представляется бесспорным: историческая обстановка была такова, что анийцы вполне могли передать свой город грузинскому царю. Отголоски этого сохранились и в грузинских летописях, где сообщается, что анийцы передали город матери Баграта Мариам — дочери васпураканского царя Сенекерима Арцруни. См. *Картлис Цховреба*, стр. 299; Brosset, *Histoire de la Georgie*, p. 319; также Меликсет-Бек, *Армянские источники*, стр. 205—206; Абуладзе, *Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник*, стр. 226.

Как было сказано, следующие второму варианту чтения полагают, что в начале фразы упомянуты Давид Безземельный и Абу'л-Асвар. Вообще говоря, возможность призвания Давида Безземельного в Ани не противоречит исторической обстановке. Но тогда следует признать, что Абу'л-Асвар был женат на сестре Давида, между тем в том же «Повествовании» говорится, что Абу'л-Асвар был зятем царя Ашота (IV): *** (см. стр. 96.10-11 подлинника и стр. 105 настоящего издания). Достоверность этого известия блестяще подтверждается таким важным источником, как «Джами ад-дувал» Мунеджима-Баши; здесь говорится, что одного из сыновей Абу'л-Асвара звали Ашот (Minorsky, *Studies in Caucasian history*, p. 22). У курдов, как у армян и у грузин, был широко распространен обычай нарекать сыновей именем деда, в данном случае именем деда со стороны матери. Абу'л-Асвар был женат на дочери Ашота IV, сестре Гагика II, и именно поэтому придворный поэт Катран Табризи называет сына Абу'л-Асвара — Фадла П светильником дома Багратидов (*ibid.*, p. 51).

Таким образом, допуская подлинность второго чтения, следует признать, что определяя матримониальную связь Абу'л-Асвара с домом Багратидов, Аристокэс явно ошибался.

Есть еще одно обстоятельство, заставляющее сомневаться в верности второго чтения. Древнеармянским литературным памятникам не свойственно называть лиц только по их прозвищу, особенно в том случае, если последнее выражено в форме прилагательного; отсутствие имени или местоимения при прозвище «Дунаци» («Двинский») бросается в глаза очень резко. К тому же в контексте «Дунаци» фигурирует в сочетании с определенной местоименной частицей — ***, то есть явно определяет предшествующее имя Давит. Поэтому филологически чтение ***, при котором Дунаци становится определением при имени Давит, безусловно предпочтительнее. При этом слова *** 'сестра Давита была его супругой' относятся к Гагику II.

А. Тер-Гевондян (*Арабские эмираты*, стр. 179—181), подробно рассматривающий этот вопрос, приходит к выводу, что после занятия Ани в 990-х годах Гагик I назначил там правителем Давида Двинского и ему-то через полстолетие собирались передать Ани. Но ведь анийцы могли выдать город лишь могущественному династу, способному противостоять византийскому нашествию. Таким лицом мог быть Абу'л-Асвар, Баграт IV, Давид Безземельный, но не безвестный «Давид Двинский». Подобное толкование никак не согласуется с исторической обстановкой накануне византийского завоевания.

Нам представляется, что все сочетание «Давит Дунаци» относится к Абу'л-Асвару, а «Давит» — его неофициальное, христианское имя, вызванное к жизни тесными связями двинского эмира с христианскими соседями. Красноречивым показателем этого является даже не столько его женитьба на багратидской царевне, сколько армянское имя Ашот, данное сыну. Сближение с христианским населением Закавказья характерно и для следующих поколений Шеддадидов.

Предложенному толкованию противоречит, правда, утверждение Арястакэса, что сестра «Давита» была женой Гагика II. Сам же Аристакэс несколькими строками ниже (стр. 63.11, русск. пер., стр. 85) пишет о том, что волею Константина Мономаха Гагик уже в Византии женился на дочери Давита Арцруни (сына васпураканского царя Сенекерима Арцруни). По-видимому, противоречие в интересующем нас месте должно быть объяснено либо опиской автора или переписчика («Давита» вместо «Гагика»), либо психологически объяснимой ошибкой — результатом притупившегося внимания Аристакэса.

Разумеется, предложенное толкование не может претендовать на бесспорность, оно должно рассматриваться лишь как одно из возможных объяснений чрезвычайно важного пассажа, в котором нашла отражение вся сложность политической обстановки в Ани накануне византийского завоевания.

152. Самосата была резиденцией византийского стратига, командовавшего войсками, сосредоточенными в приевфратских городах (см. прим. 89 к главе VII).

153. Скилица пишет о плодородных землях в Каппадокии, Харсиане и Ликанде, Матфей Эдесский — о Калон-Пелате и Пизу (Cedr., II, p. 559.6-8; Маттэос Урхайеци, стр. 95, франц. пер., стр. 78; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 175).

154. Имеется в виду тот Давит, который в 1021 г. вместе с отцом переселился в Византию и участвовал в заговоре Никифора Фоки.

155. Имеется в виду вест Михаил Иасит, который был прежде архонтом Иверии (Cedr., П, pp. 555.23—558.1).

156. Двинский эмир Абу'л-Асвар.

157. Вест Катакалон Кекавмен. См. о нем N. Banescu, *Un duc byzantin du XI' siecle: Katakalon. Keκααμενος*, — «Bulletin de la section historique de l'Academie Roumaine», 11, 1924. Как и Михаил Иасит, Катакалон ранее был правителем Иверии.

158. Будущий католикос Хачик I Анеци. См. Ачарян, *Словарь личных имен*, II, стр. 495, § 9.

159. В переводе 'Черный камень'. Prud'homme (p. 72, n. I) полагает, что крепость находилась в Карине. По мнению Н. Адонца, Сеав Кар то же, что и Севук Берд, уступленный, согласно Асолику, Давиту Куропалату. См. N. Adontz, *Tornik le Maine*, — «Byzantion», XIII, 1938, 1, p. 150, n. 1.

160. Вероятно, стратиг-автократор Константин Лихуд (Cedr., II, p. 560).

161. Об Анании см. Ачарян, *Словарь личных имен*, I, стр. 152, § 13.

XI

О ПОБОИЩЕ В ГАВАРЕ БАСЕАН И БЛИЗ ГОРЫ СМБАТА ¹

В тот год над нашей страной разверзлись врата небесного гнева. Из Туркестана ² двинулось огромное войско, и кони их /65/ стремительны, как орлы, с копытами, подобными твердым камням. Их луки натянуты, стрелы заострены, они туго [87] опоясаны, и не разорвать ремней на их сайогах. Они проникли в гавар Васпуракан и напали на христиан, подобно изголодавшимся волкам. Они дошли до гавара Басеан, до дастакерта, который зовется Валаршаван; мечом, огнем и взятием в полон разорили 24 гавара ³. Эта история печальна, она достойна великих слез. Они набросились, как львы, и кидали убитых на съедение зверям и птицам, как лъвьятам. И в своем дерзком предприятии намеревались дойти до города Карина. Но тот, кто запрудил море, сказав: «Доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим» (Иов, 38, 11.), окутал все вокруг них густой мглой и задержал их продвижение. И сделал это в силу своей несказанной мудрости, дабы мы сумели предостеречь себя внушенным им страхом, а они поняли, что то, что они свершили, — сделали не своей силой, а та же могучая рука, задержавшая их, сама и открыла им путь. Ныне через посредство чужого народа [господь] излил на нас гнев свой, ибо мы согрешили перед ним. Но не пожелал навлечь на нас муки, ибо он милостив [. ..]

/67/ В 497 год нашего летосчисления, во второй год пленения из Персии вновь полил горький и бурный ливень гнева ⁴, который залил обширную долину между Басеаном и Карином, а брызги рассыпались по четырем сторонам света — на западе до гавара Халтеац, на севере до Спера ⁵ и до замков Тайка и Аршаруника ⁶, на юге до Тарона и до гавара Хаштеанк ⁷, до лесов Хордзеана ⁸. Укрепившись, [противник] оставался там 14 дней, а затем залил, как море, горы и заросшие кустарниками [низины], /68/ завладел всей страной. Мне кажется, это было то самое несмешанное вино, которое в своем видении младенец Иеремия поднес в золотой чаше и напоил царей, народы, города, ишханов и их войска (Иерем., 25, 15-20.). А после всех напоил страну Сисака ⁹. Вот явное осуществление [предсказанных] в пророчестве событий. Ибо испила страна наша Армянская этого несмешанного вина и горько опьянела. Погрузилась [88] в дремоту, утратила разум, испив все до конца. И лежит она на перекрестке всех дорог, обнаженная и обесчещенная, и попирают ее прохожие. Она покинула дом свой, удалилась от знакомых, отрешилась от семьи и родных, стала пленницей всех народов!

Пристало мне произнести слова пророчества: «Оставшееся от гусеницы ела саранча, оставшееся от саранчи ели черви, а оставшееся от червей доели жуки» (Иоиль, I, 4.). То же относится и ко мне, поскольку на нас исполнились все предсказания пророков. Ибо гусеницы и саранча удалились, а речь наша как раз о червях и жуках. И действительно, персы ¹⁰ и прочие племена варваров-язычников, после того как, выступив в первый раз, опустошили множество *гаваров*, захватили добычу и пленных и вернулись в свою страну, — возвестили об этом народам и царствам и призвали их, как это сказано у пророка: «Звери пустыни, идите и ешьте все, что в лесу» (Исаия, 56, 9.).

А на следующий год ¹¹ собралось бесчисленное множество войск, вооруженных луками и мечами, которые были подобны орлам, [парящим] над своей будущей пищей, и в великом порыве стремительно /69/ вторглись в нашу страну — в сентябре, в праздник святого креста ¹², в среду. То, о чем мы повествуем здесь, достойно слез и скорби. И описываемые зрелища призывают к рыданиям. [...] Города разрушены, дома сожжены, дворцы в пламени, царские палаты обращены в пепел. Мужчины перебиты на площадях, женщины покинули дома рабынями, грудные младенцы побиты о камни, и увяли прекрасные лики отроков. Девы обесчещены на площадях, а юноши зарублены на виду у старцев. Треплются покрытые кровью благородные седины старцев, а тела их /70/ валяются на земле. Сверкают мечи врагов, они обессилели [от убийств]; лопнула тетива у луков, и в колчанах кончились стрелы, сами они изнемогают, но сердца их не стали милостивее. [...]

О, сколь горестен был рассвет этого дня! Свет бестелесный возник в первый день от слова божьего, на четвертый день [89] соединился с материей и разделился на [два] светила, которые обрели власть над днем и ночью и навеки стали двигаться над землей; одно из них зовет людей к труду, другое придает смелость зверям. Ныне полдень того дня стал для нас мрачной ночью, а племя озверевших язычников, которые, согласно словам пророка, издавна рычали в своих логовах, /71/ взалкали паству божью. И когда наступила ночь, они вышли и рассеялись по поверхности земли, нашли обильную добычу, насытились пищей, а остатки кинули своим детенышам, [утолив их голод] на долгие годы. И хотя повсюду им была уготовлена богатая добыча, ибо страна оказалась для них плодообильным раем, но в особенности так было в *гаваре* Мананали ¹³, близ горы, которая зовется Смбатовой крепостью, ибо там сосредоточилось бесчисленное множество беженцев и скота. Напав на них, неверные разрушили их замки, ворвались туда и предали всех мечу.

Это было горестное зрелище, достойное слез. Сраженных добивали, а укрывавшихся среди скал поражали стрелами, прятавшихся в горных выемках приканчивали громадными камнями, и тела их валились в ущелья, подобно кучам древесной щепы. Сколь горестен был рассвет того дня! Преисполненные смелости вооруженные удальцы держались друг около друга, малодушные ослабевали, у женщин мутился разум, юнцы выказывали мужество, но исхода не находили. И со всех сторон их окружала вражеская стена. Чувство к любимым было утрачено, к друзьям не было сочувствия. Отец забыл о сострадании к сыновьям, мать утратила любовь к младенцам. Молодой жене было не вспомнить о любви к мужу, и муж забыл о желанной прелести своей супруги. Замолкли /72/ на устах иереев песнопения службы, а псалмопевцев — звуки псалмов. Все было охвачено дрожью и трепетом. В страшной сумятице многие беременные женщины выкинули младенцев... Таким образом, все это войско охватило гору словно бы в охотничьи тенета, пока осажденные совершенно не обессилели.

Когда же наступил вечер, [язычники] взяли добычу, пленных и добро убитых и ушли. А после их ухода там можно [90] было видеть страшное зрелище, достойное

оплакивания, страшнее, чем прежде. Различны были предсмертные страдания. Некоторые из валявшихся еще дышали, у них от жажды пересохли языки, и они тихими, слабыми голосами просили утолить жажду, но некому было поднести [воды]. А тяжелораненые не могли произнести звука и задохались. У тех было перерезано горло, и полумертвые, они еле хрипели. У этих же ныли страшные раны, и они били ногами и рыли ногтями землю. Но там было еще более страшное зрелище, которое могло бы вызвать слезы и рыдания у камней и прочих бездыханных предметов. После того как неверные отвели пленных от горы, они стали вырывать младенцев из материнских объятий и швырять наземь, так что весь их стан кипел от обильной крови. Одних убивали, разбивая о камни, у других же вспарывали животы, так что вываливались внутренности. Но чей бы слух вынес вопли живых! Те, что могли передвигаться сами, разбрелись повсюду и искали своих матерей, и их громким голосам вторило горное эхо. Те, кто не мог держаться /73/ на ногах, ползли на коленях. Те же, что были в совсем еще нежном возрасте, бились о землю, ползая, теряли голос и задохались. Горестными стенаниями, нескончаемыми возгласами походили они на только что разлученных с матерями овец, которые, согласно своей природе, оглашают воздух бесконечными криками и терзают слух внимающих... Такова твоя горестная история, о гора! [...] Но обратимся к нашей истории. Мне хочется по мере сил своих не торопиться с изложением, дабы суметь у каждого вызвать слезы. Я призываю плакальщиц и Иеремию, дабы они со мной составили плач, ибо рассказ мой не о горах, пещерах и пустынях, где скрываются только беглецы...

XII

О БЕСПОЩАДНОЙ РЕЗНЕ В АРЦНЕ ¹⁴

И это в городе, который своим великолепием славился во всем мире, словно был он расположен на горе, а море и суша спешили доставить ему свои плоды, как, пророчествуя [91] об Иерусалиме, говорил великий Иеремия. В прошлом, пока этот город пребывал в изобилии, все в нем было согласно с разумом и он походил на молодую жену, которая приятной красотой и яркими украшениями всем представлялась желанной. Ибо *ишханы* его были человеколюбивы, судьи справедливы и неподкупны. Купцы возводили и украшали церкви, принимали и ублажали иереев и не оставляли бедных своими милостями и заботами. Торговали честно, обмен товарами происходил без плутовства ¹⁵. Если прибыль получали, давая в рост под проценты, она порицалась, а заказанная [ростовщиками] литургия отвергалась и осуждалась. Повсюду соревновались в благочестии, иереи Арцна были непорочными молитволюбцами, /75/ смиренными служителями церкви. Посему и купцы Арцна благоденствовали и торговцы были как цари над народами ¹⁶. И город наш, весь украшенный и прекрасный, как ясный драгоценный камень, блистал среди прочих городов!

Но с тех пор как в наши церкви проникли секстийцы и пиррони ¹⁷, законы правосудия утратили справедливость, сребролюбие возвысилось над благочестием, Мамона — над Христом. Скромность была поругана, уступила место беспутству. *Ишханы* Арцна уподобились грабителям и злодеям, стали рабами серебра. Судьи выносили решение за взятки и ради взятки попирали законы. Сирот они лишали правого решения и не уступали правам вдов. Чрезмерные проценты обрели силу закона, умножилась [дурная] пшеница, оскверняющая землю, чрево которой утратило способность вовремя плодоносить для пищи человеческой. Тот, кто обманывал другого, гордился своей сообразительностью, а кто грабил, заявлял: я могуч! ¹⁸. Знатные обирали дома соседей-бедняков ¹⁹, вторгались в пределы их полей, и до слуха их не доходило проклятие божие, записанное Моисеем, служителем божьим:

«Проклят нарушающий межи ближнего своего» (Второзак., 27, 17.). Я промолчу, щадя вас, о гневе великого Исаии, который грозит подобным [людям]: «Горе им, прибавляющим дома к дому, присоединяющим поле к полю, ибо овладевают [достоянием] ближнего. Все [92] это дошло до слуха господя всемогущего» (Исаия, 5, 8, 9) и что далее по чину. Они не вспомнили о винограднике Набота, об Иезавиле, /76/ разорившем его, и о понесенном последним [наказании], о чем рог трубит и поднесь во всеуслышание. Иереи утратили страх божий и тягу к святости. К алтарю подходят лишь по принуждению и так совершают неизреченное таинство, что не только люди, но и ангелы ужасаются — да и то [совершают] ради серебра, а не с богом. Забыт псалом, возглашающий: «Презренны избранные серебром» (Псал., 67, 31).

Что же сказать мне в порицание женщин? Достаточно реченного Исаией, и нет нужды в наших словах. Ибо так он обличал иерусалимских женщин за их бесстыдное увлечение украшениями, «за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею» (Исаия. 3, 16.). [...]

/78/ Но кто опишет многообразные тяжкие бедствия, постигшие наш город! Как сказано о содомитах: «Солнце взошло над землю, и пролил господь на Содом огонь и серу и сжег его» (Быт., 19, 23—24.). Так и ныне: когда солнце взошло над землей, полчища нечестивцев, подобных изголодавшимся псам, напали на наш город и окружили его, затем ворвались туда, предали мужчин мечу и выкосили все, подобно сельским косцам, так что город вымер. Скрывавшихся же в домах и церквах безжалостно погубили в огне, сочтя это благим делом, как сказал спаситель: «Наступит время, когда всякий убивающий вас будет думать, что он тем служит богу» (Иоан., 16, 2). И приводит причину: «Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Меня» (Иоан., 15, 21).

Даже атмосфера способствовала гибельным событиям этого дня. Сильный порыв ветра раздувал огонь, так что дым восходил до небес, а отблески пламени были ярче солнечных лучей. Там можно было наблюдать горестное, печальное [93] зрелище. Весь город — торговые ряды, тупики, постоянные дворы — все было полно трупов. А кто бы сумел исчислить погибших в пламени? Ибо те, что бежали от сверкающих мечей и пытались порой скрыться в домах, все они оказались в огне. Иереев, схваченных в церквах, сожгли, а найденных вне [храма] перебили. И [трупам] в руки сунули большие куски свинины, дабы оскорбить нас, превратив [жертвы] в предмет /79/ издевательств очевидцев. Мы выяснили, что зарубленных и сожженных иереев — главарей епархий и церквей — было больше 150. Но как подсчитать число пришлых, оказавшихся в то время в Арцне клириков?

Такова твоя история, о счастливый [некогда] и блаженный, славный во всем мире город! Подними же взоры и взгляни на своих сыновей, уведенных в неволю, мальчиков, безжалостно расплющенных о камни, юношей, преданных огню; достопочтенные старцы повержены на площадях, девы, вскормленные в неге и благоденствии, обесчещены и пешими уведены в рабство. Исполнилась на нас пророческая песнь Давидова: «И отдал в плен крепость их и деревни их в руки врагов их» (Псал., 77, 61.) и что далее по чину. Но в отличие от того раза Христос оттягивает пробуждение!

Здесь кончается горестная история Арцна, ибо мы не в силах описать каждое злодеяние, о том же, чего мы не коснулись, любознательный догадается по руинам. Наша печальная история касается лишь двух мест—горы и город а, и мы описали лишь то, что видели своими глазами и что самим пришлось испытать ²⁰. Но как описать бедственные события в других *гаварах* и городах? Они ждут пространного и долгого

изложения, мы же ограничились кратким повествованием в пределах наших возможностей.

XIII

/80/ О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ В ДОЛИНЕ БАСЕАНА, В КОТОРОЙ РОМЕИ ПОНЕСЛИ ПОРАЖЕНИЕ

Пророчествуя о разорении египтян, пророк Исаия говорил: «Обезумели князья Цоанские, бывшие мудрыми советниками фараона» (Исаия, 19, 11.), то же приключилось и с нами.

На востоке было значительное количество ромейской конницы, которая защищала страну, — число ее, говорят, доходило до 60 тысяч. Во главе их стояли Каменас, что означает «огонь»²¹, который правил Арменией, Ахарон, сын Булгара, правитель Васпуракана, и Григор, могучий *ишхан* армянский, имевший титул магистра. В писании говорится, что от многовластия происходит смятение и неустройство, оно приближает распад — то же случилось и с ними. Им следовало единодушно призвать на помощь господа бога — победителя в войнах, как было принято у воинов в древности, «ибо не силою крепок человек, а Господь стирает препирающихся с ним» (1 Царств, 2, 9—10.). Они же поступили иначе, и тот, кто должен был преступить закон, действительно нарушил его. Хотя они и надеялись погасить то великое пламя средствами, доступными человеку, но втянулись в смуту и перестали внимать друг другу. И бог лишил их разума, ибо они не призвали его, а умоляли Липарита²² прийти на помощь. Но, как это известно из Деяний, обратившихся к колдунье постиг недуг Савла. Их можно сравнить также с евреями, /81/ которые погрузили на верблюдов свои сокровища и доставили их народу, на помощь которого и не надеялись. И не вспомнили [слова] Давидова, обращенного против холма из мяса, который гневно обличал Израиль — одного камня из его пращи было достаточно, чтобы раскрошить им неразумные головы. Позабыли и Езекию, который только молитвами при посредничестве ангела с невидимым мечом сразил 180 тысяч ассирийцев.

Итак, после долгих уговоров, [получив] щедрые дары, Липарит прибыл, но и он ничего не мог сделать, поскольку [95] между теми не было согласия. И когда завязался бой, сын Булгара со своим отрядом показал спину, что придало врагам большую смелость. Воодушевляя друг друга громкими криками, они окружили Липарита и его храбрецов, часть из них перебили, а его самого схватили, ибо им удалось рассечь мечом нервы [на ногах] его коня²³. При виде этого прочие войска обратились в бегство. Преследуя их, враги учинили великое избиение, одних сразили мечом, других же сбрасывали с холмов и скал, а время было ночное. Остальные спаслись, но лишились всего и пешими направились кто куда горазд. Неприятель, взявший богатейшую добычу, ликовал, наши же преисполнились скорби. С тех пор и поднесь враги, уподобившиеся гиенам или арабским, волкам, не могут утолить своей жажды христианской крови, пока не кончат всех. И страна наша стала походить на поле, когда поспевают время жатвы — вслед за косцами двигаются /82/ вязальщики, и они оставляют за собой лишь колоски и жнивье для пастьбы скота.

После победы [враги] взяли добычу и пленных и вернулись к себе и заполнили всю свою страну несчетным добром. Грузинского же *ишхана* доставили к халифу в качестве самой большой и наиболее желанной добычи. Тот же принял Липарита, облагодетельствовал и, щедро одарив, отпустил с миром в его страну²⁴. До сих пор [события протекали] так.

XIV

ДО КАКИХ ПОР ПАТРИАРХ ПЕТРОС ПРЕБЫВАЛ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И КАК ВЕРНУЛСЯ

Император принял Петроса с великими почестями, приказал назначить ему щедрое жалованье, но держал при себе три года и не решался отпустить в Армению, ибо опасался, что, вернувшись, он побудит Ани к восстанию. Тогда сын Сенекерима Атом ²⁵ взял его на поруки и доставил в свой город Севастополь ²⁶. Пожаловал ему в качестве местопребывания обитель св. Креста, которую сам выстроил в великой роскоши и пышности. Петрос провел там два года и преставился во Христе ²⁷. Вместо него поставили его племянника [96] по сестре, который уже давно был рукоположен патриархом. Когда император прознал об этом, он послал уполномоченных и приказал доставить к себе как Хачика, так и сокровища [патриаршества]; их нашли и там, и в Армении: ведь Петрос был великим стяжателем, за что многие его порицали. Через три года Хачика отпустили из царственного города, он прибыл в пределы Армении Второй ²⁸, в *гавар* Тарнтай ²⁹, где и обосновался, ибо там и было назначено ему местопребывание. /83/

Задержали же его в Константинополе, ибо старались вынудить выплачивать подати. Он отказывался, мол, я не согласен [быть в ответе] за то, что произошло до меня. У него же все допытывались и угрожали, мол, не выйдешь отсюда, если не согласишься выполнить наше повеление. А этот блаженный наместник нашего великого Просветителя не страшился их речей и твердо стоял на своем. После этого двое ромеев — один вельможа, другой монах — выступили вперед и, обязавшись платить налог, потребовали настоятельских прав над [армянской] церковью. Сделали [это, чтобы досадить Хачику, или искренне — не знаю, но оба они погибли жестокой смертью. Тогда император сжалился и отпустил Хачика, не обязывая его платить налог, злато-печатной грамотой подтвердил его права на принадлежащие им в Армении земли и дал два монастыря в Тарнтае.

XV

О СТРАШНОМ БЕДСТВИИ, ПОСТИГШЕМ ЦВЕТУЩИЙ ГОРОД КАРС ³⁰

С давних времен этот город был избавлен от бедствий, посему жители пребывали в беззаботности и безмятежности и богатели, накапливая щедроты моря и суши. В великий праздник явления господя нашего, ночью, когда сонм иереев в многолюдном окружении радостными голосами отправлял положенную в тот день службу, отряды нечестивцев совершили неожиданное нападение. Город не выставял дозорных, поэтому им удалось ворваться внутрь, предать [97] население мечу и всех нещадно перебить — горьких рыданий достойна история эта! В городах принято, чтобы в господние праздники мужчины и женщины, старцы и юноши в меру сил и /84/ возможностей пышно наряжались, напоминая весенний цветник. В таком [обличий] их и застигли, и город неожиданно наполнился криками и плачем. Иереев отвратили от служб, псаломщиков — от псалмов, и замолкла благословенная песнь на устах у чтецов и отроков. Там можно было наблюдать горестное зрелище, которое вызывало слезы и рыдания у камней и бездушных созданий, а тем более у наделенных чувствами живых существ.

Достопочтенные и славные купцы скончались мучительной смертью. Юноши и борцы ³¹ заколоты на улицах. Тут же валяются окровавленные клоки благородной седины старцев... В результате всего этого город лишился жителей — спасся лишь тот, кто успел скрыться в цитадели, что возвышается над городом ³². В течение всего дня

[враги] грабили дома, затем подпалили город, а сами, взяв пленных и добычу, вернулись к себе ³³.

XVI

О НАШЕСТВИИ СУЛТАНА ³⁴

После этих событий следующий по нашему летосчислению был год 503 (8 марта 1054—7 марта 1055 г.) В тот же месяц и в тот же день, когда и в первый раз пленили страну, сожгли Арцн, равно как и другие гавары и села, кровожадный, несущий смерть и гибель лютой зверь султан двинулся с многочисленным войском, слонами, колесницами и конями, женами и детьми, с отличным снаряжением. Миновав Арчэш и Беркри, он расположился лагерем вокруг города Маназкерта в гаваре Апахуник ³⁵ и занял всю широкую долину. Он распространял набеги по трем направлениям, на север — до /85/ Апхазской твердыни ³⁶, до горы Пархар ³⁷ и до подножия Ковкаса ³⁸, на запад — до Чанских лесов ³⁹, на юг — до горы, именуемой Симн ⁴⁰. Захватив всю страну, [скосили все], подобно сельским косцам! ⁴¹ [98]

Кто способен описать бедствия, принесенные им тогда нашей стране, чей разум способен их перечислить! Вся страна была покрыта трупами — заселенные места и безлюдные, дороги и пустыни, пещеры и скалы, дремучие леса и кособоры. В населенных местах дома и церкви были преданы огню, и пламя поднималось выше, чем в печи Вавилонской! И подобными действиями опоганили всю страну, причем не раз, а трижды подряд возвращались туда ⁴², пока край совершенно не обезлюдел и не смолкли голоса животных!

Видя свершившееся, сокрушенная страна впала в печаль, ибо погибли ее обитатели и радостям повсюду пришел конец. Везде плач и стенания, всюду скорбь и рыдания. [Не слышно] нигде песнопений иереев, не слышать славословия господа. Книги не наставляют и не утешают слушателей, ибо чтецы убиты на площадях, а сами книги сожжены и обращены в прах. Не слышно свадебных кликов и [радостных] вестей о новорожденном. Не видно на площадях старцев на седалищах, и у ног их не играют дети. Стада не сгоняются на пастбища, и ягнята не резвятся на лугах. Косец не берет более снопов в охалку, он не слышит приветствий прохожих. Житницы не заполняют пшеницей и вино не сливают в сосуды. Уже не услышишь радостных возгласов при сборе винограда, /86/ хранилища не заставляют более винными *карасами*.

Всему этому пришел конец, погибло все и исчезло. Какой Иеремия сумеет оплакать нашу гибель так, чтобы стенания услышали дороги и горы! Какой Исаия послушается утешителей, дабы насытиться плачем! Горе мне, я описываю все это как юноша-вениамитянин, но, вестник печали, приношу её не единому селению или единому городу, а всем странам, так [чтобы передавалось] от племени к племени до свершения века ⁴³. Ничто не смягчит нашего горя — ни ни время, ни действие, как предупреждает писание о нечестивце пустыни ⁴⁴.

Что мне делать, оставить ли, сострадая к вам, рассказ о невозможных муках, посланных христианам, или обратиться [99] ко всем вам, [невольным] участникам этих мучений, плач и рыдания? Но знаю — вы желаете слышать, посему, одолев нерешительность, последовательно допишу эти страшные бедствия.

Когда вспоминаю Хордзеан и Хандзэт ⁴⁵ и то, что там свершилось, меня душат слезы, сжимается сердце мое, смущается разум, рука дрожит, я не в силах вести изложение далее... Места были укрепленные, поэтому там собралось бесчисленное множество людей из верхних *гаваров*. Стремительные, словно птицы, лютые, как

звери, преисполненные злобной мстительности, нападали на них нечестивцы, настигали их в пещерах и в дремучих лесах и кого находили, безжалостно убивали.

И как весной, когда от жаркого воздуха начинает пробиваться вода, течет ручейками и заливают почву, так было и ныне. Исходящие от убитых кровавые струи стекали /87/ в стремнины и, сливаясь в потоки, насыщали землю.

Вспомни, что было, подумай о сонме оказавшихся там монахов и иереев, о старцах, о многих юношах, ланиты которых, как на прекрасном портрете, украшали молодые бороды, а кудри на челе украшали лицо и сияли, как яркие розы. И вдруг неожиданно сраженные мечом неприятеля, словно побитые градом, они валяются на землю. Вспомни и о детях: вырвав из материнских объятий, их швыряли наземь. Они с плачем искали матерей, но их родных ударами поспешно отгоняли прочь! Чье каменное сердце не захлебнется слезами, слыша все это и [видя] столь великое зло! Девы обещены, молодые жены разлучены с мужьями и уведены в рабство. Изобильная, словно многолюдный город, страна в единое мгновение обратилась в необитаемую пустыню, [людей же постигла] двоякая судьба — либо перебиты, либо в плену. О Христос, где было тогда твое милосердие, [тяжки] бедствия наши, мы приговорены к мучительной смерти...

В силах ли кто описать побоище в Держане ⁴⁶ и Екелеаце, в [местах] между ними! Так суди же об этом по сказанному мною. [100]

Проникшие в Тайк овладели страной, дошли до большой реки, называемой ⁴⁷ Чорох, и, перейдя ее, повернули и спустились в страну Халтеац. Захватив добычу и пленных, повернули обратно и дошли до *бердакалака*, именуемого Баберд ⁴⁸. Там повстречался им отряд из /88/ ромейского войска, так называемые *вранги* ⁴⁹, которые, неожиданно наткнувшись на [врагов], сразились с ними. По милости божьей, ромейский отряд собрал все свои силы, они одолели врагов, убили их предводителя, а с ним и многих других, прочих же обратили в бегство, отняв у них добычу и пленных; но продолжать преследование не решились, ибо боялись встретиться со значительными силами. Освобожденные из плена воздали славу господу и разошлись по домам. Часть [врагов] направилась в Армению, всех захваченных там предали мечу или взяли в плен и, собрав добычу, ушли оттуда. Они дошли до Вананда, и там напали на них храбрые *ишханы* Гагика, сына Абаса ⁵⁰, нанеся им великий урон. Но их настигло и окружило неприятельское войско, а поскольку в результате долгих боев и великого избиения было много потерь в людях и конях (поэтому-то они и не смогли разорвать заслон неприятеля и выйти из окружения), враги перебили 30 человек из *азатов*.

А одного *азата* по имени Татул, мужа могучего и воинственного, захватив, повели к султану. Сын персидского эмира Арсубана был тяжело ранен, поэтому султан, увидя Татула, сказал ему: «Если он выживет, освобожу тебя, если умрет, прикажу заклать тебя ему в жертву», а Татул ответил: «Если мой удар, то не выживет, если же кого другого — не знаю». Через несколько дней тот [действительно] умер. Узнав, что раненый умер, султан приказал умертвить Татула, отсечь правую руку и отнести Арсубану в утешение: мол, сын твой не от слабой руки кончился.

/89/ Но к чему шаг за шагом оплакивать невозполнимую гибель христиан? С нами случилось то же, что и с морем, когда оно возмущено бурными ветрами, а громадные волны и пена повсюду приходят в движение. Внезапно всей страной овладела смута, надежда повсюду была утрачена, ибо [101] великие бедствия убили веру в спасение. Это предсказал еще спаситель, уподобив жестокие бедствия буре на море, когда множество изнемогающих людей от страха и ожидания грядущего не в силах сохранить присутствие духа.

Но отвлекись от этого и подивись безрассудству султана и великой мудрости божьей! Подивись глупости султана, ибо в [воображаемом] всемогуществе он объявил себя сопрестольником бога. Подивись и мудрости божьей, ибо [господь] выставил против султана один лишь город Маназкерт и заставил [его] постыдно вернуться в свою страну. Прислушайся к моим словам! Когда султан в первый раз прибыл с бесчисленным войском и окружил город, осажденным не хватало продовольствия, а скоту — корма. Останься султан на десять дней, он сумел бы занять город. Но господь разгневался не вконец, он не вечно помнит обиды и воздаёт за прегрешения не по грехам нашим, [потому-то] он внушил султану и прибывшим с ним безрассудную мысль — через три дня султан со своей армией снялся с места и направился к Туарацой Тапу ⁵¹. Оттуда он спустился к широкой долине Басеана и [подошел] к неприступной крепости по названию Авник ⁵². Там он увидел множество людей и скота, но [напасть] не решился, ибо было видно, что крепость неприступна. Минувя ее, он подошел к Басеану, к деревне Ду ⁵³. С немногими людьми он вышел оттуда и оказался на /90/ возвышенности близ Карина. В течение долгих часов он рассматривал прекрасно защищенный Маназкерт и [затем] повернул обратно. А тем временем жители преспокойно вышли из своего города и заготовили в изобилии продовольствие и корм скоту: была пора косьбы. И когда султан, проблуждав, вернулся, горожане уже покончили со своими делами. Он в страшной ярости возобновил осаду Маназкерта. *Ишхан* же, который осуществлял попечение над ⁵⁴ городом, был муж благочестивый и смирявший себя воздержанием и молитвами. Он призвал на помощь всемогущего бога и, вооружившись этим, укрепился в вере. Читая псалмы, обращался к богу: «Не убоюсь зла, потому что ты [102] со мною, господи!» (Псал., 22, 4.), и другой [псалом]: «Не убоюсь тем народа, которые со всех сторон ополчились на меня» (Псал., 3, 7.) и что следует по чину далее. Воодушевлял горожан и воинов, говоря: «Мужайтесь, сотоварищи мои и братья, мужайтесь и не страшитесь, ибо богу нетрудно [помочь нам]. Они идут на нас верхом и на колесницах, мы же призовем господа, восславим и исповедуемся его имени, дабы он, благословенный присно, придал народу своему мужества и твердости». Этот *ишхан* побуждал иереев к молитвам и пению псалмов, и они денно и ночью обращали к богу бесконечные молитвенные возгласы; с крестом и *жамахаром* ⁵⁵, они на крепостных стенах громко зывали к господу прийти на помощь впавшим в беду. Это томило слух султана, он спросил: «Что это за непрерывный шум», и ему ответили: «Они обращают возгласы к богу».

Целый месяц султан оставался под городом, ежедневно предпринимая по две атаки — когда /91/ занималось утро и вечером. Но обрати внимание на божью мудрость: как он умеет вырвать из рук противника удачу с его же помощью. Пока город переживал смятение и опасность, одному из приближенных к султану *ишханов* пришла в голову добрая мысль устно или письменно оповещать город о его замыслах. Множество раз он писал [о них] на бумаге, которую прикреплял к стреле и, приблизившись в ходе боя к стенам, забрасывал ее в город, тем самым знакомил осажденных с военными планами [противника]: «Завтра, мол, так, таков план боя; в таком-то месте ночью намерены сделать подкоп и проникнуть внутрь. Но вы держитесь твердо и в этом месте примите [меры] предосторожности». [...]

Итак, в каком бы месте ни нападали враги, ночью ли, днем ли, осажденные оказывались наготове и вооруженными. Тогда противник установил машины и продолжал осаду при их помощи. А один из наших, старик-иерей, весьма сведущий в [военном] искусстве, установил свой *пиликуан* ⁵⁶, и, [103] когда враги закладывали камень в трос машины и метали его в город, этот старец направлял свое ядро прямо в камень противника, /92/ дабы оно ударило в камень, идущий из [стана] неверных и свалило его на них же. Нечестивцы повторили эту попытку семь раз, но это ни к чему не привело, ибо ядро старца отбивало их камень.

Тогда [враги] подготовили другое военное орудие, которое они сами зовут *бабаном*, громадных размеров, говорили, что его обслуживает 400 человек, которые натягивают трос и, заложив камень весом 60 фунтов, выпускают его в город. А перед *бабаном* возвели стену из кип хлопка и прочих материалов, так чтобы камень иерея не смог попасть в это орудие. А когда все эти приспособления привели в надлежащий вид, выпустили каменное ядро, которое ударилось о городскую стену, разворотило и разрушило ее. При виде этого город охватил трепет, горожане молили бога прийти . на помощь, у неверных же царило ликование. А на следующий день предводитель отрядов *дейлемитов*⁵⁷ явился со своими силами и завязал бой с нашими. И поскольку был он муж смелый, то, добравшись до пролома, храбро попытался проникнуть внутрь [городских стен], но неожиданно оступился и упал. А бывшие на стене спустили железный крюк, подцепили врага и втащили внутрь. Видя это, войско неприятеля вернулось в бешенстве в лагерь, а горожане возрадовались.

В то время один из ромейских военачальников приготовил из нефти и серы горючую смесь, запил ее в стеклянный сосуд⁵⁸, сел на благородного коня и, будучи храбрым и мужественным, прикрыл спину только щитом. Он выехал из городских ворот и вступил в лагерь иноземцев, крича, что он *мандатор*, то есть гонец⁵⁹. Он дошел /93/ до *бабана*, обошел его вокруг и вдруг, подбросив сосуд сверху, разбил его о *бабан*. В тот же миг вспыхнул огонь, выбилось багровое пламя, а он поспешно вернулся обратно. Увидев это, изумленные нечестивцы вскочили на коней и кинулись вслед, но нагнать не смогли. А он спокойно добрался до города, с божьей помощью избежав ранения. Султан же пришел [104] в великий гнев и приказал перебить стражу [*бабана*]. [...]

/94/ А *ишхан* города Васил приказал простолюдинам, находящимся на стене, хулить и поносить султана, который через два дня вместе с войском покинул это место. По пути им попался город Арцкэ⁶⁰, который омывается Бзунийским морем⁶¹, а при нем была могучая, неприступная крепость. Уповая на водную преграду и крепость, горожане Арцкэ не тревожились. Но то ли с чьей-то помощью, то ли благодаря собственной хитрости эти кровожадные звери нашли в море отмель и проникли в город. Они перебили всех [защитников], взяли пленных и добычу и ушли оттуда. Это было по сердцу султану, но в свою страну он вернулся разгневанный, ибо выполнил не все, что желал.

XVII

/95/ КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ МОНОМАХА

Блаженный и божественный Соломон пишет, что «правый царь утверждает землю, а попирающий законы разоряет ее» (Притч., 29, 4.) При Мономахе мы оказались очевидцами того же самого. Царям положено заботиться о мире и благоденствии в государстве так же, как и сам бог печется о всех [земных] созданиях. Этот же был не таков. Он всецело отдался яствам и питью и лишь умножал нечистоты. А богатства, собранные в качестве налога со всех стран, которые он должен был раздавать всадникам, дабы увеличить конное войско, призванное отражать врагов и победой над неприятелем обеспечивать стране мир (как то делал Василий на протяжении 50 лет своего царствования, когда никакой враг не решался вступить в его страну), — эти богатства Мономах тратил на блудниц и ничуть не тревожился о разорении страны. Был он столь распутен и питал такую страсть к непотребным женщинам, что не насыщался жительницами Константинополя, а требовал доставлять ему женщин из дальних стран и весь день проводил с ними. Посему враги [105] осмелели, как голодные волки, которые безжалостно пожирают стадо, оставленное без

присмотра, и при нем произошло всеобщее побоище христиан, идущее и с востока, и с запада, как в немногих словах мы изложили выше.

Так-то он прожил жизнь и скончался. Правил же он 13 лет ⁶² и к чему-либо достойному доброй памяти причастным не оказался. А дочь императора Константина Феодора ⁶³ вступила во владение империей, словно то была ее собственная наследственная вотчина, так что /96/ никто не осмелился выступить против нее. Султан *тачиков* ⁶⁴ отправил к ней послов и составил грамоту следующего содержания: «Либо верни мне города и *гавары*, отторгнутые от *тачиков* твоими предками, либо ежедневно уплачивай по тысяче *дахеканов*». Она же послала ему белых коней и мулов, множество драгоценностей и порфиновые одеяния ⁶⁵. Султан, казалось, принял дары [с удовлетворением], но того, кто их доставил, удержал при себе и с ним же направился в Вавилонию ⁶⁶. То был 504 год нашего счисления (8 марта 1055—7 марта 1056 г.).

В тот же год именем султана в Армению вступило персидское войско; говорят, впрочем, что это были воины Апусуара, зятя армянского царя Ашота, который владел Двином и Гандзаком ⁶⁷. Их грабежи заставили людей оставить насиженные места, они стремились собраться в Ани, но не всем удалось войти в город, ибо наступил вечер и городские ворота заперли. Персидский же отряд шел всю ночь и сумел овладеть воротами. Они произвели страшное избиение, и некому было прийти на помощь, Взяли добычу и пленных и вернулись в свою страну.

А в Тарбне *ишханом гавара* был Феодор, сын Ахарона ⁶⁸, которого персы на своем языке звали Аваном вследствие нехватки письмен ⁶⁹. И вот из Туркастана к нему прибыл отряд, воины которого согласились подчиниться ему и выказать свою верность. Они вторглись в *гавар* Хлата ⁷⁰, взяли большую добычу и доставили в Тарбн. А войска, сосредоточенные в Персии и Туркастане, направили к Феодору [послов], мол, выдай нам мятежников или мы полоним всю твою страну. [106] Он отказался, тогда они сразились дважды или трижды. *Ишхан* проявил великую храбрость, но затем его тяжело ранили и через несколько дней он умер. Кончина его достойна горького сожаления — /97/ юношеским станом и прекрасной внешностью он напоминал пророка Давида, храбростью превосходил многих, а скончался безвременно.

Когда наступила зима, в праздник богоявления, войско нечестивцев под покровом ночи подошло к *гюлакалаку* ⁷¹, который зовется Манкан Гом ⁷². Жителей захватили врасплох: они служили всеобщую; предали всех мечу и перебили так же, как и население близлежащих деревень и *агараков*. Взяли пленных и добычу и направились к деревне Арацани ⁷³, куда и намеревались идти. Добычу вынесли на лед, [туда же выгнали] пленных, но лед неожиданно треснул и поглотил все, что было на нем. Сколь же горек мой рассказ, достойный слез! [...] И если все это постигло нас за грехи наши, то мы несчастнее всех [на свете]. Все человечество пребывает в мире, мы же пленены, перебиты, лишены крова и нашего добра.

Помимо княжества [Давита] Куропалата и территорий, подвластных ромеям, в Армении были четыре царских престола ⁷⁴. Была великая патриаршая власть, вызывающая зависть среди всех народов. Правдивые *вардапеты*, подобные наставникам древности, проникшие в глубины науки, — их речи усмиряли фаланги еретиков, которые скрывались в подземелье и не решались проникнуть в паству верующих. Их отвергал сам привратник, который знал своих и был признан ими. Церкви были похожи на невест, украшенных со всей роскошью для услаждения желаний бессмертного жениха. А новорожденные младенцы из непорочного чрева матери нашей Сарры были подобны голубиным птенцам, они сбивались в стайки и в полный голос напевали ангельские мотивы.

Вот оно, горькое возмездие, постигшее нас, неутешных! Где царские престолы? Их нет, их не видно. Где многочисленные, как густая туча, воины, которые, подобно вешним цветам сверкают перед нами разноцветными одеяниями? Их нет, их не видно. Где великий и чудесный престол патриарший, который блаженный муж божий, великий Григорий, утвердил [107] на апостольском престоле, после того как, оказавшись в яме, 15 лет подвергался тяжким испытаниям? Сегодня он пуст, его никто не занимает, /99/ он лишен украшений, покрылся пылью и зарос паутиной, а наследник его удалился на чужбину и пребывает там пленником. Смолкла проповедь *вардалетов*, а еретики, изгнанные их богословскими речами и православной верой, которые, как мыши, скрывались в своих норах, ныне обратились во львов. Они бесстрашно, с разверстыми пастьми вылезают из своих логовищ — кого бы поглотить из невинных душ! Что же сказать о церкви, которая в прошлом была украшена так пристойно, плодovitая и блаженная, она бы и пророка восхитила — сегодня посрамлена, лишена убранства, утратила всю красоту, словно бездетная вдова, лишенная великолепия и почестей, сидящая безутешно в лохмотьях. То же самое и здесь. Факелы померкли, огонь погас, перестали дымиться ладан и благовония, венец божественного алтаря покрыт пылью и пеплом. [Вскормленные] же церковью чада, которые [некогда] с грифельными досками в руках распевали в стенах ее песни Давидовы, [ныне] у дьявольского логова, которое зовется мечетью, пляшут, познавая магометанское учение. А скромные и целомудренные женщины, соглашавшиеся на замужество лишь после долгих уговоров, ныне отдались беспутству и развратному соитию.

Но если все, что мы поведали, постигло нас за наши прегрешения, воззовите к небесам, ко всему, что в них и на них! Воззовите к земле и находящимся на ней живым существам! Воззовите к горам и холмам, деревьям и густым лесам, пусть рыдая оплакивают нашу гибель! [...]

XVIII

/101/ ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРЫ, ЧТО В ПЕРЕВОДЕ ЗНАЧИТ БОГОДАННАЯ 75

После смерти Мономаха эта львица зарычала в своем логове львиным рыком, подобно той, которая представилась Даниилу в его видении. Она призвала городскую знать и [108] наиболее именитых *ишханов* и сказала им: «Тот из вас, кто решится выступить с войском на восток, прекратит набеги персов и приведет страну к миру, пусть смело явится и станет императором, ибо по божественному праву он достоин царства. Если же вы отказываетесь, то я в силах занимать это место». *Ишханы* выслушали ее и, не ответив, удалились в свои дома ⁷⁶.

Щедрыми дарами императрица утолила звериный голод султана, и он перестал помышлять о нападении на нас, а затеял войну в Вавилоне и окружающих областях, /102/ ибо был очень воинствен. А наши соседи, воспламененные жаром [ненависти], и летом и зимой продолжали разорять страну нашу Армянскую. Они засылали лазутчиков и если узнавали о местах, не покинутых жителями, то, подойдя ночью, неожиданно нападали и, подвергнув всех страшным мукам, безжалостно уничтожали. Чувствуя себя в безопасности, они оставались надолго, рыскали по домам, находя что-либо припрятанное, изымали и, совершенно разорив эту местность, взяв добычу и пленных, возвращались в свою страну ⁷⁷.

В *гаваре* Басеан, у подножия горы Циранис ⁷⁸, был расположен многолюдный и богатый *аван* Окоми. Нечестивцы подошли к нему ночью, в великий праздник богоявления. Толстый слой льда покрыл равнину, так что руки и ноги человекообразных зверей совершенно одеревенели [от холода]. Но когда они подошли

к селению, обнаружили там скирды сена, заготовленного для корма скоту. Они подожгли их, и от яркого пламени равнина осветилась как днем, а они с конями могли согреться. И тогда они натянули тетивы, обнажили оружие и напали на селение, возбужденные, будто дело происходило летом. Предали мечу и перебили до 30 тысяч душ, так что в селении не осталось ни одного жителя, за исключением тех, кто [заранее] куда-либо удалился. [Нечестивцы] оставались там три дня, затем погрузили на волов, ослов и коней запасы пшеницы, всякое добро и некоторые другие полезные вещи, ставшие их добычей, и вернулись в свою страну. Кто опишет многие преступления, которые они там свершили? В результате их действий страна наша обезлюдела, остались в живых лишь те, кто [скрылся] в каком-либо замке. /103/ [109]

Императрица правила два года; достигнув глубокой старости, она заболела, от чего и умерла. Накануне ее смерти к ней явилась городская знать и умоляла ее, мол, пока ты жива, назначь императора, дабы город был избавлен от смуты. Императрица согласилась и приказала привести одного из вельмож города по имени Михаил ⁷⁹, который при ее родителях отправлял какую-то должность при дворце. Был он в преклонном возрасте и весьма богат. С согласия города Феодора провозгласила его императором и через три дня отправилась путем, предуготовленным всем земным существам, туда, где, согласно песне Давида, встречаются цари и бедняки. А все крупные и мелкие *ишханы* провинций, узнав о его воцарении, прибыли, чтобы выказать ему покорность. Ему бы следовало подчинить их себе ласковыми словами и щедрыми подарками, но он был жесток и страдал болезнью Ровоама, поэтому некоторых он отправил под стражу, сочтя их недостойными той или иной должности, а к наиболее знатным обратился с речью, сказав: «Выступите против Персии и избавьте страну от разорения, иначе я причитающуюся вам ругу ⁸⁰ выплачу Персии и тем самым удержу страну в мире». Но *ишханы* не согласились, они удалились, не дав ответа, затем заключили соглашение, перешли через пролив и, собравшись, образовали бесчисленную рать. Во главе их стояли Комиан, который впоследствии стал императором ⁸¹, и Каменас. Отложившись от императора, они поклялись не признавать его власти. Это было в 506 год нашего летосчисления (7 марта 1057—6 марта 1058 г.), в X ромейский индикт ⁸².

/104/ О горькая година, о гибельный замысел, погубивший население страны [...] Обезлюдевшая страна в руинах, города разрушены, поля заросли терновником и являют проходящим страшное зрелище. Стаи звонкоголосых птиц, благодаря своей кротости ставшие совсем ручными, [некогда] оглашали воздух /105/ сладкозвучным пением. По утрам они щебетом и громкими трелями, словно [сладким] жалом, пробуждали земледельцев от глубокого сна и ревностно побуждали каждого к его труду. Ныне же селения в развалинах, они опустели и [110] обезлюдели, и жителям некуда приткнуться. Где совьют себе гнезда аисты, где ослабевшие птицы найдут себе пристанище, как говорится в псалме? Где ласточка совет себе легкое гнездышко, чтобы покойно кормить своих птенцов? Но прервем нашу речь и вновь обратимся к тягостной и горькой истории.

Итак, когда страна греков разделилась надвое ⁸³, тростниковая ветвь, как ассириец оскорбительно называл царство египтян, перебила железную палицу, кипящий котел, который представлялся Иеремии простирающим свои яркие лучи с севера на юг, начал ярко лучиться с юга на север и погубил в пламени род христианский. И оправдался господний завет — разделенное царство не устоит, но погибнет (Марк, 3, 24.). И когда персы прознали об их смутах и взаимной вражде, они многократно обрушивались на нас, чем завершилась гибель нашей страны.

В начале того года, воспоминание о котором вызывает лишь стенания, они уподобились хищным волкам, которые, встретив стадо без пастуха, не

удовлетворяются насущной пищей, а хотят перебить всех. Таковым было и прибывшее персидское войско: они не насыщались грабежом, /106/ но жаждали нашей гибели. И действительно, всякий, кто попадался им на глаза, уже не мог вырваться из их рук, ибо [убить кого-либо из нас] они считали благим поступком.

Когда среди ромеев начались междоусобицы, сын Липарита Ивана (которому в качестве местопребывания были пожалованы обширный аван Ерээз, что в *гаваре* Хаштеанке⁸⁴, и окружающие его *дастакерты*), узнав, что страна разделилась надвое, обманным путем захватил крепость Еланц Берд⁸⁵. Овладев им, он вернулся обратно в *гавар* Албри, в крепость по имени Хавачич. Жители [этого] города встретили его дружелюбно. Там же находился судья, который осуществлял попечение о востоке⁸⁶. Когда Иванэ увидел судью, он приказал немедленно взять его под стражу, отобрал у него несметные ценности, коней и мулов — все, что он собрал на востоке, и заточил его в темницу в Елнута⁸⁷. Сам же поспешно направился [111] к укрепленному городу Карину. Поначалу он пытался [овладеть им] хитростью, заявляя, что, мол, у меня есть предписание императора, ваш город, мол, принадлежит мне, отворите ворота, чтобы я вошел. Но этим путем ему не удалось склонить горожан, и тогда он начал бой, надеясь в сражении захватить город. А *ишхан* города спешно известил *ишхана*, который восседал в Ани, имея титул магистра⁸⁸. Когда последнему сказали об этом, он отправил против Липарита одного из своих сановников с войском. Липарит, узнав об этом, начал разорять набегами [всю] область, а затем вернулся к себе и отправил [гонцов] в Персию за вспомогательным войском. Это было началом постигших нас страшных бедствий.

Услышав призыв Липарита, полчища нечестивцев известили друг друга о том, чтобы собраться в определенном месте, и затем поспешно направились к Ивану, который при виде множества войска затрепетал. Никто не выступил /107/ против персов, ибо *ишхан*, ради которого они явились, услышав шум их приближения, укрепился в огромном замке. Прибывшие же отряды заявили Иванэ: «Укажи нам путь к добыче, не возвращай нас с пустыми руками!» Иванэ пришел в отчаяние, назначил им проводника из своих людей, так что они могли двигаться ночью по безлюдным местам и прибыли к *гавару* Халтеац. Застав [жителей] врасплох, они в соответствии со своими кровожадными нравами перебили всех мужчин, которые им попадались — до самого леса Хрти в Чанэте. Захватили несметную добычу и пленных и вернулись с великой победой. Явились к проводнику зла и щедрыми дарами воздали ему за сопутствовавшую им удачу, а затем вернулись к себе. Они видели, что страна в беспомощном положении, без защитника, посему эти прислужники зла сразу же совершили еще один [набег]. Они спустились к *гавару* Мананали и разделились надвое. Одна часть направилась в Екелеац, ночью напала на расположенный там город, оказавшийся неподготовленным и беспечным. Я не в силах передать страшные бедствия, постигшие этот город. Когда наступило достойное слез утро, взорам представилось зрелище смятения, которое способно было вызвать рыдания даже у камней и бездушных созданий. Чье бы [112] сердце не разбилось, чья бы душа не содрогнулась, а очи не затмились густой мглой при виде площадей, домов, обширных пространств, маленьких улочек и огороженных виноградников, усеянных трупами! Почти весь город был окрашен кровью убитых. /108/ Многие же еще не испустили дух; лишенные голоса, они тяжело дышали. У других были тяжелые раны. У тех, [вспоров животы], вывернули внутренности, извлекли печень и сунули ее в рот [жертве], а некоторых заставляли съедать, пока они еще были живы. Где было тогда твое всепрощение, господи! Сколь велики наши бедствия! Уж 13 лет роду христианскому приходится выносить страшные мучения, и не смягчился гнев господний, но поднялась его длань с полной чашей несмешанного вина, чтобы опоить нас горько. Не склонен господь простить нас и смирлостивиться, но [помышляет] о том, чтобы наказать своих врагов. Посему город и окружающие его деревни и *агараки* осажжены, так что спасся лишь тот, кто оказался в цитадели. Неверные же, насытившись добычей, подожгли

город, взяли пленных и награбленное добро и ушли. Такова твоя горестная история, о город, — не пристанище, но гибельная пропасть для твоих жителей. А ведь я описал лишь немногие из постигших нас многообразных бедствий!

Нечестивцы вторглись в *гавар* Карина и подошли к деревне, которая зовется Блур ⁸⁹. Местные жители окружили Блур стеной, но в основании ее был прах, как говорится в господней притче. И когда нечестивцы, нахлынув, подобно бурному потоку, начали крушить эту стену, она не выдержала и мгновенно рухнула, так что грохот разнесся по всему миру и уже не смолкнет до скончания века. Стена, на которую уповали, которая казалась [надежной] защитой, уподобилась пропасти, несущей гибель. В Блуре сосредоточилось /109/ все население деревень и монастырей по эту сторону Евфрата, многие из *авана* Арцн. Враги атаковали их и мгновенно разрушили укрепления. Они ворвались в Блур, вид сверкающих мечей и звон тетивы привел всех в страх и трепет, и жители Блура словно оцепенели. Не нашлось властного вождя, который угрозами и призывами пробудил бы в них воинственный дух, воодушевил бы их на подвиг, как это принято среди воинов, [113] и они почувствовали себя покинутыми, утратили волю, оробели от одного вида неприятеля, шум боя привел их в смятение, и они обезумели от ужаса. Каждый отнимал у другого мужество: одни с наступлением ночи вышли через [проломы] в стене и скрылись, другие добровольно сдались. А оставшиеся в Блуре, пренебрегая своими воинскими обязанностями, начали рыть пещеры и скрываться под землей.

Нечестивцы нападали на них и закалывали не так, как водится на войне, но как [закалывают] овец в загоне. Одних, полонив, выставляли вперед и отсекали головы, причем казнили их будто бы дважды: сначала над их головой сверкал меч (что страшнее смерти) и затем только их убивали. Других же настигали с мечом, набрасывались, как звери, и мгновенно кончали, вонзая клинок в сердце. А тучных и полных ставили на колени, вытягивали им руки, [привязывая] к вогнанным в землю колам, и так распинали на земле. Вместе с ногтями зверски сдирали кожу с одной руки и плеча до другого, спереди и сзади, и сняв выделывали тетиву для лука. О, сколь горестна эта история!

Чей слух вынесет [повествование] о новых бедствиях, постигших иереев и монахов! С груди их сдирали кожу, выворачивали наружу с кожей лица и лишь после этих /110/ страшных пыток умерщвляли. Кто представит себе более тяжкие муки — ведь о них не говорится даже в мартирологах святых.

Таким образом погубили всех, даже заживо погребенных вытаскивали пиками и после страшных мук добивали. Общим эхом в горах отдавались стоны терзаемых [жертв]. И когда все были убиты, пропороли трупам бока, извлекли печень, кинули в котлы и приказали нести их пленным женщинам вслед за собой. Этим завершилось наше смертельное пленение. Так мы были отданы в руки страшным, беспощадным врагам. И господь нас покинул, ибо не вняли мы ему, пока пребывали в мире. Через пророка взывал он к нам с мольбой: «Придите и внимайте мне. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли» (Исаия, 1,18-19). Мы пренебрегли его словами, посему [113] и он не внял нам в дни бедствия, но отвратил от нас свое лицо. Мы во власти наших врагов, нас мучат недруги наши, и стрелы их напоены кровью нашей, а меч пожрал тела наших израненных, сраженных воинов. Так с победой вернулись они к себе. Говорили, что павших и плененных было семь тысяч, из них 60 иереев.

XIX

О РАЗОРЕНИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ⁹⁰ И ТАМОШНИХ ГОРОДОВ И ОБ [УЧИНЕННОМ ТАМ] СТРАШНОМ ИЗБИЕНИИ

Выше я говорил, что, явившись в Мананали, [враги] разделились. О действиях первой [рати] я уже писал. /111/ Вторая же на стремительных конях направилась к Хандзэту и Хордзеану, не отклоняясь ни вправо, ни влево, но была подобна стреле, выпущенной лучником, — она срывается с тугой [тетивы] и попадает прямо в цель. Так и они — без отдыха для глаз и отдохновения для ресниц — ночью, подобно граду, смешанному с камнями, неожиданно напали на жителей Харава ⁹¹. Город не имел укреплений, и жители волновались, как бушующее море, но исхода не находили. О, как ужасно то, что там свершилось! Неверные предавали [всех] мечу, избивая мать на глазах у ребенка и сына на виду у отца! Благодатный город мгновенно превратился в кровавый водоем. При этом неожиданном, стремительном бедствии были забыты любовь к ближним и сострадание к крови. Каждый стремился изыскать средства, дабы самому спастись от гнева воспламененной геены. Пытались найти убежище в виноградниках, окружавших город, и там укрывались под кустами с плотной листвой. Но нечестивцы, догадавшись, бросались на поиски и закалывали всех пиками, так что виноградные лозы окрасились кровью. Те же, кого пощадили, потом под кустами находили своих близких и предавали их земле. Но виноградники не обрезали и ягод не вкушали, говоря, что [ощущают] вкус человеческой крови. Кончив там резню, нечестивцы вернулись в город, кинулись искать по домам, и если кто спрятал где-либо свое [115] имущество, укрыл его в тайнике, то с большой ловкостью извлекали наружу. Запалив город, погубили его в огне, взяли добычу и пленных и покинули эти места. Так же поступили и с окружающими его /112/ деревнями и *аванами* — все они были опустошены мечом, огнем и взятием в полон, так что не осталось никого, кто мог бы раскрыть рот и произнести ⁹² звук .

XX

ЦАРСТВОВАНИЕ КОМИАНА

Комиан был щедр и весьма богат; посему он сумел собрать большое войско. Когда император увидел, что Комиану улыбается удача, он начал молить его, отправляя послов, сулил почести и куропалатство на востоке, только бы ты, мол, замирился, ибо мы проливаем кровь христианскую. Но, не доверяя ему, Комиан не согласился, тогда хождения послов прекратились. И приближенные императора попытались сломить его силой. Собрали великую рать, двинулись против него, сошлись, и завязался бой. Было страшное кровопролитие, такого избиения, говорят, в Романии ⁹³ еще не видели. С обеих сторон там пали многие военачальники, но одолело войско Комиана. На его стороне был патриарх, и он объединил вокруг себя городскую знать. Они ввели Комиана [в столицу] и возвели на царство. Михаила же постригли в монахи и сослали на остров; говорят, впрочем, что он отправился по своей воле ⁹⁴. И все это случилось в [тот] гибельный год ⁹⁵.

Комментарии

1. Аристокэс Ластивертци локализует эту гору в *гаваре* Мананали, стр. 89.
2. Туркастан — страна тюрок (турк). Это название Аристокэс употребляет в самом общем смысле, не относя его к определенной географической территории.
3. Поход был предпринят в 1047 г., поскольку ниже говорится о 497 г. армянской эры (10 марта 1048—9 марта 1049) г.) как о «втором годе нашего пленения». Тюрк возглавлял племянник султана Тогрул-бека Хасан Глухой (Asan ton legonenon Kwjon.

Cedr., II, p. 572.14-14). После набега на Басеан тюрки встретились с объединенными отрядами византийского правителя Васпуракана Ахарона и правителя «Ани и Иверии» Катакалона Кекавмена. Прибегнув к военной хитрости, Ахарон и Катакалон разбили тюрков у реки Большой Зав (Cedr. II, pp. 573—575). Honigmann (*Ostgrenze*, S. 179) датирует события 1048г.

Это не первый поход собственно сельджуков на Армению, спорадически подобные набеги предпринимались с начала 30-х годов. См. Агаджанов — Юзбашян, *К истории тюркских набегов*.

4. Этот поход возглавил Ибрахим Янал. Перипетиям этого нашествия Аристакэс посвятил главы XI, XII и XIII своего «Повествования». См. также: Маттэос Урхайеци, стр. 107—109, франц. пер., стр. 87—89; Cedr., II, pp. 575—580; Attal, pp. 44—45; Ibn al-Athir, IX, pp. 372— 373 sq.; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 179—181 (ошибочно датирует 1049г.); Манандян, *Критический обзор*, стр.41—46; Cahen, *Premiere penetration*, pp. 15—16.

5. Спер — седьмой *гавар* Высокой Армении, располагался по верхнему течению р. Чорох (ныне Испир). См. Еремян, *Армения*, стр. 81.

6. Аршаруник — пятый *гавар* области Айрарат, располагался по левому берегу р. Араке. См. Еремян, *Армения*, стр. 40.

7. Хаштеанк — второй *гавар* Четвертой Армении, располагался по течению Арацани, близ впадения р. Гинек (ныне Гинек-су).

8. Хордзеан — первый *гавар* Четвертой Армении, по верхнему и среднему течению р. Мевс Гайл.

9. В подлиннике стр. 684: ***. Prud'homme (p. 74) предположил, что речь идет об области Сюник (которая действительно зовется также «домом Сисака» или «Сисакан»), и соответственно перевел: «l'inondation gagna ensuite le territoire de Sicag». Но это явное заблуждение: сельджуки прошли западнее Сюника. Аристакэс же продолжает перефразировать стихи из Иеремии. В армянской версии Библии это место звучит: *** (Иерем., 25, 26), причем под Сисаком понимается Вавилон. Обе фразы армянской Библии, где упоминается Сисак (помимо приведенной, также Иерем., 51, 41), в Септуагинте отсутствуют. См. Ачарян, *Словарь личных имен*, IV, стр. 525, § 1.

10. Стремясь остаться в пределах классической лексики, Аристакэс отказывается от обычного наименования тюркских племен *турк* и зовет их персами. См., например, *новое издание*, стр. 101.14, русск. пер., стр. 108; стр. 105.14, русск. пер., стр. 110.

11. То есть в 1048 г.

12. По подсчету Prud'homme (p. 75, п. I), в 1048 г. праздник св. креста приходился на 17 сентября.

13. Мананали — пятый *гавар* Высокой Армении, вдоль течения р. Мананали (Тузлу).

ГЛАВА XII

14. Арцн — родина (или место, где он жил в период написания «Повествования») Аристокэса Ластивертци. См. вступительную статью, стр. 14.

15. В подлиннике (стр. 74.21-22): ***. По-видимому, речь идет о непосредственном товарообмене в отличие от обычной торговли.

16. В первом издании (стр. 53):***. Соответственно переводил и Prud'homme (р. 79): «Aussi les marchands etaient renommes, et elle avait pour protecteurs les rois de nations». В действительности же это выражение заимствовано из Библии (Исаия, 23, 8).

17. В рукописях сохранилось неправильное чтение: *** правильное чтение восстановлено Норайром Бюзандаци (см. *новое издание*, стр 75). Секстийпы и пиррони, *** — последователи Пиррона и Секста Эмпирика, древнегреческих философов-скептиков. Prud'homme (р. 80, п. 2) справедливо полагает, что речь идет о вероотступниках вообще.

18. Калька с греко-византийского «динат» (См. Юзбашян, «*Варяги*» и «*прения*», стр. 20).

19. Археологические раскопки в Ани обнаружили, что дома знати и бедняков могли находиться в непосредственном соседстве. См. Орбели. *Развалины Ани*, стр. 17—18.

20. Ср. описание Арцна у Скилипы: «Комополис Арцн (to Artze) многолюден и весьма богат. Среди его коренных жителей имеется множество купцов из сирийцев, армян и прочих народов. Уповая на собственную многолюдность, они отказывались жить внутри городских стен, тем более что по соседству находился Феодосиополь, большой город, обладающий прочными, неприступными стенами, хотя Кекавмен посланиями настойчиво призывал их [вернуться в город]. Когда тюрки обложили город и приступили к осаде, жители Арцна загородили улицы, поднялись на крыши и отбивались камнями, дубинами и дротиками; они прекратили сопротивление, сражаясь в течение шести дней... Ибрахим, в то время как дела шли вопреки его намерениям, и не будучи в силах осадой взять город, пренебрег богатой добычей и приказал поджечь город. Тюрки тотчас же схватили факелы, привязали к ним легковоспламеняющиеся вещества и начали швырять в дома. Когда кругом все загорелось, начались большие пожары, жители Арцна, не в силах дротиками бороться с огнем, обратились в бегство. Говорят, что погибло около 150 тыс. человек — одни от меча, другие от огня. Ибо, убедившись, что неминуемо будут перебиты, они начали жен своих и детей бросать в огонь. Захватив Арцн таким образом, Ибрахим ваял множество золота, оружия и прочих ценностей, которые не были повреждены огнем, захватил также немало коней и вьючных животных, вооружил должным образом своих людей и отправился вслед за ромейским войском» (Cedr., II, pp. 577.7—578.16). Атталиата утверждает, что Арцн в изобилии поставлял те же товары, что и Персия, Индия и «прочая Азия» (Attal, p 148.3-17).

ГЛАВА XIII

21. Каменас — искаженное кекаменоV 'обожженный'. Речь идет о Катакалоне Кекавмене.

22. Комментируя это место, французский переводчик «Повествования», солидаризируясь с мнением М. Броссе (*Histoire de la Georgie*, p. 297, n. 1; *Additions et éclaircissements*, p. 350, полагает, что Липарит — внук упомянутого в главе II вРата

(Prud'homme, p. 84, n. 1). Источники по-разному освещают генеалогию Липарита. В Карт-лис Цховреба (стр. 296; Brosset, *Histoire de la Georgie*, p. 316) говорится, что отца Липарита звали Липарит. Матфей Эдесский (стр. 109, фр. пер., стр. 88) считает Липарита братом Эрата. Прав, по-видимому, Скилица, который определенно называет Липарита сыном Oratiou tou Liparitou (Cedr., II, p. 572.18-19). Вопреки мнению Прюдома [OratioV o] LiparithV]; Скилицы и Эрат — одно и то же лицо. Ср. прим. 29 к главе II. О деятельности мятежного феодала и его борьбе против Баграта IV см. «История Грузии», стр. 148 и сл.

23. Скилица называет дату пленения Липарита 18 сентября II индикта, суббота (Cedr., II, p. 578.22-23). Индикт соответствует 1048 г., но 18 сентября приходится на воскресенье, субботе же соответствует 10 сентября, почему В. Н. Бенешевич и предлагает датировать это сражение 10 сентября 1048 г. (Бенешевич, *Три анийские надписи*, стр. 7). Непонятно, почему В. Н. Бенешевич приписывает Аристокэсу Ластивертци датировку 1049 г. Из изложения нашего автора явствует, что он относит это событие к осени того же 1048 г. Honigmann (*Ostgrenze*, S. 180) полагает, что Липарит попал в плен в 1049 г.

24. Липарит был выкуплен Константином Мономахом; подробности им. Prud'homme, p. 86, n. 1.

ГЛАВА XIV

25. Царь Сенекерим Арцруни переселился в пределы Византии вместе с сыновьями Давитом, Атомом, Абусахлом и Константином. В 1025 г. Сенекерим умер и власть перешла к Давиту, а в 1035 г., после смерти Давита, править стал Атом. См. Маттэос Урхайеци, стр. 65, франц. пер., стр. 52.

26. Имеется в виду Севастия (ныне Сивао) в Анатолии.

27. Петрос умер в 1058 г. Полагают, что это место испорчено переписчиками, — в обители св. Креста Петрос провел не два года, а семь лет. В действительности это ошибка самого Аристокэса, в противном случае пришлось бы допустить, что глава XIV выпадает из хронологической сетки. Ср. Prud'homme, p. 87, n. 5.

28. В 536 г. новеллой Юстиниана западноармянские территории были разделены на четыре Армении. Главным городом Армении Второй стала Севастия. См. Адонц, *Армения*, стр. 165 и сл.

29. Тарнтай, ныне Деренде, западнее Мелитины — Малатья. См. Еремян, *Армения*, стр. 35..

ГЛАВА XV

30. Карс — главный город Ванандского царства — был основан в 962 г. царем Ашотом III Багратуни. С 1029 г. там правил Гагик, представитель боковой ветви Багратидов.

31. Так в подлиннике, стр. 84.8: ***

32. Эту деталь подчеркивает и Скилица (Cedr., II, p. 606.11-12).

33. Набег на Карс был предпринят в 1053 г., как это явствует изначальных строк следующей главы, XVI «Повествования». Prud'homme (р. 90, п. 1) со ссылкой на «Историю Армении» М. Чамчяна датирует это событие 1050 г., впадая в безусловную ошибку. Ошибается также Honigmann (*Ostgrenze*, S. 188—189), считая, что набег на Карс имел место в 1054/55 г., тогда как, по его мнению, Скилица ошибочно датирует его 1049/50 г. В действительности Скилица повествует об осаде Карса при изложении событий 1048/49 г. Осаду Карса вел Кутлумыш, который в эти годы отложился от султана Тогрул-бека и искал пути сближения с византийским императором (Cedr., II, р. 606).

ГЛАВА XVI

34. Имеется в виду султан Тогрул-бек (1038—1063).

35. Апахуник — четырнадцатый *gavar* области Таврубера. Наряду с Карином-Феодосиополем Маназкерт был одним из опорных пунктов византийцев в Армении. В 968/69 г. Варда Фока отбил этот город у арабов племени кайса (кайсики армянских источников) и срыл стены. В дальнейшем Апахуник попал под власть курдской династии Мерванидов, и лишь в 990 г. Давит Куропалат смог занять город, «уступленный» ему Василием II. После смерти Давита Маназкерт перешел к Византии. В связи с переселением васпураканского царя Сенекерима Арцруни северная часть оз. Ван вместе с собственно Васпураканом образовала единый византийский катепанат. См. Тер-Гевондян, *Арабские эмираты*, стр. 185, 193—200.

36. В подлиннике, стр. 851: ***. Возможно и другое чтение: *** 'крепостей Апхазии'; смысл, впрочем, не меняется,

37. Ныне Пархал-Даг. См. Honigmann, *Ostgrenze*, S. 181, В. 5.

38. Имеется в виду Кавказский хребет.

39. В подлиннике, стр. 85.2: ***. *Чанэт* — армянская транскрипция груз. *** с сохранением характерного суффикса. Армянская форма — *Чанив*. Соответствует современному Лазистану.

40. Армянский Антитавр. См. Honigmann, *Ostgrenze*, S. 181, В. 7 с ссылкой на Markwart, *Suedarmenien*, S. 202.

41. Основные источники: Cedr., II, pp. 590—593; Маттэос Урхайеци, стр. 118—122, франц. пер., стр. 98—102; Ibn-al-Athir, IX, pp. 410—411, русск. пер.: «Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал-Камиль... Ибн-ал-Асира», Баку, 1940, стр. 117; Honigmann, *Ostgrenze*. S. 181—182. См.: Cahen, *Premiere penetration*, pp. 16—17; Манандян, *Критический обзор*, III, стр. 47—49.

42. По-видимому, Аристокэс имеет в виду походы 1047, 1048 и 1054 гг.

43. Ссылки и замечания по поводу соответствующего места из Библии см. Prud'homme, р. 92, п. 1.

44. Намек на Антихриста, который, согласно Библии, должен явиться из пустыни. См. Prud'homme, р. 92, п. 2.

45. Хандзэт (древнее название — Андзит) — шестой *гавар* Четвертой Армении, занимал Харбердскую (Харпутскую) равнину вдоль левого берега верхнего течения Евфрата (см. Еремян, *Армения*, стр. 36).

46. Держдан—шестой *гавар* Высокой Армении, ныне Терджан.

47. В тексте (стр. 87.22) необычное написание Цорох (вместо ожидаемого Чорох) встречается только в данном месте. Это не параллельная форма, а просто результат смешения переписчиком *** и ***, причем весьма древнего, поскольку написание с *** имеется во всех использованных рукописях.

48. Баберд — ныне Байбурт.

49. *Вранг-к* — армянская транскрипция греч. *baraggoV* 'варяги'. Правильное чтение сохранилось лишь в древнейшей рукописи Матенадарана (№ 2865, л. 275а), в то время как в прочих рукописях говорится о франках. В XI в. варяго-русские отряды располагались на восточных границах Византийской империи. См. Юзбашян, «*Варяги*» и «*прония*», стр. 15—20.

50. Гагик, царь Карский (1029—1064)

51. Туарацей Тай (Туарацатай) — седьмой *гавар* Таврубера, между верхним Араксом, Мурад-су и Бингель-су. См.: Honigmann, *Ostgrenze*, S. 181, B. 10; Еремян, *Армения*, стр. 86.

52. Авник, греч. *Αβνίκον*; крепость входила в фему Феодосиополя-Карина; ныне деревня Авник (турецк. Дживан-кале). См. Еремян, *Армения*, стр. 42.

53. Ду расположено на границе между Карином и Басеаном; ныне Бойук Туяа. Подробнее см.: Адонц, *Армения*, стр. 23, прим. 1; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 181, B. 12.

54. Это был Василий Апокавк. См.: Cedr., II, p. 591.4; Маттэос Урхайеци, стр. 119.

55. *Жамахар* — деревянная доска, по которой били молотком, созывая к молитве.

56. *Пиликуан* — род тарана.

57. В первом издании (стр. 69): *** 'а на следующий день Ортилмез, который был предводителем войска'. Используемые в новом издании рукописи (стр. 92.14) подсказали иное чтение: ***, 'а на следующий день предводитель отряда дейлемитов' и т. д., то есть речь идет об отряде дейлемитов, участвовавших в сельджукском походе, — явление для XI в. обычное. Данное место — единственное, где сохранилась форма Делмк (род. п.— Делмиц) для обозначения Дейлема.

Маттэос Урхайеци (стр. 119, франц. пер., стр. 100) называет этого дейлемитского вождя Оскецам 'златокудрый', Скилица (p. 591.6-7)— хорезмским ханом: *Alkan o twn Swgrasiwn hgeton*. См. Юзбашян, *Дейлемиты*, стр. 146—148.

58. Греческий огонь?

59. В подлинном тексте (стр. 92.25): *тлтабер*, то есть букв. 'доставляющий послание'. Аристакэс очень верно передает смысл греко-византийского *mandatwr* и не смешивает его с военным титулом мандатора. Реконструированная форма *** вместо

*** может быть оспариваема; не исключено, что уже в тексте самого Аристахеса (а не последующих переписчиков) греч. *d* подвергалась характерному для западноармянского наречия оглушению.

60. Арцкэ на северном берегу оз. Ван, то же, что и Арцак.

61. Бзунийское море — одно из названий оз. Ван.

ГЛАВА XVII

62. Константин Мономах правил с 1042 по 1055 г.

63. Имеется в виду императрица Феодора (1055—1056).

64. Первоначально наименование *тачки* применялось к арабам, впоследствии к мусульманам вообще. В данном случае речь идет о сельджуках и султানে Тогрул-беке.

65. Переговоры о мире вел еще Мономах, находившийся под впечатлением похода 1054 г. (Седг., II, pp. 580—581). Возможно, что в течение некоторого времени пятничная молитва в мусульманской колонии Константинополя произносилась в честь Тогрул-бека, а не фатимидского халифа. См. Саhea, *Premiere penetration*, p. 16.

66. В 1055 г. Тогрул-бек занял Багдад, находящийся, как известно, на месте древнего Вавилона.

67. См. прим. 31 к главе X. Гандзак (ныне г. Кировабад в Азербайджанской ССР) попал под власть Аб'ул-Асвара в 1049 г. См. Minorsky, *Studies in Caucasian history*, p. 59 sq.

68. Имеется в виду вест Ахарон, правитель Васпуракана, о котором шла речь в главе XIII.

69. В подлинном тексте (стр. 96.18-19): *** Это загадочное место толкованию почти не поддается. Можно лишь предположить, что у вчерашних кочевников имя Ахарон не вызывало ассоциации с классическим *** и они транскрибировали его каким-либо иным способом, но с неизбежным присутствием *** и ***. Близость начертания этих двух знаков и могла привести к звучанию Аван. В переводе В. Н. Бенешевича — «сын Ахарона, которого они называли Аван на своем языке, отбрасывая букву». См. Бенешевич, *Три анийские надписи*, стр. 9, прим. 2.

70. Ныне г. Ахлат, близ северо-западного берега оз. Ван, в *гаваре* Бзуниб. Здесь правила курдская династия Мерванидов. См. Тер-Гевондян, *Арабские эмираты*, стр. 193 и ел.

71. *Гюлакалак* — деревня-город, калька с греч. *kwtopoliV*

72. Манкан Гом — букв. 'детское стойло'. Точно не локализуется.

73. Деревня была расположена на берегу Арацани (Мурад-су).

74.. Анийское царство со столицей в Ани, Васпураканское царство со столицей в Ване, Ташир-Дзорагетское царство со столицей в Лорэ и Ванандское со столицей в Карее.

ГЛАВА XVIII

75. Qeodora от JeoV 'бог' и dwrew 'приносить в дар'.

76. В первом издании (стр. 78): ***, 'каждый в свой дворец'. В использованных рукописях, однако, повсеместно встречается *** *эбайат*. Руководствуясь этим, в новом издании (стр. 101.18) мы восстанавливаем ***, полагая, что *байат* означает 'дом', 'дворец' и происходит от араб. ***, мн. ч. ***.

77. Аристокэс имеет в виду набеги отрядов Самуха. Самух участвовал в походе Тогрул-бека 1054—1055 гг., обосновался в южном Азербайджане и оттуда совершал нападения на армянские и византийские области. Вместе с ним в качестве союзника некоторое время выступал предводитель норманнской дружины Эрве, ErbebioV o FraggorwloV. Союз этот скоро был нарушен, Эрве был схвачен в Хлате и выдан тамошними Мерванидами Византии. См.: Cedr., II, pp. 616— 619; Cahen, *Premiere penetration*, p. 22. При Михаиле Стратиотике против Самуха сражались три тагмы наемников и тагмы Колонии и Халдии. См. Cedr., II, p. 625.9-10. О действиях Самуха в 1059 г. см. ниже.

78. На границе между Басеаном и Карином. См. Еремян, *Армения*, стр. 56.

79. Михаил Стратиотик (1056—1057).

80. В подлиннике (стр. 103.18): ***, греч. roga.

81. Исаак I Комнин (1057—1059).

82. 1 сентября 1056—31 августа 1057 г. Согласно Скилице, (р. 623.2-3), Исаак был провозглашён императором 8 июня 1057 г., в X индикт, что отлично согласуется с подсчётами Аристокэса.

83. Исаак был провозглашен императором в Пафлагонии, в столицу он вступил по истечении почти трех месяцев, 1 сентября 1057 г., когда сломил сопротивление войск, остававшихся верными Михаилу Стратиотику.

84. Ерээ находился на границе между Аршамуником и Хаштеанком. См. Адонц, *Армения*, стр. 15—16.

85. Ёланц Берд 'замок ланей', находился против горы Карер (древняя форма Кохэр), на левом берегу р. Гойнук. См. Адонц, *Армения*, стр. 16.

86. По-видимому, имеется в виду domestik востока Феодор, которого Михаил Стратиотик назначил стратигом-автократором, вверив ему командование всеми правительственными войсками. См. Cedr., II, pp. 627-628.

87. Елнут то же, что и Еланц Берд.

88. Pnid'homine (p. 112, n. 1) полагает, что это был Катакалон Кекавмен. В действительности, Катакалон примкнул к Исааку Комнину и, если бы выполнял функции наместника Ани, вряд ли стал бы защищать интересы правительственной администрации.

89. Деревня и поныне зовется Блур. См. Еремян, *Армения*, стр. 45.

ГЛАВА XIX

90. В подлиннике (стр. 110.23): ***. Вопреки мнению Prud'homme (р. 116, п. 1), имеется в виду территория не Армянской Месопотамии (с Нисибинном на востоке, Эдессой на западе), а фема Месопотамия — Миджагетк, основанная Львом VI Мудрым севернее Месопотамии Армянской. См. Honigmann, *Ostgrenze*, s. 69—72.

91. На левом берегу Евфрата (Prud'homme, р. 117, п. 1). Как в первом, так и в новом издании Аристокэса это название по ошибке набрано со строчной буквы и в указатель не попало.

92. Эти события имели место летом 1057 г.; в главе XXI говорится об осени того же года.

ГЛАВА XX

93. В подлиннике (стр. 112.15-16): ***.

94. Все изложение согласуется со сведениями византийских авторов. См.: Cedr., II, pp. 623—638; Attal., pp. 53—59.

95. Имеется в виду 1057 г.

XXI

/113/ ГИБЕЛЬ МЕЛИТИНЫ—ЦВЕТУЩЕГО ГОРОДА

Господь воспользовался Туркастаном и Персией как орудием наказания, а не назидания и с их помощью вынес нам справедливый приговор. [...]

/115/ На разорение прочих городов и *гаваров* уходило меньше времени — десять дней, чуть больше или меньше. Город, о котором идет наша речь, пока не был разрушен, был подобен [116] трехлетнему тельцу в расцвете сил, был нежен и приятен, как Моавия. Купцы его, которые восседали на престолах из слоновой кости, пригубляли чистое вино и умащались благовонным елеем. [...]

/116/ Когда этот горестный год склонился к осени ¹, а ромеи были еще заняты враждой между императорами, в месяц *аре* ² из Персии явилось другое войско, но я не знаю, состояло ли оно из прежних [воинов] или новых. Они так осторожно прошли по безлюдным местам, что их никто не заметил, прибыли в *гавар* Камах ³ и там разделились. Одна часть направилась к Колонии ⁴ и, согласно своим обычаям, разграбила страну, о чем мы узнали, когда они возвращались обратно. Другая же часть занялась Мелитиной и подошла к ней ночью. Гарнизон города составлял полк ромейских всадников, и, когда неприятель подошел, они совершили неожиданную вылазку. При столкновении стороны нанесли друг другу большие потери, а когда бой разгорелся, спаслись лишь те, кто сумел выбраться из города, а вслед за ними устремились оставшиеся в живых воины. Всех тех, кого [враги] захватили в городе, перебили. Они оставались в Мелитине 12 дней, разрушив до основания город и окружающие его *дастакертъг*. Таково было возмездие за гордыню [жителей Мелитины], исходящее от неподкупного и справедливого бога, который воздаст каждому по делам его. Когда о бедствиях, постигших Мелитину, /117/ узнали в *гаварах*, расположенных ниже Екелеаца, куда неприятель подошел ночью, там собрались большие отряды лучников и заняли узкие проходы. Других дорог неверные не знали, и, поскольку горы были покрыты густым снегом, они в беспомощности оставались там

все пять зимних месяцев, до наступления *навасарда*⁵. Жители же утратили надежду на спасение, и память о совершенных [неверными] страшных злодеяниях осталась для передачи из поколения в поколение. Расправляясь с несовершеннолетними юнцами, их подталкивали дротиками и стрелами, тяжко ранили и убивали, и милосердие не проникало в их душу. Я уж не говорю о детях, которых вырывали из родительских объятий и разбивали о камни. Нужно ли описывать надругательства над целомудренными женами [117] и возвращенными в домашних покоех девами? Исчислишь ли невероятные бедствия, постигающие [народ], когда господь покидает его?

Врагам перестало хватать пищи, скоту — корма, и понуждаемые необходимостью, они поднялись к Хордзеану. Из опасения перед ними дороги перекрыли, снег густым слоем покрывал землю, поэтому они отправились двумя [партиями]. Впереди двигались табуны коней и мулов без поклажи, которые расчищали путь, а за ними гнали пленных и обоз. Так дошли до пределов *гавара*, до деревни Мормреан⁶. В этой деревне была цитадель, и там собрались все местные жители. Персы подошли и сделали привал, ибо полагали, что там имеется конница. Они плотно утоптали снег и приготовились к бою. Их предводитель вышел перед цитаделью и начал вести переговоры с начальником крепости. Снег был устлан многими коврами. /118/ Усевшись на них со щитом впереди, он кичливо исторгал страшную хулу. А начальник цитадели выбрал подходящий момент и, когда тот отодвинул щит, попал ему стрелой прямо в горло, и он мгновенно был убит. Ромейское войско напало на [противника], они начали трубить в рог, и при этих звуках неверные обратились в бегство. Находящиеся же в цитадели привели туда пленных и добычи, сколько было возможно. Но ромеи дальше не двинулись. Когда персы увидели, что их никто не преследует, они возвратились, перебили тех, кто захватил их добычу, остальных взяли в полон и повернули обратно. Они подошли к пределам Елнута, но там подверглись нападению. [Жители Елнута] освободили многочисленных пленных и, захватив добычу, вернулись в цитадель. Когда же эти кровожадные звери в смятенном состоянии вошли в пределы Тарбна, с горы Симн спустился отряд — [этих воинов] обычно зовут санасунами по имени их предка⁷. Они напали на персов, одержали победу и перебили всех. Отобрали добычу и пленных и, славя господа и ликуя, вернулись к себе⁸.

В этот год сожгли великолепную обитель [во имя] святого Предтечи, которую великими трудами выстроил Храхат⁹, один из чиновников великого Григора сына Васака¹⁰, когда [еще [118] армяне] были хозяевами в стране. Сожгли церковь перед обителью святого предтечи, которую он в великолепии основал во славу и честь великого мученика и предтечи Христа, также и другие строения и деревянную церковь, которую зовут святым Григором. Все это случилось в 507 год нашего летосчисления (7 марта 1058—6 марта 1059 г.).

XXII

/119/ О НЕЧЕСТИВОЙ СЕКТЕ ТОНДРАКЦЕВ, КОТОРАЯ ОБЪЯВИЛАСЬ В ГАВАРЕ ХАРК И МНОГИХ ЗАРАЗИЛА СМУТОЙ

Епископ Йакоб, стоявший во главе церковей области Харк, в начале своего правления выдавал себя за праведника. Он носил вретисце, постился, ходил босым. И подобрал себе иереев, которые неотступно следовали за ним в грубой, суровой одежде, отказывались от изысканных яств и все время отдавали пению псалмов. Таким образом Йакоб повергал в изумление как дальних, так и ближних, и каждый стремился увидеть его. Отдавшиеся ради власти дерзкой гордыне и нечестивости изъявляли ему покорность, и, если бы даже он приказал вынуть душу, никто бы не

противился, не осмелился бы раскрыть рот и выдавить звук. Но все это было притворством, а не истиной, и плод познается по дереву» как слышали мы от господа. Подобно этому пишет и апостол, говоря: «Сам сатана принимает вид ангела света. И удивительно ли, что служители его принимают вид апостолов Христовых» (Ср. 2 Коринф., 11, 13-14.). Так, например, когда в домашнюю пищу подмешивают яд и [кто-нибудь] приступает к ней словно к [здоровой] пище, смертельное зелье сражает его. Точно так же рыболовы насадкой скрывают крючок, чтобы на него попала соблазненная приманкой рыба. Таковы же слуги нечестия. Они не осмеливаются обнаружить перед кем-либо гибельную бездну, [в которую катятся], — /120/ кто бы согласился, даже [119]

будучи совершенно лишенным разума, доброхотно погрузиться в пучину, откуда нет исхода? Посему для обмана обделенных мужеством они прикрываются нашей благочестивой верой и сладким словом соблазняют мысли невинных. И слова их подобны раку. Трудно лечить эту болезнь, и точно так же охваченные [нечестием] едва выздоравливают [...] /121/ Но хватит об этом. Нам пора обратиться к повествованию, дабы сказанное показалось убедительным.

Итак, с тех пор как обрела силу добрая, но не соответствующая действительности слава, которую распространяли о нем неразумные люди, этот Иакоб, главный приспешник и единомышленник отца всеобщего зла, начал поражать нашу веру стрелами, на которые были насажены острия из орешника ¹¹. Ибо он был весьма речист и красноречием очаровал слух многих, надеясь нарушить основание святой церкви. И не вспоминая повеление божье и непреложный завет Петру: «Ты камень, и на сем камне Я создаю церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (Матф., 16, 18), не верил ему, но воспринял [эти слова] как речь некоего смертного. Поэтому он рванулся в бой, /122/ полагая состричь славу церкви (как поступила в древности та блудница с волосами Самсона, чтобы выдать чужеземцам непобедимого мужа), то есть [выдать] отвергающим истину святую церковь, которую честной кровью своей обрел господь наш Иисус Христос, увенчал и украсил всепобеждающим крестом, установил в ней алтарь таинства, подобный древу жизни Эдема; и плоды его, дающие бессмертие, мы непреложно признаем телом творца, согласно его недвусмысленному завету: «Ядущий мою плоть жить будет вовек» (Иоан., 6, 56—58.).

Но обрати внимание на ловкую хитрость Иакоба: со змеиным коварством он ищет, как бы здоровых в вере напоить гибельным ядом. Прежде всего он начал выбирать иереев по достоинству, а недостойным приказал умолкнуть. Это многим пришлось по душе, и тогда он придумал новое — повелел, чтобы достойные иереи лишь три раза в году служили литургию. И хотя [120] в Никейских положениях сказано: «Хоть и грешен весьма, но следует принять его исповедь, причастить к телу и крови господа, удостоить обедни и всех христианских обрядов» ¹², он к этому отнюдь не прислушался, но поучал следующим образом: если сам согрешивший не покается, ему не помогут ни поминания, ни обедни, А его приспешники издевательски смеялись, выводили на середину животное и говорили: «О несчастное четвероногое! Тот согрешил в свое время и кончился, чем же ты виновато, что умираешь вместо него?» При этих обстоятельствах народ разделился надвое, одни /123/ принимали это, другие нет. Все были в замешательстве и сомнениях и пытались найти выход. А те, кто в то время в пустынях и пещерах своим постоянным покаянием служили воле божьей, великими рыданиями и слезными мольбами просили милостивого вмешательства доброго господа. Дважды [по его поводу] собирались многие отцы и архипастыри, иереи и беспорядочные толпы, коим нет числа, но лицемерный образ Иакоба опутал всех *ишханов гавара* словно цепями, и они поклялись скорее умереть в бою, чем выдать его собору. Он же восседал в доме подобно Несторию и через посредство вестников запальчиво отвечал собранию, уповая на помощь *ишханов*, а не бога. И не припомнил он псалма Давида: «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на

князей» (Псал., 147, 8.). Этот злодей надеялся побороть истину с людской помощью, но господь не допускает, чтобы палица грешников вторглась в пределы праведников, и, дабы праведные не потянулись ко злу, он выполняет волю богобоязливых и внимает их мольбам. Он усмиряет бурю, в засуху вызывает дождь, и это молитвами [даже] одного праведника. Он [некогда] посетил нас и спас народ свой. Тот, кто в глубокой мудрости издали зачинает великие дела, и ныне распорядился наиболее полезным при данных обстоятельствах образом. А было так.

Некий иерей по имени Есайи, из *гавара* Карин, [происходивший] из благочестивого рода, поначалу примкнул к *Йакобу*, но, видя, что вокруг последнего проснулось /124/ столько страстей [121] и волнений, начал приглядываться к нему с большим вниманием. Был он муж мудрый и, выказав *Йакобу* большую привязанность, стал одним из его доверенных. Но, ознакомившись с его нечестивым ¹³ учением, он незамедлительно отправился к святому патриарху Саргису и поведал ему об этом. Тот выслушал, постиг суть дела и, сладкими речами призвав к себе это ничтожество, воздал ему по заслугам: лишил священнического сана, прижег лицо лисьим знаком ¹⁴ и при этом поучал: кто изменяет вере святого Просветителя, приползает к лжеучению тондракцев, проникает в стаю зверей в образе людском и приобщается к ней — пусть понесет подобное наказание! И приказал заточить в тюрьму этого жалкого человека. Надеялся, что тот, быть может, раскается и решит отойти от нечестивой ереси, ибо весьма сожалел о пропащей душе. Но, согласно словам Иеремии, огонь не сможет забыть о своем горении, ефиоплянин — о черной коже, а барс — о пятнистой шкуре; так и зло не забудет о том, что оно делает злое (Иерем., 13, 23.). Ночью *Йакоб* проломил [стену] темницы, бежал и, проникнув в страну греков, явился в царственный город Константинополь. Он злословил по поводу нашей веры и просил, чтобы его крестили по их обряду. Но они мудро осведомились и, догадавшись в чем дело, отказались. И сказали: «Мы не примем того, которого [сами] армяне отвергли ради веры и унизили». Таким образом, когда это ему не удалось, он спустился в *гавар* Апахуник, в обиталище сатаны, место собрания богоотступников, загон для зверей, который зовется Тондрак, и на некоторое время нашел там тайное логово. /125/ Говорят, однако, что вследствие крайней нечестивости и эти его не приняли. Поэтому он поднялся на гору у Хлата, и в *агараках* и дальних местах нашел своих, и там на некоторое время обосновался. Прожил там дни свои, затем отправился умирать в город Мухаркин ¹⁵. Не следуя законам писания, не подчиняясь [уложениям] христиан, он должен был стать отверженцем. И погиб он, как осел, [122] и мертвец был предан земле ¹⁶, оставив по себе недобрую память. Ибо всякий, кто услышит эту историю, пошлет вослед ему проклятия!

XXIII

НАДЛЕЖИТ ПОВЕДАТЬ О ТОМ, КАК И В ПРЕДЕЛАХ МАННАЛИ ВСПЫХНУЛО ПЛАМЯ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Близ *бердакалака* Ширни ¹⁷ проживал некий инок Кунцик, а деревню ту и поныне зовут по его собачьему имени. Был он преклонных лет, и в нем бродило нечестие, ибо просвещался у какого-то монаха-любодея, который представлял себя выходцем из Албании ¹⁸; [на самом же деле] он был первенцем сатаны и хранилищем его замыслов. Из рта его, словно из горнила преисподней, постоянно выбивался жаркий дым, и многие погибли, вкусив этого лекарства. Итак, этот Кунцик, будучи ревностным служителем сатаны, изловил женщину по имени Хранойш, а она происходила из первенствующего и знатного рода и владела *агараком*. Хранойш пропиталась исходящим от него губительным ядом, но, не довольствуясь собственным падением, многих обратила в прислужниц своего заблуждения. И прежде всего двух женщин, происходящих из той же фамилии, причем одну из них звали Ахни, а другую —

Камарай, и она воистину была исполнительницей /126/ воли сатаны ¹⁹. Обе родные сестры, распаленные скверной беспутства, благодаря своему колдовскому ремеслу, что является обычным для этого сборища, обратились в проповедниц [замыслов] сатаны. Этими женщинами воспользовался отец всеобщего зла, а они, согласно псалму, «изострили язык свой, как меч; напрягли лук свой в горьких деяниях» (Псал., 63, 4.), дабы направить стрелы в праведные сердца. Нанеся удары, они метко ранили многие невинные души. На правах наследственной вотчины эти женщины владели двумя деревнями, которые обратили в пещеру и надежный стан для злобного дракона, а Кунцик, водворившись, излил туда [всю] свою желчь. А эти женщины прислуживали ему [123] и увлекли к гибели окрестных жителей, как о подобном писал Моисей: «Гнев драконов — вино их, а гнев аспидов не поддается лечению» (Второзак., 32, 33.).

Некий *ишхан* по имени Врвэр стал послушным собратом этих колдуний, [тогда как] в прошлом он был здоров в вере, отличался благочестивостью и даже выстроил в своем наследственном владении обитель. Собрав там братьев-пустынников, он наделил их обширными [земельными владениями] и избавил от нужды. Их настоятель по имени Андрэас был весьма прославлен в аскетических упражнениях. Ежегодно, во время сорокадневного поста, *ишхан* прибывал к нему, оставался до великого дня пасхи и оказывал отшельникам множество услуг. Он, казалось, превосходил всех готовностью насытить неимущих и своей /127/ покорностью иереям. Но зло подцепило его на крючок через посредство этих женщин, которые безраздельно предались грязному с ним любодению, позабыв о кровной близости ²⁰. [Подобные] женщины становятся гибельным логовом [для всех, кто общается с ними]. [...]

Попав к ним в тенета, этот несчастный Врвэр утратил благочестие, лишился веры, стал противиться богу и святым его. Он покинул господя, породившего его в святой купели, забыл бога, телом и кровью своей вскормившего его. Покинул дом, лишился чести, забыл божественный обет, удалился от подвижнических установлений. А в собрании духовенства этой местности, выстроенном им некогда с великими затратами и трудом, где хоры псалмопевцев и сонм служителей сладкими песнями /128/ созвучно с небесным воинством благословляли бога, ныне умолкли песни, место это обратилось в пустынные руины. Так что же дальше? Несчастный сошелся с женщинами, в коих поселился злой бес, и тогда они увлекли за собой жителей *агараков*, принадлежавших им, — о них мы упоминали выше, называется же один Кашэ ²¹, другой — Алюсой ²². И, охваченные бесовским неистовством, они снесли церкви, которые издавна соорудили в своем змеином логове. И встречая на полях знак нашего спасения и оружие победы господя, с помощью которого [124] он победил смерть, а мы избавились от речений злобного врага, знак, могущество которого превозносил, пренебрегая [значимостью земных] существ, Павел, говоря: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом господя нашего Иисуса Христа» (Галат., 6, 14.),— они, выступая поборниками интересов сатаны, породившего их, бесстыдно уничтожали этот знак. Но, вспомнив о кресте, я включу в повествование и прочие рассказы о чудесах, дабы повергнуть в трепет всех слушателей.

Близ горы Пахрай, которую ныне зовут Гайлахазут ²³, при предках был *аван*, который называли Базмалбюр ²⁴. Там же во всем великолепии установили божественный знак. И переименовав во имя креста, и поныне зовут [этот аван] Хач ²⁵. В день великой пятидесятницы, в ночь под новое воскресенье, туда прибыли эти добровольные слуги сатаны, молотом нанесли удар по венцу богоприимного креста, раскрошили его и повергли наземь. Сами же убрались в свои глухие, змеиные логова. Даже небеса поразились этому, а разгневанную землю охватила дрожь. Арусак ²⁶ оплакала /129/ это деяние, а вечерняя звезда затуманилась печалью. Когда утром, как положено, дьякон стал перед крестом, чтобы начать службу великого воскресенья, и взорам его предстало ужасное зрелище, он схватился за ворот, разорвал одежду и громкими криками стал призывать тамошних жителей, чтобы немедленно собрать их

перед этим зрелищем. При виде этого они оторопели, подняли вопль, стали бить себя в грудь и пятиться. Мужчины и женщины, старцы и юноши вместе зарыдали. Они пребывали в подобной тревоге, пока в них неожиданно не проснулось сознание — в соответствии с несказанной божественной мудростью. Ночью, когда это случилось, неожиданно выпал снег и покрыл землю сплошь белым. Следы нечестивцев оказались запечатленными на снегу и вели в их логова. Немедленно дали знать блаженному архиепископу ²⁷ Самуэлу, который, прознав об этом, прибыл туда со множеством людей. Он призвал епископа, дьяконов и [вообще] святых отцов *гавара* и вместе с ними, прибыв на место, предал огню пещеры [еретиков], проклял их имущество и все, что [когда-либо было] им поднесено, как в древности Иисус поступил с Иерихоном, дабы никто не осмелился взять что-либо. И шестерых из них, которых считали *вардапетами* зловерной и нечестивой веры, взял под арест и прибыл в *гюлакалак* по имени Джермай ²⁸. И приказал запечатлеть на их лицах лисий знак, дабы этот знак оставался на них вечно и делал [их] известными каждому. И чтобы никто по наивности с ними не общался, а чтобы преследовали как злых зверей, [уводя] от людей [прочь]. Затем благословил людей, которые помогли ему, и отпустил их с миром.

/130/ Когда же наступило лето, царь прислал [верховного] судью страны по имени Елиа. Елиа прибыл в *гавар* Екелеац, и ему навстречу вышел страшный злодей Врвэр, начал поносить почтеннейшего архиепископа Самуэла и прочих епископов, входивших в его окружение, мол, разорили они мой дом, а деревню предали огню и уничтожили. К тому же архиепископ обязал их к уплате значительной суммы денег и имущества. Узнав об этом, судья разгневался пуще прежнего и выслал солдат, чтобы они поспешно доставили к нему блаженных епископов. Когда воины прибыли, архиепископ отправил грамоты ко всем церковнослужителям, иереям и пустынножителям, чтобы они, не раздумывая, прибыли к нему. Когда эта весть дошла до них, она показалась им знаком, исходящим от божественного провидения. Собралось такое множество иереев, а еще больше мирян, что я не в силах подсчитать их количество. И вся эта толпа прибыла к берегу Евфрата, где с ним смешивается Мананали. В это время начался ливень, и от дождевых потоков проснулся Евфрат и, вздувшись, пошел волнами. Солдаты же подвели судно и торопились перевезти старца — епископа Самуэла и его племянника по брату Тэодороса на ту сторону, в *аван* по имени Котэр ²⁹, поскольку там находился судья. Но народ вцепился в епископов и не отдал их солдатам. Солдаты сказали мирянам: «Сначала перебросим этих, а затем и вас, народ». Уговорили мирян, подхватили епископов и на судне переправили на ту сторону. Когда же судно остановилось, [судья немедленно] бросил епископов в темницу. [126] Когда народ догадался об их хитрости, /131/ о том, что они не вернули, как обещали, судно, они громкими голосами и поощрительными возгласами начали воодушевлять друг друга, что [лучше] перейти [реку] и погибнуть в воде, чем слышать слова порицания, обращенные к проводникам веры. Время было вечернее, солнце вобрало в себя лучи и клонилось к закату, уступив место небесным созвездиям, и тогда вышли вперед сонмы иереев и разделили воды не символом креста, но имея в руках сам победный знак божий. Взобрались на плечи [друг другу], твердой верой одолели бушующие массы воды, которая стала подобна буйному коню, усмиренному поводьями, и позволила народу перейти, причем из этого множества никто не пострадал. Совершив переправу, они все утро пели богу хвалебные гимны, имея во главе хора непорочную Марию, то есть святую церковь, а в руках у них были литавры, то есть истинная вера. И были они не безголосы и не искусны, словно облитые скверной ереси, а охваченные жаром горячей веры в святой дух, отдались звонким песням, которые сливались с рокотом Давидовым и звучали у всех в ушах: «Воспойте Господу новую песнь, ибо Он сотворил чудеса» (Псал., 97, 1.) и следующие за ними слова. И всю ночь они провели в громкозвучных молитвах к богу.

Когда судья узнал о божественном провидении и о чудесах, он понял, что господь отметил наш народ вниманием. Великое чудо повергло его в дрожь, он обратился к

молитвам и призвал на помощь бога, мол, не хотел бы по невежеству лишиться твоего, господи, правосудия. Когда наступил день (а было воскресенье), /132/ он отправился в епископское подворье, называемое Пррис³⁰, учредил праведный суд и привлек главарей этого сборища. Недостойного преступника Врвэра обязали явиться на суд. Есть такое животное, называемое хамелеоном; чтобы спастись от охотников, оно, говорят, окрашивается во все цвета. Так и он. Когда истина восторжествовала, он понял, что не в силах сопротивляться: на рассвете тьма исчезает, когда же выясняется истина, [127] ложь гибнет. Что же он предпринимает и к каким прибегает средствам? Обещает стать ромеем, его усыновляет епископ по имени Еписарат, причем Врвэр подачками пленит его мысли. [Этот епископ] является на судилище, умоляет уступить [Врвэра] ему, к тому же склоняется и судья, ибо брат нечестивца своим ишханским достоинством и отменной храбростью принадлежал к избранным и был известен царю, что и учел судья. И поэтому он вверяет его епископу, как тот и просил. А прочих сообщников Врвэра изгнали, наказав ударами и поркой и разорив их дома. Собрание благословило судью, и [все] разошлись с миром.

Но божья кара опередила Врвэра: он ускользнул от [людского] наказания, но не смог уйти от божьей десницы. Тело его, как и Ирода, неожиданно воспламенилось жаром, пальцы рук высохли и отказались подносить пищу [для насыщения] тела. Но если даже он [пытался] вкусить пищу, то она не проходила, и до смертного дня он изрыгал ее обратно. Затем и тело покрылось проказой, но он не раскаялся, не вспомнил былого благочестия. Продолжал руководствоваться той же дьявольской ересью, пока не кончился. Телесные муки постоянно напоминали о геенне, в которой ему предстояло терзаться.

/133/ Но мы сочли неуместным описать отвратительную³¹ деятельность еретиков, ибо она преисполнена скверны. И поскольку слух не у каждого стоек, упоминание о многих прегрешениях увлекает внимающего и даже подталкивает его к подобным действиям. Но вот что о них известно и о чем нам следует сказать. Они не приемлют церковь и церковный чин, [не признают] ни крещения, ни великого и страшного таинства литургии, ни креста, ни поста. Но мы, истинно верующие в святую трицу, должны быть тверды в исповедании незыблемой надежды, которую усвоили от святых отцов. Так отвратим же лица от их богоотступнического сборища, посылая им [лишь] проклятия! [128]

XXIV

ОБ ИЗБИЕНИИ МЕЧОМ ПРОСЛАВЛЕННОГО НА ВЕСЬ МИР ГОРОДА АНИ

[...] /134/ Бедствие, постигшее Арцн, случилось совсем недавно, и время не успело затмить о нем [память]. Многим пришлось видеть [это] своими глазами и слышать об этом — ведь после немало стран и городов избежало гибели. И тем не менее в мыслях своих дерзнули ослушаться и в гордыне своей восстали — не против человека, но бога, который способен сокрушать высокие башни, а укрепленные города обращать в холмы из праха. Не задумались, пренебрегли страхом божьим и его грозным предупреждением. Сочли, что иссякла горечь гнева, которой призваны напоить грешников. Крепость же Ани и дщери ее были вскормлены в сугубом нечестии, вопреки [воле] небес они отдались безудержному веселью, так что бог направил против города персидского царя, дабы выяснить, что /135/ там творится. И началась война в Армении, так что [противник] смог расширить пределы своей страны и овладеть другим царством. То был 513 год нашего летосчисления (5 марта 1064—4 марта 1065 г.).

Царь ³² прибыл с бесчисленным войском и отменным снаряжением. Он вступил в нашу страну и внушил ужас и страх ее дальним и ближним жителям. Пожирал и сокрушал многие области и наконец подошел к городу, преисполненному своих грехов ³³. Он поставил шатер свой против города Ани, а армия его распространилась по всей стране. Настойчиво измышлял средства, чтобы распахнуть железные ворота и сорвать медные запоры, которые препятствовали ему. Но затем впал в отчаяние, ибо крепость казалась несокрушимой, и, хотя атаки становились все ожесточеннее, собрался отступить. Но не ведал того, что господь породил среди защитников и *ишханов* раздоры и распри ³⁴, начались смута и разногласия. И вот они отказались от боевых действий и [129] обратились в бегство. Отдались страху, забыли родственников и ближних друзей, каждый был охвачен ужасом. Видя это, осаждающие бросились прямо на стены, они нахлынули на город, подобно волнам бушующего моря, и, никого не щадя, пустили в ход персидский меч. Пытаясь спастись, множество мужчин и женщин кинулись к царскому дворцу ³⁵, прочие же устремились к крепости, которая зовется Нерки Берд ³⁶. Когда врагам стало ясно, что укрепившиеся в городе неспособны к [сопротивлению] и им не хватает воинов, пищи и питья, они тут же окружили осажденных и вынудили выйти [из своего убежища].

/136/ Там можно было видеть горе и смятение, охватившее всех без различия возраста. Младенцев вырывали из материнских объятий и разбивали о камни, матери орошали детей своих кровью и слезами. Один меч поражал отца и сына, старцев и юношей, священников и дьяконов настигала смерть от одного оружия. [Трупы] до предела заполнили город, пути пролагались по телам убитых. Множество перебитых, бесчисленные трупы — и большая река, протекавшая близ города, окрасилась кровью! Свои могилы убитые нашли [в чреве] диких и домашних животных, ибо некому было похоронить и засыпать их землей. И вот от липкой грязи свершенных там преступных деяний стройный, великолепный дворец воспламенился и превратился в холм из праха. Вот тогда был положен конец ростовщическим делам и плутням! ³⁷.

Таков удел неправедных городов, которые обстраиваются ценой крови чужестранцев, процветают за счет пота бедняков, ростовщичеством и несправедливыми сделками укрепляют свои дома. Безжалостные к неимущим, они стремятся лишь к веселью и неге, не чуждаются грязных дел, они опьянены [недостойными] желаниями. Что станет с ними, когда постигнет их гнев господний? Они погибнут, растают, как воск от огня, будь то царь или *ишхан*, как нам известно из писания.

Персидский царь овладел множеством *заваров* и с несметной добычей вернулся в свою страну. [130]

XXV

/137/ О ГРЕЧЕСКОМ ИМПЕРАТОРЕ, ПОЛОНЕННОМ ПЕРСИДСКИМ ЦАРЕМ

Не следовало рассказывать о непостижимых явлениях, описывать события в то время, когда мы не располагали повествующим о них сочинением, [браться за труд] без чьей-либо просьбы, да и превосходящий наши возможности. Поэтому мы прошли мимо многих важных событий, которые имели место в те времена, оставив их более сведущим и мудрым: быть может, кто-либо из них обратится к [их описанию]. Таким образом, я раззадорю тех, кому это под силу. Но преступно было бы обойти молчанием битву между двумя царями, посему в немногих словах мы опишем эти великие события.

Если считать с Константина Великого, Диогэн ³⁸ был шестидесятым или около того императором. Он видел, что персидский царь захватил немалую часть его империи, разогнал греческих наместников, а затем с великой добычей и пленными вернулся в свою страну. И через десять лет, отдавшись порыву, обладая мужественным характером, греческий император решился на войну, дабы не показаться трусливым и не оставить после себя дурной памяти. В великом и грозном гневе прошел он по морю, словно по суше, занял провинцию Вифинию и собрал вокруг себя великое множество [войска], ибо обширные пределы империи—от финикийских долин, где находится Антиохия Великая, до крепости Ван и страны Рштуник ³⁹ против Хера — находились пока под его властью. При виде такого множества войска, собранного в одном месте, он /138/ возгордился и счел, что земным царям его не одолеть. И не вспомнил он слов пророка, что не множество войск спасет царя и не могущество великана, но десница всемогущего. В голове у него родился нелепый замысел, множество войска вместе с военачальниками он отправил по другой дороге, а сам с великим ополчением взял путь на восток, прибыл в великий город Феодосиополь и там сформировал конницу. Велик грех, если преступник перестает [131] быть сыном [божьем] и в деяниях своих лишается разума. Но хуже гордыня, которая правит *ишханами* и царями, забывающими о прегрешениях древних. Тот же недуг сразит всех причастных к этому. Никто не сможет противостоять строптивцу, если господь, согласно притче, не выступит против него. Посему император не разрешил войскам стать на отдых [и подождать], пока подойдут и сплотятся вокруг него прочие силы. Они бы воодушевляли друг друга на подвиги мужества, и так образовалась бы великая армия, внушающая ужас противнику. Но Диогэн пожелал добиться успеха лишь собственными силами. Он подошел к пределам *гавара* Маназкерта, где расположился лагерем персидский царь. Там, против персидского стана, он разбил свой лагерь, вокруг приказал возвести укрепления и назначил день битвы.

Персидский же султан был в тревоге и коварно стремился начать бой [немедленно], он опасался, что будут стянуты другие отряды, мощь императора возрастет и ему не удастся прорвать оборону врага. Он предпочитал выступить против двух сил, нежели против трех. Султан поспешно поднял своих, так что греки невольно вынуждены были изготавиться к бою против персов. Противники в ярости /139/ напали друг на друга, они бились в боевом рвении, но ни та, ни другая сторона не могла еще одолеть. Вскоре, однако, крупный отряд, воины которого не были причастны к богопочитанию, изменил греческому императору и перешел на сторону врага. Это вызвало смятение в греческом стане, войска стали биться вяло и трусливо, в то время как воодушевившиеся персы мужественно и неукротимо бросались в бой. Не ведая истинного положения дел, греческий император разгневался на армянское войско и всю нацию, отнесясь к ним с презрением. Но вот он обратил внимание на боевую храбрость и подвиги удальцов, которые не утратили присутствия духа перед могучими персидскими лучниками, мужественно держали фронт и не показывали спину, хотя многие из них были настроены к императору враждебно; тем не менее они не изменили и приняли смерть, желая, чтобы после смерти [132] об их преданности и храбрости осталась добрая память. И тогда император выказал им свою любовь и посулил великие дары.

Император поднял глаза и с того места, где он располагался, посмотрел на противника. Увидев, что часть его собственной рати обратилась в поспешное бегство, он немедленно облачился в боевую одежду, вооружился и, как молния, устремился в гущу боя. Сразил многих персидских храбрецов и среди войск [противника] вызвал смятение. Но не ведал того, что не с ним был военачальник отрядов господних, который явился Иосии и даровал ему победу. Господь не выступил с мечом и щитом вместе с нами, не обнажил меч против врага и не остановил его. Всемогущий господь не появился среди [императорских отрядов] и не протрубил нам в рог спасения и

надежды, но отнял у нас [дарованное] им /140/ же мужество, предал нас в руки врагов наших, на поругание соседям нашим, отдал нас на заклятие словно овец. Луки наши раскрошились, оружие оказалось переломленным, воины ослабли и оробели, ибо господь лишил мощи воинов и начальников наших. Отнял у них за непотребные нравы меч и могущество и выдал их врагам.

И вот этого могущественного владетеля царского престола полонили, словно жалкого и грешного раба, и поставили перед персидским царем. Но господь и наказывает и утоляет боль, бесконечна сладость его человеколюбия, и порицаемого он не совсем ниспровергает, но после немногих испытаний прощает, дабы мы осознали собственную немощь. И он пощадил и облагодетельствовал владетеля своего престола! Звероподобному персидскому царю он внушил любовь и заботу, какую питают к любимому брату, и [персидский султан] охотно пощадил Диогэна и выпустил его.

Но освобожденного господом и вырванного из рук чужестранца свои, коварно надругавшись, ослепили и убили, и несмываемой кровью окропили царский престол. И с тех пор начальники и воины утратили свое мужество и победа более не доставалась империи. Коварство и ненависть разделили династов, поправших правосудие: они разоряли страну и [133] ничем не способствовали ее спасению. И господь разгневался и призвал для отмщения многие народы, от Лунных гор ⁴⁰ и до великой реки, протекающей по северной стороне Индии ⁴¹, дабы эти иноязычные и злобные племена наводнили многие [земли] нашей страны, обосновались на берегу моря Океан и разбили шатер против великого града, чтобы весь мир заполнить кровью и трупами и положить конец порядку и вере христианской.

Пока же великий султан Алб-Аслан ⁴² увидел, сколь значительны /141/ одержанные им победы, увидел счастливый исход трех войн (во время первого похода, правда, Маназкерт не был взят, но многие области он [султан] разорил мечом и взятием в полон; во второй раз избиениями и пожарами он обратил в пустыню Ани) и с дерзкой самоуверенностью выступил навстречу греческому императору. И думал: «Если [Диогэн] изъявит покорность, я с любовью и почестями отпущу его в собственное царство, И заключим клятвенное соглашение, что между персидским царством и греческим утверждается мир». Выйдя из этой войны победителем, когда все, о чем он помышлял, удалось, а тот, кто внушал трепет и страх, стоял перед ним в оковах, словно раб, он вспомнил об обете, данном богу, и усадил Диогэна справа от себя. Возвеличил его, словно родного, и заключил с ним договор, мол, пусть отныне кончится между ними вражда. Владей в мире своим царством, а мы — персидским. То, что я захватил в войне, остается мне, но мы не будем более вторгаться в вашу страну. И отпустил его с великим почетом. А когда увидел, что Диогэн коварно схвачен своими *нахарарами* ⁴³ и ослеплен, и умер, не дойдя до царского престола, он преисполнился гнева и ярости. Хотел отметить за друга, но его самого постигла смерть. И ушел он из мира вслед за прочими смертными, [придя туда], где едины цари и бедняки ⁴⁴.

/142/ ПАМЯТНОЕ СЛОВО НАСТОЯЩЕГО СОЧИНЕНИЯ

Я счел необходимым напомнить в этой книге любезным братьям моим о событиях, достойных того, чтобы о них поведали. В самом начале повествования было кратко сказано о предвидении божьем и о непостижимости его. Стремительное, обращенное к миру, прекрасное и светлое тело, насыщенное ярчайшим светом, следует по середине пути, быстро несется по ясному полушарию, оставляя под собой землю. Но вот оно облекается в широкую сотканную из многолетних грехов ткань. И вокруг него образуется густой мрак, который задерживает яркое свечение. То нельзя было решиться взглянуть на него, а теперь оно стало тусклее звезды — виден лишь

круглый контур... Так вот, образом своим оно являет ясное, светлое устройство церкви, погруженное [ныне] в мрак. И тьма поглощает чистоту душевную и свет праведного пути.

Со времен изложенных выше событий, когда по армянскому летосчислению 482 год ⁴⁵, и до наших дней оскверняется и разрушается святой обет и церковное устройство. [С тех пор] мы не слышим вести о мире и доброго известия. Не воздвигается столп победы, одержанной царем или *шиханами*. И не только они, но также и иереи не смогли отвратить чудище-войны, ибо ослабели, утратив силу. Нетерпеливые и своенравные, они оказались под властью неприятеля, и мир заполнился [их] смутой и раздорами; понемногу оправдалось пророчество о затмении мира. После этого напали на нас враги, облачили нас в скорбь и печаль и радостям пришел конец.

/143/ Итак, когда по всему миру распространились бедствия и горестные муки, пламя, вспыхнувшее на юге, захватило высокие крепости и уничтожило неприступные башни, словно растопленный воск. Ушли в небытие цари и *ишханы*, и покинула нас надежда на спасение. И всех нас постиг гнев господний — молитвенные дома разорены, а камни, омытые священным елеем, служат основанием дворцов для чужеземцев. Пришел конец священному богослужению, мы стали **[135]** посмешищем для язычников. Изнуренные и согбенные, мы клонимся долу, стали подобны высохшим скелетам, утратившим дыхание жизни. Мы преисполнены грехов отцов наших, и с нас требуют возмездия за грехи наших предков. Нас постигло семикратное возмездие, а имя христианское оскорблено и поругано. Пришел конец законам и [праведному] суду, ни к чему наши слезы и стенания. [Враги] усматривали в том благочестие, чтобы грабить и убивать нас. Их выводила из себя одежда, которой прикрывается наш стыд, а завидев нас обнаженными, они чрезвычайно веселились. Постигшие нас великие бедствия иссушили нас, обратив в стебелек. Как тени, блуждаем мы по миру, дрожа от страха. Не насыщает нас пища, и горько питье от страха и угроз повелителей наших. Не верят они, что господь наш на небесах и дойдут до него молитвы и мольбы наши. Ибо господь пожелал истерзать нас в муках, истомить и измучить, всех без различия в возрасте ввергнуть в страдания. Отвратил нас от лица своего, словно подлежащих наказанию грешников, удалив, рассеял нас среди чужих народов, [думая, что так], быть может, сумеет подчинить булаве своего назидания **/144/** строптивные, непокорные и неукротимые мысли наши, как Израиль во времена Илии и Самарию при Елисее. Не было у них и частицы надежды, упразднено [было] попечение царя и начальников, и, что превыше всего, [умолкло] благодатное и утешительное слово пророка, чем они [некогда] укреплялись и противостояли тяжким испытаниям, ниспосланным от господя. Нам же тяжелее и хуже всех — нет царя и *ишхана*, душа и тело покинуты наставником, и не найти нам пристанища. Истомившиеся, мы вынуждены существовать в царстве язычников, день за днем испытывая тяжкие удары их бича. Мы не служили господу, так послужим чужестранцам, презрели страх божий — день за днем нас будет преследовать страх перед ними... Нерадиво отправляли мы службу господню, так послужим покорно им и днем и ночью. И [бог] не только вразумил нас за грехи наши, но с милосердием и состраданием вверг нас в горнило, дабы наставить на путь истинный и добрый. **[136]**

Если взвесишь ты, [господи], грехи наши, они окажутся значительно больше выслушанного от тебя назидания, а наказание — легче вины нашей. Пошли нам, господи, любую бурю испытаний, но не отвращай от лица своего. Обрушь на нас могучий вал мученичества, но не лишай нас любви своей, господи! Лучше попасть в твои руки и принять от тебя наказание, чем оказаться вдали в своем непослушании. Лучше в страданиях и муках быть вблизи от тебя, чем отойти ради покоя и благодати. Достаточно того, что имя твое святое призывается над нами, мы сопричислены к твоим наследникам, а ты своей честной кровью признал нас народом нового обета. Не

выпускай нас, творец, из рук своих, /145/ согласно воле твоей, дабы не доконали нас ненавистные тебе язычники, И все это — больше, чем сказано в моей книге, — постигло нас за грехи наши.

Невозможно описать все бури, пронесшиеся в наши времена, или изложить отдельно все, что случилось в каждом месте, в каждой области или городе, — все, что пришлось перенести нам от язычников. Ни одного дня, ни разу не обрели мы покоя и отдохновения, но все время было насыщено смутами и невзгодами. Со дня на день росли страдания и муки. И все они были настроены злобно, хотя долгие годы провели у нас. Их змеиная злоба не прекратилась, не насытилась подобная огню жадность. Все их помыслы о нас вероломны, слова же преисполнены коварства. И каждое утро они приступали к новым злодеяниям, ибо всеми владела одна мысль — покончить с нами, износив как обветшалые лохмотья, стереть у себя даже память о нас — не смотреть на нас и не видеть нас живыми. И пусть под ногами их бесследно исчезнут могилы наши...

Поэтому мы обратились к древним летописям, чтобы должным образом, приличествующими словами они наложили отпечаток на эту книгу, где достоверно собраны воедино события прошлого и настоящего. Пусть о них останется память, как это мы видим в исторических сочинениях древности. В этой же книге описано не все, но лишь начало постигших нас событий, ибо не в силах мы полностью осмыслить [137] и описать их завершение. Тем не менее мы все это изложили с целью, чтобы, прочтя, вы узнали грех был причиной всего постигшего нас. Чтобы взирая на нас, вы трепетали перед богом, дрожали от страха перед его могуществом И своевременной исповедью и покаянием предупреждали [наказание], а не вызывали [возмездие], став его жертвой.

Комментарии

1. Имеется в виду тот же 1057 г.
2. *Арег* — восьмой месяц армянского подвижного календаря. В 1057 г. *арег* приходился на 3 октября—2 ноября. См. Dulaurier, *Recherches*, p. 294.
3. Древнее название *гавара* — Даранали, первый *гавар* Высокой Армении в верховьях Евфрата. Камах — один из центров *гавара*, здесь находились родовые усыпальницы Аршакидов. См. Еремян, *Армения*, стр. 49.
4. В XI в. Колония—небольшая феода с центром в одноименном городе.
5. *Навасард* — первый месяц армянского календаря. В 1058 г. 1 навасарда приходилось на 7 марта.
6. В разночтениях — Мормеанс, [Мормарреанс, Мормранс, Морранс, Мормарреан; по определению Н. Г. Адонца, современный Меломеран. См. Адонц, *Армения*, стр. 14.
7. Согласно преданию, санасуны-сасунцы происходят от Санасара, сына ассирийского царя Синнахериба. См. Мовсэс Хоренаци, стр. 70; Prud'homme, p. 31, n. 4.
8. В Тароне правил Торник Мамиконян, под командованием которого и было совершено это нападение. См.: Маттэос Урхайеци, стр. 130—131; Honigmann, *Ostgrenze*, S. 184.

9. Имеется в виду известный монастырь близ Муша, основанный в IV в.; Храхат лишь обновил его.

10. Имеется в виду Григор Магистр.

ГЛАВА XXII

11. В подлиннике (стр. 121.19-20): ***.

12. В Никейских правилах это положение не встречается; быть может, здесь имеются в виду Кесарийские правила; см. «Армянская книга канонов», предисловие, научно-критический текст и примечания Вазгена Акопяна, I, Ереван, 1964, стр. 174—175 (на арм. яз.).

13. В подлиннике (стр. 1244): *мицлнеай* 'мессальянский'. Термин приобрел нарицательный смысл и на протяжении всего средневековья употреблялся как синоним грязного, нечестивого и т. п. Ср. франц. bougre, восходящее к болгарам-богомилам, или груз. тондракели (от тондракитов).

14. *Алуесадрошм* — лисий знак, клеймо с изображением лисы, которое в Армении обычно накладывали на еретиков. В сочинении грузинского католика Арсена (IX в.) рассказывается о том, как ко лбу Йовхана Майрагомеци было приложено раскаленное медное «лисые» клеймо. См. Меликсет-бек, *Грузинские источники*, стр. 48.

15. Мухаркин — искаженное Майяфарикин, ныне Фаркин. Находился на месте древнеармянской столицы Тигранакерт (1 в. до н. э.). О различных наименованиях этого города см. Еремян, *Армения*, стр. 73.

16. В подлиннике (стр. 175.6) игра слов: ***.

ГЛАВА XXIII

17. Находился на реке Мананали (Тузлу). См. Адонц, *Армения*, стр. 49—51.

18. То есть Албании Кавказской.

19. Игра слов: Камарай—Камарар (по-армянски) 'исполнитель воли'.

20. Обвинение в кровосмесительстве было столь обычным по отношению к еретикам, что Аристокс в пылу своих обличений приписал Врвэру кровную близость к сестрам Ахни и Камарай, чего в действительности не было (см. начало абзаца).

21. Кашэ, ныне Кунша, находился на реке Мананали. См. Адонц, *Армения*, стр. 49—51.

22. Точной локализации не поддается, но безусловно вблизи Кашэ.

23. Гора Пахрай (Гайлахазут). См. Еремян, *Армения*, стр. 76.

24. *Баамалбюр* 'множество источников'.

25. *Хач*, арм. 'крест'. См. Адонц, *Армения*, стр. 49—51.

26.. *Арусеак*, как было уже разъяснено, — «Венера», в данном случае «утренняя звезда».

27. В подлиннике (стр. 129.12 и ниже): *хайрапет*, букв. 'патриарх'; употреблено в общем значении, речь идет об архиепископе данной области.

28. Джермай, ныне селение Черме, на реке Мананали. См. Адонц, *Армения*, стр. 49—51.

29. Котэр, ныне Котур или Кёттюр, — находящийся на западном берегу Евфрата. См. Адонц, *Армения*, стр. 49—50.

30. Н. Г. Адонц (*Армения*, стр. 50) • предлагает читать Пирис, соответственно современному звучанию. Пирис находится на западном берегу Евфрата.

31. В подлиннике (стр. 133.1): *мцлнэ* (ем. прим. 3 к главе XXII).

ГЛАВА XXIV

32. Имеется в виду султан Алп-Арслан (1063—1072), племянник Тогрул-бека.

33. В начале 1064 г. Алп-Арслан собрал огромное войско и перешел Араке. Одна армия под командованием его сына Мелик-шаха и знаменитого везира Низам ал-Мулька заняла Нахчаван, Сурмари (Сурмелю) и Мармашэн, сам же Алп-Арслан через Албанию Кавказскую дошел до Грузии и Ташир-Дзорагета. Обе армии соединились у стен Ани. См.: Honigmann, *Ostgrenze*, S. 135—136; Манандян, *Критический обзор*, стр. 53 и сл.

34. Согласно Матфею Эдесскому, обороной Ани руководили отец Смбата Баграт и сын Бакура Григор. (См. Маттэос Урхайеци, стр. 148; франц. пер., стр. 123). Первый из них Баграт Вхкаци в 1059 г. был правителем Васпуракана (см. Бартикян, *Завещание Евстафия Воилы*, стр. 395, прим. 2). Вскоре он, имея титул магистра, становится катепаном Востока: об этом свидетельствует армянская надпись на западной стене Анийского собора (см. Бенешевич, *Три анийские надписи*, стр. 21—28, табл. X). Незадолго до нашествия Алп-Арслана Баграт Вхкаци стал дукком Ани, обещав императору Константину Дуке нести эти обязанности безвозмездно (Scyl., p. 653; Attal, pp. 80—81). Баграт Вхкаци принадлежит безусловно к тому же роду, что и патрикий Григорий, автор греческой надписи 1006/07 г. из Эгрека, родовое имя последнего было не КНХКАТЗИ, а ВНХКАТЗИ Ср.: P. Lemerle, *Prolegomenes a une édition critique et commentée des «Conseils et Recits» de Kekaumenos*, Brnxelles, 1960, pp. 23—36; H. Bartikian, *La genealogie du magistros Bagarat, catepan de l'Orient et des Kekaumenos*, — REA, nouvelle serie, II, 1965, pp. 260—262.

Целый ряд обстоятельств заставляет думать, что, покинув невредимым Ани, Баграт Вхкаци в 1075—1078 гг. выступил в качестве автора известного «Стратегикона Кекавмена».

Соправителем Баграта был Григорий Бакуриан, основавший в 1081—1083 гг. монастырь в Бачкове (Болгария) и написавший его устав. См. Н. Я. Марр, *Аркаун или монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах*,—В В, XII, 1906.

35. Описание дворца см.: Марр, *Ани*, стр. 66—71; Орбели, *Краткий путеводитель*, стр. 110—112.

36. В Ани были три линии укреплений: стены Вышгорода, Ашо-товы стены и Смбатовы стены (см. Орбели, *Краткий путеводитель*, стр. 106—107, 110, 114—116). Для того чтобы дойти до Вышгорода, нужно было последовательно прорвать оборону у Смбатовых, затем Ашотовых стен. В своем изложении Аристакэс явно противопоставляет Нерки Берд дворцу, который находился на территории Вышгорода. Территория, на которую распространялось название Нерки Берд, определяется с помощью параллельного места из Матфея Эдесского: «При этих обстоятельствах [Баграт и Григор] начали укрепляться в Верхней крепости и в Нижней —*** (Маттэос Урхайеци, стр. 148). Здесь «Верхней крепости» — «Верин» (которая может быть только Вышгородом) противопоставляется «Нижняя» — «Неркин». Речь идет, по-видимому, о пространстве за Ашотовыми стенами, куда бросились жители, после того как сельджуки прорвались сквозь Смбатовы стены. В этой связи становится понятной и следующая фраза: «Когда врагам стало ясно, что укрепившиеся в городе не способны к [сопротивлению] и т. д.». Вардан (стр. 118, русск. пер., стр. 110) указывает на древность названия Нерки Берд. Нерки Берд Аристакэса следует переводить 'Нижняя', а не 'Внутренняя крепость' (Citadelle interieure, inneres Burg), как это часто делается.

На плане-вкладке в «Шираке» Алишана (Венеция, 1881) средняя часть города обозначена Неркнаберд, но на стр. 57 Вышгород отождествлен с Нижней крепостью Ани.

Непривычная форма Нерки может быть истолкована двояко. Либо это искаженное прилагательное Неркин, с усечением последней буквы (что маловероятно, так как то же написание дважды встречается у Вардана), либо родительный падеж простореч. *нер-к*, которое в литературном языке встречается в сочетаниях *нер-к-уст*, *нер-к-ев*, и др. См. Малхасянц, *Толковый словарь*, III, стр. 459.

37. По подсчетам Э. Дюлорье, Ани был взят 16 августа 1064 г.; той же точки зрения придерживается и Я. А. Манандян и другие авторы (см.: Dulaurier, *Recherches*, p. 297; также Prud'homme, p. 141, n. 1; Манандян, *Критический обзор*, стр. 60). Встречающаяся в литературе дата — 1065 г. — основана на недоразумении. См.: «История армянского народа», стр. 155; Орбели, *Развалины Ани*, стр. 6.

О захвате Ани см. Марр, *Ани*, стр. 25—28; Манандян, *Критический обзор*, стр. 59—60; Орбели, *Развалины Ани*, стр. 6—7. Мусульманские авторы сообщают, что во время осады города одна из башен неожиданно рухнула. По мнению И. А. Орбели, во время осады случилось землетрясение. Сейсмические условия района Ани дают все основания для подобного предположения. См.: M. Canard, *La campagne armenienne du sultan Salguqide Alp Arslan et la prise d'Ani en 1064*, — REA, nouvelle serie, II, 1965.

ГЛАВА XXV

38. Роман IV Диоген (1067—1071). Он действительно был шестидесятым византийским императором. См. Ш. Диль, *История византийской империи*, М., 1948, стр. 148 и ел. (список византийских императоров).

В тексте (стр. 137.12) восстановлено написание Диогэн, в то время как в рукописях ***; в первом издании (стр. 112): ***. Списки, по-видимому, отражают звучание, усвоенное киликийскими армянами под влиянием романских говоров крестоносцев. Такова природа появления *мажистрос 'магистр'*, *Перперожэн 'Порфирогенит'* и пр. Иначе—H. Thumb, *Die griechischen Lehnwörter im Armenischen*, — VZ, IX, 1900, S. 408—409.

39. Рштуник — первый *гавар* области Васпуракан, на южном берегу оз. Ван.

40. Древние географы помещали эти горы у источников Нила.

41. Phud'homme (р. 146, п. 1) полагает, что *** подлинника обозначает не Индию, а Эфиопию, соответственно речь идет о Ниле. Поэтому и упомянутый ниже Океан — Средиземное море, а «великий град» — Константинополь.

42. В первом издании (стр. 115)-***. Новое чтение (стр. 140.29) *** ближе к написанию *** и тем самым предпочтительнее.

43. В данном контексте *нахарары* — сановники византийского императора.

44. Изложение в «Повествовании» битвы при Манцикерте и последующих событий хорошо согласуется с данными других источников. См.: С. Cahen, *La campagne de Manzikert*, — «Byzantion», IX, 1934; его же. *Premiere penetration*, p. 30 sq.

ПАМЯТНОЕ СЛОВО НАСТОЯЩЕГО СОЧИНЕНИЯ

45. 13 марта 1033—12 марта 1034 г. По-видимому, порча текста, в противном случае непонятно, чем руководствовался Аристакез, указывая на 1033 г. как на начало бедствий, постигших Армению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Абемян, История древнеармянской литературы. — М. Х. Абемян, *История древнеармянской литературы*, книга вторая, Ереван, 1946 (на арм. яз.).

Абуладзе, Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. — «Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник (*Картлис Цховреба*)». Грузинский оригинал и Древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал И. В. Абуладзе, Тбилиси, 1953.

Агаджанов — Юзбашян, К истории тюркских набегов. — С. Г. Агаджанов и К. Н. Юзбашян, *К истории тюркских набегов на Армению в XI в.*, — ПС, вып. 13 (76), 1965.

Адонц, Армения. — Н. Г. Адонц, *Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя*, СПб., 1908.

Асолик.— «Всемирная история Степаноса Таронепи Асолика», издал С. Малхасянц, СПб., 1885 (древнеарм. текст); русск. пер.: «Всеобщая история Степаноса Таронского, Асолика по прозванию, писателя XI столетия». Переведена с армянского и объяснена Н. Эминым, М., 1864.

Ачарян, Словарь личных имен. — Р. Ачарян, *Словарь армянских личных имен*, I—IV, — «Научные труды Ереванского Государственного университета», тт. XXI, XXIV, XXV, XXVI, Ереван, 1942— 1948 и т. V, отд. изд., 1962 (на арм. яз.).

Бартикян, Завещание Евстафия Воилы. — Р. М. Бартикян, *Завещание Евстафия Воилы (1059 г.) как важный источник по истории Армении и Грузии*, — ВМ, 1960, № 5 (на арм. яз.).

Бартикян, Легендарное происхождение павликиан.— Р. М. Бартикян, *Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи*, — ИАН АрмССР, 1957, № 1 (на арм. яз.).

Бенешевич, Три анийские надписи. — В. Н. Бенешевич, *Три анийские надписи из эпохи византийского владычества*, Пг., 1921.

Вардан. — «Всемирная история великого Вардана Бардзрбердци», издал Мкртич Эмин, М., 1861 (древнеарм. текст); русок. пер.: «Всеобщая история Вардана Великого, перевел Н. Эмин (с примечаниями и приложениями), М., 1861.

Грен, Династия Багратидов в Армении. — А. Грен, *Династия Багратидов в Армении*, — ЖМНП, 1893, ноябрь.

Еремян, Армения. — С. Т. Еремян, *Армения по «Ашхарацуйцу-у» (Армянской географии VII века)*, Ереван, 1963 (на арм. яз.).

«История армянского народа».— «История армянского народа», под редакцией Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна, Ереван, 1952.

«История Грузии». — Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Довдуа, М. К. Думбадзе, Г. А. Меликишвили, Ш. А. Месхиа, *История Грузии, 1. С древнейших времен до 60-х годов XIX века*. Учебное пособие, Тбилиси, 1962.

Картлис Цховреба. — *Картлис Цховреба* (История Грузии). Грузинский текст, т. I. Тбилиси, 1955. Малхасянц,

Толковый словарь. — «Толковый словарь армянского языка», составил Ст. Малхасянц, тт. I—IV, Ереван, 1944 (на арм. яз.).

Манандян, Критический обзор. — Я. А. Манандян, *Критический обзор истории армянского народа, т. III. От XI века до начала XV века*, Ереван, 1952 (на арм. яз.).

Марр, Ани. — Н. Я. Марр, *Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища*, М.—Л., 1934.

Маттэос Урхайеци. — Маттэос Урхайеци, *Хронография*, Вагаршапат, 1898 (древнеарм. текст); франц. пер. — «Chronique de Matthieu d'Edesse, continuee par Gregoire le Pretre», — «Bibliothèque historique armenienne . . . par Edouard Dulancier», Paris, 1858.

Меликсет-Бек, Грузинские источники. — Л. Меликсет-Бек, *Грузинские источники об Армении и армянах, том I (V—XII века)*, Ереван, 1934 (на арм. яз.).

Мовсэс Хоренаци.— «История Армении Мовсэса Хоренаци», издали М. Абемян и С. Арутюнян, Тифлис, 1913 (древнеарм. текст). Новое издание (подлинник).— «Повествование Аристахэса Ластивертци», Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян, Ереван, 1963.

НСАЯ. — «Новый словарь армянского языка», I—II, Венеция, 1938 (на арм. яз.).

Орбели, Краткий путеводитель. — И. А. Орбели, *Краткий путеводитель по городищу Ани*, — Избранные труды, Ереван, 1963.

Орбели, Развалины Ани. — И. А. Орбели, *Развалины Ани*, — Избранные труды, Ереван, 1963.

Первое издание. — «Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци», Венеция, 1844 (древнеарм. текст).

Розен, Император Василий Болгаробойца. — В. Р. Розен, *Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского*. СПб., 1883.

Самуэл Анеци. — «Выборки из исторических книг иерея Самуэла Анеци», издал А. Тер-Микелян, Вагаршапат, 1893 (древнеарм. текст).

Скабаналович, Византийское государство и церковь. — Н. А. Скабаналович, *Византийское государство и церковь в XI веке*, СПб., 1884.

Тер-Гевондян, Арабские эмираты. — А. Тер-Гевондян, *Арабские эмираты в багратидской Армении*, Ереван, 1965 (на арм. яз.).

Товма Арцруни. — Товма Арцруни, *История Арцрунидов*, изд. К. Патканян, СПб., 1887 (древнеарм. текст).

Успенский, История Византийской империи. — Ф. И. Успенский, *История Византийской империи*, т. III, М.—Л., 1948.

Юзбашян, «Варяги» и «прония». — К. Н. Юзбашян, «Варяги» и "прония" в сочинении Аристакэса Ластивертци, — ВВ, т. XVI, 1959.

Юзбашян, Дейлемиты. — К. Н. Юзбашян, *Дейлемиты в «Повествовании» Аристакэса Ластивертци*, — ПС, 1962, № 7 (70).

Attal. — «Michaelis Attaliothae Historia», Bonnae, 1853.

Brosset, Additions et éclaircissements. — M. Brosset, *Additions et éclaircissements a l'histoire de la Georgie*, St.-Pbg., 1851.

Brosset, Histoire de la Georgie. — «Histoire de la Georgie depuis l'antiquite jusqu'au XIX-e sieole», traduite du georgien par M. Brosset, St.-Pbg., 1849.

Bury, Administrative system. — J. Bury, *The imperial administrative system in the ninth century*, London, 1911.

C. Cahen, Premiere penetration. — C. Cahen, *La premiere penetration turque en Asie-Mineure (seconde moitie da XI' siecle)*, — «Byzantion», XVIII, 1946—1948.

Cedr. — «Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope», Bonnae, II, 1839.

Dulaurier, Recherches. — E. Dulaurier, *Recherche» sur la chronologie armenienne technique et historique*, Paris, 1859,

Ibn al-Athir. — «Ibn al-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur» ed. C. I. Tornberg, Lugduni Batavorum, IX, 1863.

Honigmann, Ostgrenze.— E. Honigmatin, *Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071*, Bruxelles, 1935.

Markwart, Suedarmenien. — J. Markwart, *Suedarmenien und die Tigris-quellen*, Wien, 1930.

Minorsky, Studies in Caucasian History. — V. Minorsky, *Studies in Caucasian History*, London, 1953.

Prud'homme. — *Histoire d' Armenie, comprenant la fin du royaume d'Ani et le commencement de l'invasion des Seldjoukides, par Arisdagaes de Lasdiverd; traduite . . . par E. Prud'homme*, Paris, 1864.

Schlumberger, L'epopee byzantine. — G. Schlumberger, *L'epopee byzantine a la fin da X' siecle, I*, Paris, 1896.

Scyl., см. *Cedr.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — «Византийский временник».

ВМ — «Вестник Матенадарана».

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

ИАН АрмССР — «Известия Академии наук Армянской ССР», серия общественных наук.

ИФЖ — «Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР».

ПС — «Палестинский сборник».

BZ — «Byzantinische Zeitschrift».

REA — «Revue des Etudes Armeniennes».